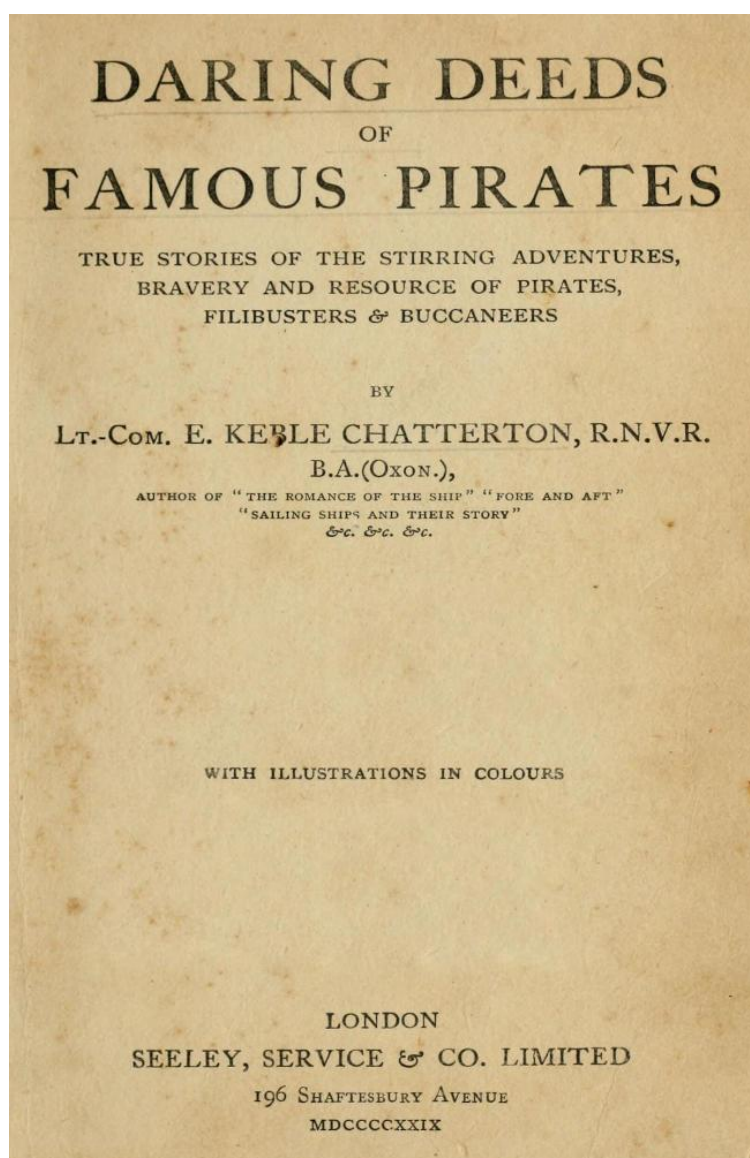

Дерзкие поступки знаменитых пиратов. Правдивые истории о захватывающих приключениях, храбрости и находчивости пиратов, филистеров и буканьеров

Э. Кебл Чаттертон

The Project Gutenberg eBook of Daring Deeds of Famous Pirates.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать в соответствии с условиями Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Дерзкие поступки знаменитых пиратов

Автор: Э. Кебл Чаттертон

Дата выхода: 28 марта 2021 года [eBook #64954]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Тургут Динсер и группа онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK DARING DEEDS OF FAMOUS PIRATES ***

Ожесточенная дуэль

После обмена выстрелами, когда Тич (Черная Борода) был ранен, они выхватили шпаги и яростно набросились друг на друга. Шпага Мейнарда сломалась у него в руке, и если бы не один из его людей, ранивший Черную бороду в горло, дуэль на этом бы и закончилась.

СМЕЛЫЕ ПОСТУПКИ ЗНАМЕНИТЫХ ПИРАТОВ

ПРАВДИВЫЕ ИСТОРИИ О ЗАХВАТЫВАЮЩИХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ, ХРАБРОСТИ И
НАХОДЧИВОСТИ ПИРАТОВ, ФИЛИСТЕРОВ И БУКАНЬЕРОВ

Подполковник. Э. КЕБЛ ЧАТТЕРТОН, R.N.V.R.

В.А. (Охот.),

АВТОР КНИГ "РОМАНТИКА КОРАБЛЯ", "НОС И КОРМА".

"ПАРУСНЫЕ КОРАБЛИ И ИХ ИСТОРИЯ"

и т.д. и т.п.

С ЦВЕТНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

ЛОНДОН

SEELEY, SERVICE & CO. LIMITED

196 Шафтсбери Авеню

MDCCCCXXIX

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА.	СТРАНИЦА
I. Самые ранние пираты	17
II. Пираты Северного моря	29
III. Пиратство в эпоху ранних Тюдоров	37
IV. Корсары Юга	48
V. Осы за работой	60
VI. Галереи и галантность	70
VII. Пиратство в елизаветинские времена	79
VIII. Елизаветинские моряки и турецкие пираты	89
IX. Флот Стюартов выступает против "пиратов"	101
X. Бристольская биржа хороших кораблей	114
XI. Чудесное достижение	126
XII. Великий сэр Генри Морган	136
XIII. "Черная борода" Учителя	151
XIV. История капитана Кидда	162
XV. Подвиги капитана Эйвери	172
XVI. Джентльмен удачи	183
XVII. Пол Джонс, пират и капер	196
XVIII. Пресловутый американский пират	210
XIX. Последний из алжирских корсаров	217

XX.	Пираты Персидского залива	224
XXI.	История Аарона Смита	235

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Ожесточенная дуэль	<i>Фронтиспис</i>
	ЛИЦЕВАЯ СТРАНИЦА
Дерзкое нападение	54
Рабы на галерах	76
Галантность вопреки обстоятельствам	90
Обманутые надежды	104
Бомбардировка Алжира	220
Атака на пиратский оплот	232

ПРИМЕЧАНИЕ

Содержание этой книги взято из более крупного и дорогостоящего издания лейтенанта Кебла Чаттертона под названием "Романтика пиратства".

РОМАНТИКА ПИРАТСТВА

ГЛАВА I САМЫЕ ПЕРВЫЕ ПИРАТЫ

Наверное, мало найдется слов, которые сразу навевают мысли о романтических приключениях, как слова "пират" и "пиратство". Вы сразу же представляете себе бурное волнение, столкновение незаконных воль, и перед вашими глазами проходят отчаянные сорвиголовы, чья жизнь и род занятий неразрывно связаны с морем.

Само значение этого слова, как вы увидите, обратившись к греческому словарю, указывает на того, кто *пытается* ограбить. В классические времена в Средиземноморье существовал вид легких и быстрых судов, называвшихся *миопаро*, поскольку они использовались в основном пиратами. Поскольку греческий глагол *peirao* означает буквально "пытаться", он имел вторичное значение "испытывать судьбу в морском воровстве". Таким образом, *peirates* (по-гречески) и *pirata* (по-латыни) означали на плаву аналог разбойника или разбойницы на суше. В сознании многих людей пиратство вызывает представления, уходящие корнями в XVII век, но, несмотря на то, что в этот период пиратство достигло неслыханных высот в некоторых морях, морское разбойное ремесло зародилось гораздо раньше.

Морской разбой - это, безусловно, одна из самых древних профессий в мире. Я использую слово "профессия" с осторожностью, потому что в самые ранние времена быть пиратом не означало быть изгоем и отверженным. Тогда считалось столь же почетным принадлежать к компании пиратов, как сегодня - к военно-морскому флоту любой признанной державы. Забавно, что если в те времена в открытом море встречались два незнакомых корабля, и один из них, окликнув другой, спрашивал, кто он - пират или торговец, этот вопрос не воспринимался как оскорбление, а следовал корректный ответ. В наше время регулярных паромных маршрутов и мощных лайнеров, которым мало чего стоит опасаться, кроме тумана и исключительно тяжелой погоды, трудновато осознать, что каждое торговое судно бороздило моря со страхом и трепетом. Отправляясь в путь из порта накладок, не было почти никакой уверенности в том, что даже если корабль доберется до порта назначения, его груз будет доставлен законным получателям. Корабль мог спокойно идти трусцой, держа курс на порт назначения, когда вдалеке появлялось гораздо более быстрое и легкое судно меньшего водоизмещения и более тонких линий. В течение нескольких часов корабль перевернул бы первый, а скудная команда торговца была бы выброшена в море или отдана на службу пиратам, а то и вывезена на берег в пиратский притон и продана в рабство. Богатый груз товаров можно было продать или обменять по достижении суши, а торговое судно затопить или оставить тонуть в средиземноморских волнах.

Очевидно, что, поскольку грузовое судно должно было быть большегрузным, чтобы перевозить максимальный груз, оно в большинстве случаев не могло убежать от быстроходного пирата, разве что в тяжелую погоду. Но для того чтобы иметь хоть какие-то средства защиты, эти мирные суда нередко снабжались турелями большой высоты, из которых на атакующего пирата можно было сбрасывать тяжелые ракеты. На носу, на корме и на середине корабля эти сооружения можно было легко разместить и так же быстро убрать. А в качестве дополнительной помощи можно было достать весла, чтобы увеличить скорость корабля. Ведь если пират полагался в основном на весла, то торговец - на силу паруса. Поэтому в хорошую погоду, при спокойном море, низко сидящее пиратское судно показывало себя с лучшей стороны. Им можно было быстро маневрировать, заходить в маленькие бухты и выходить из них, укрываться недалеко от берега под прикрытием дружественного рифа, а из-за низкого фриборда его было нелегко заметить на большом расстоянии, если только море не было буквально гладким. Но на протяжении всей истории этот тип судов оказывался в невыгодном положении, как только начинал дуть ветер и неровная поверхность уступала место высоким гребням и глубоким бороздам.

Объяснить рост пиратства так же невозможно, как и точно определить зов моря. Человек либо рождается с предрасположенностью к морю, либо нет: невозможно заложить в него этот инстинкт, если он уже не был наделен таким отношением. Так же и мы, каждый из нас, знаем на собственном опыте, что, хотя некоторые из наших друзей и мучаются и тратят силы на сидячую работу, но, выйдя в море, став исследователями или колонизаторами, они находят свое истинное *призвание*. Зов моря - это зов приключений в особой форме. Не без доли правды говорят, что многие из современных яхтсменов, живи они в другие века, стали бы пиратами или каперами. И если мы хотим найти объяснение тому удивительному историческому факту, что столетие за столетием, несмотря на все усилия, которые многие нации предпринимали для подавления пиратства, оно возрождалось и процветало, мы можем только ответить, что, помимо жажды богатства, в основе всего этого лежала любовь к приключениям, желание захватывающих происшествий, ненависть к однообразной безопасности, которую можно найти в столь многих натурах. Один выдающийся британский адмирал заметил на днях, что, по его опыту, лучшими морскими офицерами обычно становятся те, кто в детстве чаще всего попадал в опалу за свои авантурные выходки. Во

всяком случае, по-прежнему верно, что если в человеке или мальчике нет настоящего духа приключений, то море, будь то спорт или профессия, мало чем может его увлечь.

Международное право и рост военно-морских сил практически положили конец пиратству, хотя каперство, несомненно, вновь заявит о себе в следующей большой морской войне. Но если обратиться к истории, то можно обнаружить, что, разумеется, вплоть до XIX века везде, где существовало мореходное государство, процветали и пиратские шайки. Десятилетие за десятилетием пиратство продолжалось в Средиземноморье, пока в конце концов не стало невыносимым, и Рим был вынужден предпринять самые серьезные шаги и применить самые радикальные меры, чтобы уничтожить осиные гнезда. Чуть позже выросло еще одно поколение морских разбойников, которое действовало точно так же, как их предки. Еще дальше в историю уходят корсары-варвары и их потомки, представляющие собой неудержимую угрозу для средиземноморского судоходства. На протяжении четырех или пятисот лет галеры преследовали корабли великих европейских народов, нападали на них, убивали их экипажи и грабили левантские грузы. Раз за разом корсары несли наказание, раз за разом они поднимались вновь. Напрасно флоты южной христианской Европы, корабли Елизаветы или якобинский флот отправлялись на их усмирение. Алжир и Тунис были настоящими очагами чумы в отношении пиратства. На протяжении всего времени северное побережье Африки было очагом пиратства. Только после того, как в 1816 году адмирал лорд Эксмут был отправлен на борьбу с Алжиром, средиземноморскому пиратству был нанесен смертельный удар, хотя оно и продолжало существовать еще некоторое время.

Но пиратство не ограничивается ни одной конкретной нацией, ни одним конкретным морем, так же как и дух авантюризма не является исключительной принадлежностью какой-либо конкретной расы. В Северном море, как и в Средиземном, были пресловутые пираты, на Востоке - европейские пираты, в Ла-Манше - мавританские. Британские пираты были в водах Вест-Индии, как и на Мадагаскаре. Пираты процветали на севере, на юге, на востоке и на западе - в Китае, Японии, у берегов Малабара, Борнео, Америки и так далее. Виды кораблей часто различны, расовые характеристики морских разбойников столь же различны, но все же существует то же решительное столкновение волей, тот же отчаянный характер борьбы, те же захватывающие приключения; и на следующих страницах будет показано, что, несмотря на разницу во времени и месте, романтика пиратских происшествий продолжает жить по той причине, что человеческая природа, в своей основе, очень похожа во всем мире.

Но мы должны проводить различие между пиратами-одиночками и пиратами-коллективами. Например, есть большое различие между карманником и бандой разбойников. Последние действуют по более масштабной и смелой системе. Так всегда было и с морскими разбойниками. Одни были разбойниками, другие - простыми карманниками. "Великие" пираты начинали действовать с размахом. Им недостаточно было подстерегать одинокие торговые суда: они срывались в приморские города и деревни, захватывали силой жителей и продавали их в рабство. Все остальное, что могло привлечь их внимание, они также забирали. Если против них высылали какую-нибудь важную силу, то состязание превращалось не столько в карательную экспедицию, сколько в пиратскую войну. В таком пиратстве не было ничего мелкого. Здесь были свои правила, свои офицерские чины и строевая подготовка. *Лестарх* - это греческое название капитана пиратской группы, и именно благодаря великолепной организации, непревзойденному мастерству бойцов их было так трудно подавить.

Я уже говорил, что пиратство считалось почетной профессией. В самые ранние времена это было правдой. Занятие пирата считалось не менее достойным, чем у человека, который зарабатывал на жизнь морским промыслом или охотой на суше. Как в елизаветинскую эпоху

сыновья лучших английских семей отправлялись в море в бродячие экспедиции для захвата испанских кораблей с сокровищами, так и в классические времена средиземноморские пираты привлекали на свои корабли авантюристов из всех слоев общества, от самых патрициев до самых плебеев: зов моря был так же неотразим тогда, как впоследствии. Но существовали определенные договоренности о том, чтобы разделить пиратский успех, так что был и другой стимул, помимо простого приключения, который побуждал людей становиться пиратами.

Сегодня, если бы военно-морские силы великих государств были выведены, а охрана морей прекращена, можно с уверенностью сказать, что те, кто так настроен, в скором времени возродили бы пиратство. Ничто так не препятствует пиратству, как спокойствие и хорошее правительство. Но ничто так не способствует пиратству, как длительная неустроенность в международных делах и слабость администрации. Именно поэтому непрекращающиеся средиземноморские войны послужили острым стимулом для пиратства. Война порождает войну, и дух беспорядков на море влиял на пирата не меньше, чем на обычного военного. Морской бандитизм приобрел угрожающие масштабы. Эти дерзкие разбойники бродили по морю, где хотели, они набирали силу, не поддаваясь на сопротивление.

Были и особые территории, которые эти пираты предпочитали другим. Липарские острова - примерно с 580 года до н. э. и до римского завоевания - были практически республикой греческих корсаров. Аналогичным образом ионийцы и ликийцы были печально известны своей пиратской деятельностью. После эпохи Фукидида Коринф пытался подавить пиратство, но тщетно. Несмотря на все принятые меры предосторожности, пиратство продолжалось вплоть до завоевания Азии римлянами. Эгейское море, Понт, Адриатика были счастливыми местами плавания корсаров. Пират-адмирал, или, как его еще называли, *архипират*, со своим организованным флотом, состоящим из разнообразных судов, был смертельно опасным противником. Под его командованием были уже упомянутые миопароны - легкие и быстрые, они мчались по морю; затем были гемиолии, названные так потому, что на них было полтора берега весел; далее шли двухбортные биремы и трехбортные триремы, и с этими четырьмя классами кораблей адмирал был готов к любому судну, которое могло пересечь его след. Торговые суда бежали перед ним, военные корабли шли ко дну: где бы он ни появлялся, в приморских городах царил паника. Даже сами Афины ощутили трепет страха.

Знаменитыми были и критские пираты, а этрусские корсары долгое время доставляли большое беспокойство грекам Сицилии. Жители Балеарских островов особенно славились своими пиратскими набегами и искусными приемами борьбы. Куда бы ни направлялся флот для нападения на них, им удавалось нанести огромное поражение, метая огромное количество камней из своих пращей. И только когда они сходились с агрессорами - римлянами, и острые копья последних начинали действовать, островитяне встречали свой отпор и вынуждены были поспешно бежать в укрытие своих бухт. В период, предшествовавший подрыву римского государства Юлием Цезарем, на крайнем восточном конце Средиземного моря существовало очень сильное сообщество пиратов. Они происходили с территории, которая находится в излучине Малой Азии и называется Киликия. Здесь жили - когда сходили на берег - одни из самых опасных морских разбойников, запечатленных на страницах истории. Удивительно, насколько могущественными стали эти киликийцы, и по мере того как они процветали в пиратстве, их число увеличивалось за счет братьев-корсаров из соседних Сирии и Памфилии, а также многих, кто спускался с берегов Черного моря и с Кипра. Эти скитальцы стали настолько могущественными, что контролировали практически все Средиземноморье с востока на запад. Они сделали

невозможным проход мирных торговых судов и даже разгромили нескольких римских офицеров, посланных с кораблями против них.

И так продолжалось до тех пор, пока Рим не осознал, что пиратство давно перестало быть чем-то иным, кроме как серьезнейшим злом, требующим решительного и немедленного подавления. Оно было гибелью для заморской торговли и страшной угрозой для ее собственной территории. Но наконец-то дело было взято в свои руки. Пропретор М. Антоний был послан с мощным флотом против этих киликийских пиратов; они были основательно разбиты, и о важности этого можно судить по тому, что по возвращении в Рим победителю устроили овацию.

В войнах между Римом и Митрадатом киликийские пираты оказали последнему отличную услугу. Длительное продолжение этих войн и гражданская война между Марием и Силлой предоставили киликийцам прекрасную возможность для увеличения численности и силы. Чтобы дать представление об их силе, достаточно указать, что они не только захватывали и грабили все римские корабли, которые им попадались, но и плавали по островам и приморским провинциям и разграбили не менее 400 городов. Они дошли даже до устья Тибра и увезли оттуда несколько судов, груженных зерном. Не стоит забывать и о том, что киликийский пиратский флот не был никчемной эскадрой из нескольких античных кораблей. Он состоял из тысячи судов, которые отличались большой скоростью и были очень легкими. Они были хорошо укомплектованы самыми умелыми моряками, на них сражались обученные солдаты, а командовали ими опытные офицеры. На них было много оружия, и ни люди, ни офицеры не испытывали недостатка в смелости и доблести. Когда вновь возникла необходимость разобраться с этими киликийцами, для борьбы с ними потребовался не кто иной, как Помпей в сопровождении пятнадцати адмиралов, но в конце концов, спустя несколько месяцев, ему удалось вновь очистить море от этих скитальцев.

Мы вполне можем посочувствовать торговым морякам тех дней. Опасности, связанные с ветром и волнами, были ничто по сравнению со страхом попасть в руки могущественных десперато, которые не только были всемогущи на плаву, но и в своих сильных крепостях на берегу были очень сложны для борьбы с ними. Балеарские островитяне на западе, киликийцы на востоке, карфагеняне на юге, иллирийцы вдоль Адриатики на своих низких, удобных либурнских галерах - пираты были готовы окружить все Средиземное море. Стоит заметить - ведь тот, кто читает военно-морскую историю, часто поражается тому факту, что наличие флота предотвращает войну, а отсутствие флота приводит к войне, - что пока Рим имел сильный флот, пиратство угасало: но как только она пренебрегла своей морской службой, пиратство снова возросло, торговля была прервана как на востоке, так и на западе, множество прославленных римлян были захвачены и либо выкуплены, либо преданы смерти, хотя некоторые другие сами перешли на службу к пиратам. За счет пленных, которые работали за веслами, присоединения соседей-пиратов, а также наемников огромное пиратское сообщество с сильной военной и политической организацией продолжало препятствовать развитию заморской торговли. Пиратству можно было помешать, только держа в постоянной готовности римские эскадры.

Конечно, в те ранние времена пираты были и в других водах, помимо Средиземного моря. На западном побережье Галлии венецианцы стали очень могущественными пиратами, и вы помните, как сильно они досаждали Цезарю, доставив ему больше проблем, чем все остальные галлы вместе взятые. Они владели такими прочными кораблями и были такими умелыми моряками, что оказались самыми надежными врагами. Во времена Римской империи пиратство продолжалось также на Черном и Северном морях, хотя Средиземное море было по большей части безопасным для торговых судов. Но когда могущество Рима

пошло на спад, пираты вновь появились в новом качестве. Против них не было грозного флота, и они снова могли делать все, что им заблагорассудится. Но не стоит забывать, что задолго до этого они перестали считаться чем-то вроде охотников и рыболовов. По общему согласию, они стали теми, кого Цицерон назвал "врагами рода человеческого": и так продолжалось до XIX века, лишь с временными промежутками бездействия.

Тысяча кораблей, которые использовали киликийские пираты, были разделены на отдельные эскадры. В разных местах у них были свои военно-морские склады, и в течение уже упомянутого периода, когда они были вытеснены с моря, они сопротивлялись захвату, отступая на берег в свои горные убежища до тех пор, пока не становилось безопасно возобновлять свои авантюры на плаву. Когда Помпей победил их, под его началом был флот из 270 кораблей. Как гласила надпись, которую несли в честь его триумфа по возвращении в Рим, он очистил морские берега от пиратов и вернул римскому народу господство на море. Но пираты всегда могли похвастаться тем, что захватили двух римских преторов, и Юлий Цезарь, когда в юности направлялся на Родос для продолжения учебы, тоже попал в их руки. Однако ему повезло больше, чем многим другим римлянам, которых при захвате подвешивали за руки на верфи, и пиратский корабль гордо отправлялся в путь.

В годы упадка Римской империи готы спустились с севера в Средиземноморье, где собрали флоты, стали очень сильными и переправились в Африку, совершая пиратские набеги на побережье и ведя долгие войны с римлянами. В настоящее время саксы в северных водах Европы совершают пиратские походы к берегам Франции, Фландрии и Британии. Тем временем на юге сарацины спустились на Кипр и Родос, которые они захватили, овладели многими островами Архипелага, а затем направились в Сицилию, чтобы захватить Сиракузы, и, наконец, захватили всю Барбарию от Египта на востоке до Гибралтарского пролива на западе. Оттуда они переправились в Испанию и подчинили себе большую ее часть, пока при Фердинанде и Изабелле эти мавры не были изгнаны из Испании и вынуждены снова обосноваться на северном побережье Африки. Они обосновались, в частности, в Алжире, вышли в море, построили себе галеры и, после того как семьсот лет вели цивилизованную жизнь в Испании, стали на следующие три столетия бичом Средиземноморья, ужасом для кораблей и людей, проявили все жестокости, на которые способен фанатизм мусульманской расы, и бросили тысячи христиан в рабство. Во многом эти страшные мавританские пираты, некоторые из которых и по сей день плавают на своих судах у северного побережья Африки, стали преемниками киликийских и других корсаров классической эпохи. В свое время мы вернемся к рассмотрению пиратской войны, которую эти изгнанные мавры вели на протяжении почти трехсот лет. Но прежде чем перейти к этому периоду, давайте рассмотрим эпоху, которая предшествовала ему.

ГЛАВА II

ПИРАТЫ СЕВЕРНОГО МОРЯ

Я хочу подчеркнуть тот факт, что пиратство почти так же старо, как и сам корабль. Крайне маловероятно, что египтяне когда-либо были пиратами, поскольку, за исключением экспедиции в Пунт, они ограничивали свое плавание практически только Нилом. Но как только люди построили морские суда, инстинкт грабежа и разбоя на море стал таким же непреодолимым, как и на суше. Сила была права, и слабейший шел ко дну.

Учитывая это и помня о том, что с континента по Темзе в Лондон всегда велась активная торговля, особенно кукурузой, и что между Галлией и Британией через Ла-Манш существовало значительное сообщение, было вполне естественно, что морских разбойников на севере было не меньше, чем на юге. После захвата Британии Рим создал флот, который назвал "Британским классом" (Classis Britannica), и он не мог не быть эффективным в охране узких морей и защите торговли от странствующих корсаров. Мы прекрасно знаем, что после того, как Рим эвакуировал Британию, и не было никакого флота, чтобы защитить наши берега, пришли англ и саксы и юты. Этих северян, которые грабили и разбойничали до времен Вильгельма Завоевателя и после, мы можем с полным правом считать пиратами. В том смысле, что пират - это тот, кто не только занимается разбоем в открытом море, но и спускается на побережье с целью грабежа, мы можем назвать моряков-викингов пиратами. Но, строго говоря, они были гораздо большим, чем это, и предмет этой книги - скорее морские инциденты, чем вторжения на сушу. Хотя викинги, несомненно, занимались пиратством как в своих водах, так и у берегов Британии, их грабежи в этом отношении, даже если бы мы смогли получить достаточную информацию о них, оказались бы ничтожными перед их более значительными завоеваниями. Ведь раса людей, которые сначала приплывают на чужое побережье, побеждают его жителей, а затем поселяются среди них, довольно сильно отличается от группы людей, которые подстерегают корабли, чтобы захватить их во время плавания.

Рост пиратства в английских водах, несомненно, во многом был связан с Синк-Портами. В этих гаванях обитал привилегированный класс моряков, которые, несомненно, на протяжении столетий были очень благосклонны. Именно им принадлежало право заниматься тем, к чему в Средиземноморье Цицерон относился с такой неприязнью. По словам Матфея Парижского, этим людям из Синк-Порта было поручено грабить по своему усмотрению все торговые суда, проходящие вверх и вниз по Ла-Маншу. Это должно было происходить без учета национальности, за исключением того, что английские корабли не должны были подвергаться нападению. А вот французские, генуэзские, венецианские, испанские или любые другие могли быть атакованы по желанию моряков порта Чинкве. Кто-то может назвать такие действия каперством, но на самом деле это было пиратство и ничего больше. Вы можете легко представить, что с таким импульсом, который был дан классу людей, не особо склонных к законности, практика пиратства в водах, омывающих Великобританию, росла с огромной скоростью. Так, в XIII веке французы, шотландцы, ирландцы и валлийцы снаряжали корабли и болтались по узким морям, пока не удавалось захватить хорошо нагруженный купец в качестве жирной награды. Так что в скором времени Ла-Манш кишел пиратами, а во времена правления Генриха III их число выросло до угрожающих размеров. В итоге перевозка товаров через Ла-Манш стала сопряжена с серьезным риском, и поэтому цены на них выросли. Единственным средством исправления ситуации было увеличение английского флота, что и было сделано, чтобы справиться со злом.

Но в Северном море дела обстояли не лучше, и английские торговые суда плавали в постоянном страхе перед захватом. В Средние века пираты постоянно подстерегали любой подходящий корабль, и особенно мешали торговле шерстью. Ситуация несколько усложнялась, когда, как это случилось во времена правления Эдуарда II, мирные английские корабли арестовывались Норвегией за то, что их подозревали - ошибочно - в убийстве норвежского рыцаря, тогда как на самом деле тот был предан смерти пиратами. "Мы не мало удивляемся, - писал Эдуард II в жалобе Хакинусу, королю Норвегии, - и сильно расстраиваемся в своих размышлениях, принимая во внимание горести и притеснения, которые (как нам сообщили жалобщики) в настоящее время, более чем в прошлые времена,

без всякой разумной причины причиняются нашим подданным, которые обычно обращаются в ваше королевство для торговли". Ибо дело было в том, что один народ был столь же плох, как и другой, но всякий раз, когда страдал один, другой накладывал жестокие руки на корабль, который лишь подозревался в пиратских действиях. Возмущенные гибелью своих соотечественников, они мстили чужеземным морякам, обнаруженным в их собственных водах, и даже , спокойно лежащим в их собственных гаванях с грузом сельди.

Пытаясь сделать Северное море более доступным для невинных торговых судов, английские короли в разные годы заключали договоры с теми, кто находился у власти на другой стороне. Ричард II, например, заключил соглашение с королем Пруссии. В 1403 году канцлер Англии потребовал от генерал-магистра Пруссии "полной реституции и возмещения" за "различные пиратства и приставания, совершенные в последнее время на море". Генрих IV, обращаясь к прусскому генерал-магистру, признал, что "как наши, так и ваши маршаны... по вине пиратов, бродящих вверх и вниз по морю", понесли большие потери. В конце концов было решено, что все английские торговые суда должны иметь право беспрепятственно заходить в прусские порты. Но далее было решено, что если в будущем какие-либо прусские грузы будут захвачены в Северном море английскими пиратами и эти товары будут доставлены в английский порт, то капитан порта или "губернатор", если он заподозрит пиратство, должен будет немедленно снять эти товары с английского корабля и поместить их в безопасное место. Между Генрихом IV и ганзейскими городами также было заключено подобное соглашение, которое обязывало города Любек, Бремен, Гамбург, Сунд и Грисвольд "предоставить удобное, справедливое и разумное удовлетворение и возмещение" "пострадавшим и потерпевшим сторонам" "за все повреждения, ущерб, обиды, утопления или человекоубийства, причиненные и совершенные" пиратами в узких морях.

Было бы бесполезно утомлять читателя полным перечнем всех этих пиратских нападений, но некоторые из них можно привести в качестве примера. Около Пасхи в 1394 году ганзейский корабль курсировал по Северному морю, когда столкнулся с английским судном из Ньюкасла-на-Тайне. Последний назывался *Godezere* и принадлежал квартету владельцев. По тем временам это было довольно крупное судно весом в 200 тонн. Его стоимость, вместе с парусами и снастями, составляла 400 фунтов стерлингов. На корабле был груз шерстяной ткани и красного вина, и он направлялся в Пруссию. Стоимость этого груза, а также золота и некоторых денежных сумм, найденных на борту, составила 200 марок. Ганзейское судно смогло одолеть "*Годезер*", убило двух членов его команды, захватило корабль и содержимое, а остальных членов команды заключило в тюрьму на целых три года.

В том же году ганзейские пираты напали на судно "*Халл*", принадлежавшее некоему Ричарду Хорусу и называвшееся "*Шиппер Берлайн*" из Пруссии, и ограбили его, забрав товары на сумму 160 дворян. В следующем году у берегов Норвегии ганзейцы напали на корабль под названием *John Tutteburie* и захватили товары, состоящие из воска и других товаров, на сумму 476 дворян. Год спустя пираты той же федерации захватили корабль Уильяма Терри из Халла под названием *Cogge* с тридцатью шерстяными широкими полотнищами и тысячей узких полотнищ на сумму 200 фунтов стерлингов. В 1398 году корабль "*Троица* из Халла", груженный воском, маслом и другими товарами, был захвачен людьми того же класса у берегов Норвегии. Голландские корабли, торговые суда из Лондонского порта, рыболовецкие суда, прусские торговцы, корабли Зеландии, Ярмута и другие постоянно подвергались нападениям, грабежам и захватам.

В сентябре 1398 года несколько ганзейских пиратов захватили прусский корабль, шкипера которого звали Рорекбек. На его борту находился ценный груз шерстяных тканей, которые принадлежали различным купцам Колчестера. Пираты забрали его с собой, вместе с пятью

англичанами, которых они нашли на борту. Последних они бросили в тюрьму, как только доставили на берег, и двое из них впоследствии были выкуплены за сумму в 20 английских дворян, а еще один ослеп из-за сурового тюремного заключения. В 1394 году другой прусский корабль, на котором находились купцы из Ярмута и Норвича, также был захвачен у норвежского побережья с грузом шерстяных изделий и разделан ганзейскими пиратами. Купцов бросили в тюрьму и не выпускали на свободу до тех пор, пока за них не заплатили выкуп в размере 100 марок. Другое судно, груженное шкурами быков и овец, а также маслом, мачтами и лонжеронами и другими товарами на сумму 100 марок, было захвачено в Лонгсаунде (Норвегия).

В июне 1395 года другой английский корабль, груженный соленой рыбой, был захвачен у берегов Дании, стоимость его корпуса, инвентаря и груза составила 170 фунтов стерлингов. Экипаж состоял из капитана и двадцати пяти моряков, которых пираты убили. На борту также был найден мальчик, которого они унесли с собой в Висмар. Самыми известными ганзейскими пиратами были два человека, названные соответственно Годакинс и Стертебекер, чьи усилия были столь же неустанными, сколь и успешными. Вряд ли найдется хоть один случай пиратства в Северном море в это время, в котором не фигурировали бы эти два человека или их сообщники. Именно эти люди напали на корабль под названием *"Доггер"*. Им управлял человек по имени Герваз Кэт, и оно стояло на якоре, пока его команда занималась рыбной ловлей. Ганзейские пираты набросились на них, забрали ценный груз рыбы, избили и ранили хозяина и команду *"Доггера"* и лишили их рыбалки на этот год, "нанеся им ущерб на сумму 200 дворян".

В 1402 году другие ганзейские корсары, крейсируя возле Плимута, захватили ярмутскую баржу *"Майкл"*, хозяином которой был некто Роберт Ригвейс. На ней был груз соли и тысяча холщовых тканей. Когда корабль и товары были захвачены, владелец, человек по имени Хью ап Фен, пожаловался, что он проиграл 800 дворян, а мастер и моряки оценили потерю жалованья, холста и "доспехов" в 200 дворян. Но дерзости этих северных корсаров не было предела. Весной 1394 года они с большим флотом кораблей направились к норвежскому городу Норберн и, захватив его штурмом, взяли в плен всех купцов вместе с их "товарами и каттелями", сожгли их дома и отдали людей на выкуп. Двадцать один дом на сумму 440 дворян был разрушен, а у купцов отобрали товары на сумму 1815 фунтов стерлингов. Учитывая все эти беззакония на море и связанный с ними ущерб для заморской торговли, Генрих IV не замедлил принять меры, чтобы положить конец серьезнейшему злу.

Нельзя не посочувствовать многострадальным рыбакам Северного моря, которые, помимо того, что вынуждены пережидать непогоду на неуклюжих дырявых суденышках и зарабатывать на жизнь тяжелым трудом, в любой момент могут увидеть пиратский корабль, приближающийся к ним по волнам. Вы помните знаменитый инцидент на Доггер-банке несколько лет назад, когда однажды ночью траулеры Северного моря оказались под обстрелом российского Балтийского флота. Так вот, точно так же средневековые предки этих выносливых рыбаков были застигнуты врасплох пиратами, когда меньше всего ожидали их появления и когда были заняты своим законным делом. Рыбак был как магнит для пиратов, ведь его улов рыбы нужно было только доставить в ближайший порт и продать. Именно по этой причине в 1295 году Эдуард был вынужден послать три корабля из Ярмута через Северное море для защиты сельдяных судов Голландии и Зеландии.

Следующий случай хорошо иллюстрирует утверждение о том, что, несмотря на все усилия, которые предпринимались для подавления пиратства, достичь этой цели было практически

невозможно. Месяц - июль, год - 1327, место действия - Ла-Манш. Представьте себе пузатый, большебрюхий, неуклюжий корабль с одной мачтой и одним большим квадратным парусом. Он прибыл из Уотерфорда в Ирландии, где взял на борт богатый груз, состоящий из шерсти, шкур и товаров широкого потребления. Она благополучно пересекла беспокойное Ирландское море, пробилась сквозь атлантические волнения вокруг Лендс-Энда и с летним бризом успешно продвигалась по Ла-Маншу. Ее порт назначения - Брюгге, но она никогда туда не доберется. Ведь с на восток прибыли знаменитые пираты из Чинкве-Портс, и у острова Уайт они столкнулись с торговым судном. Вскоре пираты замечают его, подходят к борту, берут на abordаж и освобождают от сорока двух мешков шерсти, двенадцати дикеров шкур, трех труб лосося, двух труб сыра, одного тюка ткани, не говоря уже о таких ценных вещах, как серебряные тарелки, мазерные кубки, драгоценности, воробьиные ястребы и другие товары общей стоимостью 600 фунтов. Вскоре пираты привозят свои трофеи в Даунс под Сэндвичем и распоряжаются ими по своему усмотрению.

ГЛАВА III

ПИРАТСТВО ВО ВРЕМЕНА ПЕРВЫХ ТЮДОРОВ

Человек, посвятивший свою жизнь морскому разбою, не из тех, кто охотно подчиняется законам и постановлениям. Вы можете пригрозить ему страшными карами, но не этими средствами сломить его дух. Он подобен цыгану или бродяге: в нем живет непреодолимая тяга к странствиям и приключениям. Не столько жадность к наживе побуждает пирата, сколько богатство вдохновляет сухопутного бродягу на долгие походы. Но внутри действует некая слепая сила, и потому не все договоры и соглашения, не все угрозы смерти могли удержать этих людей от занятия, которым долгие годы занимались их отцы и деды.

Поэтому в шестнадцатом веке пиратство было так же плохо, как и в средние века. Жители по обе стороны Ла-Манша всегда были готовы грабить корабли и имущество друг друга. В первом и втором десятилетии XVI века шотландцы достигли определенного успеха в искусстве морского разбоя, и некоторые из них были быстро схвачены и казнены. Напрасно Генрих VIII писал Франциску I о том, что английские купцы жаловались на пиратство их кораблей французами, выдававшими себя за шотландцев, и что во Франции нельзя было получить возмещение ущерба. В 1531 году ситуация настолько ухудшилась, а пиратство стало настолько распространенным, что были назначены комиссары для проведения расследований по поводу этой незаконной войны у наших берегов. Виконт Лисл, вице-адмирал Англии, и другие были назначены для решения этой проблемы. Эти бродяги стали настолько хитрыми, что поймать их было делом нелегким. Но в том же году на острове Мэн был схвачен известный пират по имени Келльвантон, а другой, по имени Де Мелтон, который был одним из его сообщников, бежал с остальной командой на корабле в Гримсби.

Иногда те самые корабли, которые король посылал против пиратов, сами занимались грабежом. По крайней мере, в это время был один случай, когда некоторые королевские корабли не смогли устоять перед соблазном пограбить богато нагруженные фламандские суда. Но после того, как была подана жалоба, пришел королевский ответ, что фламандцы должны получить компенсацию, а грабители - понести наказание. Это, конечно, хорошо, когда вор ловит вора, но среди английских моряков было мало опытных, которые в свое время не занимались пиратством, и когда они, наконец, сформировали экипажи профилактических кораблей и устали ждать, когда появится пиратское судно, было слишком

многого ожидать от них, что они останутся без дела в море, когда мимо проплывает богатый торговец.

Порой пираты перебивали целый торговый флот, а если тот шел налегке, то лишали его провизии, одежды, якорей, тросов и парусов. Но не только Северным морем и Ла-Маншем ограничивались английские пираты. В октябре 1533 года они захватили бискайский корабль у берегов Ирландии. А во времена правления Генриха VIII произошел интересный инцидент, связанный с кораблем под названием *Santa Maria Desaie*. Это судно принадлежало некоему Питеру Алвесу из Портингейла, который нанял моряка Уильяма Фелиппа для проводки своего корабля из Тенби в Бастабилл-Хейвен. Но во время плавания у валлийского побережья пиратский барк под названием *Furtuskewys*, на котором находилось тридцать пять отчаянных корсаров, напал на "*Санта-Марию*" и полностью одолел ее. От Алвесы они быстро избавились, высадив его на берег где-то на валлийском побережье, а затем отправились на корабле в Корк, где продали его мэру и другим лицам, причем стоимость захваченного судна и товаров составила 1524 кроны. Алвес не смирился с этим нападением, но, естественно, приложил все усилия, чтобы исправить ситуацию. В Совете короля он добился от мэра Корка приказа о возвращении денег, но беззаконие того времени было столь велико, что это оказалось бесполезным. Мэр, которого звали Ричард Гоуллис, заявил, что пираты сказали ему, что захватили корабль у шотландцев, а не у Портингейла, и добавил, что скорее потратит 100 фунтов стерлингов, чем вернет долг.

Однако ужесточение бдительности привело к аресту некоторых из этих пиратов. Шестеро из них были приговорены к смерти в Адмиралтейском суде в Булони, одиннадцать других - в Гилдхолле в Лондоне, а в 1537 году в Уинчелси стоял корабль "в уплату мэру Белла" 35 фунтов стерлингов за пиратство, совершенное на нем, так как он был захвачен после того, как ограбил гасконский купец с грузом вин.

Лучшими из французских моряков на протяжении многих веков вплоть до наших дней были бретонцы. И как в восемнадцатом веке самые опытные моряки на наших берегах были величайшими контрабандистами, так и во времена Тюдоров самыми лучшими моряками были морские разбойники. Примерно во время Великого поста 1537 года пара бретонских пиратских кораблей доставила немало беспокойства нашим жителям западной части страны. Один из них ограбил английский корабль у корнуоллского побережья и заграбастал его груз вина. С Пасхи по август эти бродяги слонялись по валлийскому побережью, иногда выходя на берег за провизией и, скорее всего, чтобы продать свой злосчастный груз, но по большей части оставаясь в море. Из исторических записей следует, что первоначально из Сен-Мало отплыл только один бретонский корабль, но, когда им посчастливилось захватить рыбацкое судно, принадлежавшее Милфорд-Хейвену, команда разделилась на две части. Вскоре число этих французских пиратов увеличилось, и у валлийского побережья крейсировала целая флотилия. Торговое судно, загрузившееся в Бристоле прекрасным грузом и направлявшееся через Бискайский залив, было взято на абордаж еще до начала плавания. Неделя за неделей эти люди грабили все суда, которые проходили мимо них. Но особенно много времени они проводили в ожидании английских, ирландских и валлийских кораблей, которые в это время года обычно приходили на ярмарку Святого Джеймса в Бристол.

Однако тем временем люди с запада становились все более бдительными и были готовы к любым случайностям. Один бристонец по имени Боуэн, после того как четырнадцать бретонских пиратов сошли на берег близ Тенби за провизией, поступил так умно, что сумел схватить всех и посадить в тюрьму. А Джон Уинтер, другой бристонец, зная, что пираты подстерегают корабли, направляющиеся на ярмарку, быстро снарядил корабль, набрал на

него пятьдесят солдат, а также способных моряков и отправился в плавание, готовый наброситься на первый же пиратский корабль, показавшийся на горизонте. Полные сведения об этих людях и о том, что они делали, были бы интересным чтением, если бы их можно было получить; но мы знаем, что из вышеупомянутых четырнадцати человек один, Джон дю Леркерак, был капитаном бретонского судна. Когда его арестовали, он упорно отрицал, что когда-либо "портил" английские корабли. Это, конечно, была наглая ложь, и вскоре Питер Дромиоу, один из его собственных моряков, признался, что он сам ограбил одного англичанина; после чего Лаэркерак сделал признание, что, собственно говоря, он взял корабельные канаты, одежду моряков, пять кусков вина, много рыбы, золотую крону деньгами и одиннадцать серебряных полпенсов или пенсов, а также четыре кинжала и "кувертюр"!

Именно потому, что английские купцы жаловались, что теряют так много ввозимого и вывозимого из-за грабежей военных кораблей, принадлежащих Бискайе, Испании, Низким странам, Нормандии, Бретани и другим странам, Генрих VIII был вынужден отправить сэра Джона Дадли, своего вице-адмирала, в море с небольшим флотом хороших кораблей. Дадли было приказано крейсировать между Даунс на востоке и горой Святого Михаила на западе - то есть по всей длине Ла-Манша - в зависимости от ветра. Кроме того, он должен был стоять между Ушантом и Скилли и охранять вход в Ла-Манш. Кроме того, он должен был заглянуть на остров Ланди в Бристольском канале - ведь и Ланди, и Сцилли были известными пиратскими прибежищами - и после этого вернуться и держаться узких морей. Дадли было особенно рекомендовано быть начеку и помогать любым английским торговым судам, а если он встретит какое-либо иностранное торговое судно, которое под видом торговли на самом деле грабит подданных короля, он должен был предать этих иностранцев суду как абсолютных пиратов и наказать соответствующим образом.

Ибо состояние пиратства стало настолько плохим, что король "больше не может его терпеть". Сэр Томас Дадли, как и сэр Джон, был занят той же превентивной работой. 10 августа того же 1537 года он написал Кромвелю, что арестовал в Харвиче пару французов, которые два года назад ограбили судно бедного английского шкипера у берегов Нормандии, и этот англичанин тщетно судился во Франции, чтобы получить компенсацию, поскольку пиратов никак не удавалось поймать. Но сейчас этих корсаров было так много, что возникла серьезная проблема, как с ними поступить. "Если бы их всех поместить под стражу, - писал сэр Томас, - как предписывают ваши письма, они бы заполнили всю тюрьму". Затем он добавляет: "Они бы охотно ушли и оставили за собой корабль, на котором только боеприпасы, а товаров и провизии нет. Если их посадят в тюрьму, они погибнут от голода, потому что англичане не окажут им никакой милости. Они такие же гордые навы, как и те, с кем я разговаривал".

Одиннадцать дней спустя сэр Джон Дадли сообщил о своих впечатлениях от пребывания в Ла-Манше. Он сообщил, что по пути домой встретил пару бретонских кораблей в окрестностях Сент-Эленс, остров Уайт, где, по его мнению, они поджидали два корнуоллских судна, "которые находились в гавани Порчемута, груженные оловом на сумму 3000 фунтов стерлингов". Портсмут, разумеется, находится прямо напротив острова Святой Елены, и в военно-морской истории не раз случалось так, что враждебные корабли находили удобную якорную стоянку, ожидая, когда английские суда выйдут из материка. Но когда эти бретонские пираты заметили корабли Дадли, идущие под парусами, они "вошли в Порчемуте", где люди Дадли быстро взяли их на abordage и посадили под арест, намереваясь доставить в Темзу. Дадли не сомневался, что это пираты, но позднее французский посол попытался показать, что для такого подозрения нет никаких оснований. Он пытался убедить,

что эти два французских судна - настоящие торговцы, которые выгрузили свой груз в "Сент-Валери" (то есть в Сент-Валери-сюр-Сомме), но из-за плохой погоды были отброшены к острову Уайт, добавив, несомненно, в качестве тонкого намека, что они действительно спасли англичанина, за которым гнался испанец. Возможно, французы говорили правду, но, если только ветер не был южным и не сделал невозможным заход этих отвесных судов в их порт, трудно поверить, что они не могли зайти в одну из своих собственных гаваней. Во всяком случае, это была история, с которой морякам Дадли было нелегко смириться.

Это был не единичный случай захвата бретонского судна. В 1532 году бретонское судно под названием *Mychell*, владельцем которого был некто Хейман Гиллард, а хозяином - Николас Барбе из Сен-Мало, было встречено командой английских моряков, у которых не было никаких сомнений в том, что это не пират. Их подозрения удвоились, когда они обнаружили, что ее компания состоит из девяти бретонцев и пяти шотландцев. Они арестовали ее в море, а при досмотре обнаружили, что она хорошо нагружена шерстью, сукном и солеными шкурами. Некоторые французские пиратские корабли даже дошли до того, что стали носить английский флаг Святого Георгия с красным крестом на белом фоне. Это не на шутку разозлило английских моряков, особенно когда выяснилось, что бретонцы также брали англичан в качестве лоцманов и главных мореплавателей и обучали их пиратскому мастерству.

Но бывали случаи, когда английские моряки и купцы могли с интересом "вернуть свои деньги", о чем свидетельствует следующий случай. В начале июня 1538 года английский купец Генри Дэви фрахтовал лондонское судно "*Клемент*", которое принадлежало некоему Гренбери, проживавшему на Темз-стрит, и отправил его с приказом следовать в "залив Бретеин". Она отправилась в путь под командованием человека по имени Лиллик, а корабельным комендантом был Уильям Скарлет, лондонский суконщик. Экипаж составляли семь человек, но у Маргейта они взяли на борт еще девять. Затем они направились вниз по Ла-Маншу и взяли на борт еще четверых с берега, но, заметив фламандский военный корабль, сочли разумным как можно скорее добраться до побережья Нормандии. В "майновом" море, под которым я понимаю Английский канал вблизи материковой части континента, они заметили три корабля, идущие по волнам, и оказалось, что это бретонские торговые суда.

Это вызвало некоторое обсуждение на борту "*Клемента*", и Дэви, фрахтователь, пришедший с кораблем, заметил шкиперу Лиллику, что они потеряли 60 фунтов стерлингов в товарах, которые были захвачены бретонскими пиратами в более раннее время, и так и не смогли получить компенсацию во Франции, несмотря на все свои усилия. Любой, кто обладает хоть каким-то воображением и знанием природы мореплавателей, может легко представить себе, как Лиллик и его команда сердечно соглашались с точкой зрения Дэви и проявляют нечто большее, чем просто пассивное сочувствие. В итоге обсуждения было принято решение взять закон в свои руки и захватить один из этих трех кораблей.

Решение было приведено в исполнение, так что уже через некоторое время они завладели судном. Бретонскую команду высадили на берег в лодке и оставили там, а англичане, собрав оставленные товары, сложили их в трюме "*Клемента*". Призовая команда, состоящая из человека, которого звали Комелис, и четырех матросов, была поставлена во главе захваченного судна, которое теперь отправилось в путь. "*Клемент*" тоже возобновил плавание и направился к Перин в Корнуолле, где смог продать по хорошей цене товары, снятые с "Бретона". Вырученная сумма была разделена между захватчиками, и хотя цифры могут показаться не очень большими, тем не менее эта сумма эквивалентна тому, что в наши дни было бы примерно в десять раз больше. Генри Дэви, будучи фрахтователем, получил 17

фунтов стерлингов; хозяин, помощник, квартермейстер и кошелек получили по тридцать шиллингов, а матросы - по двадцать шиллингов за штуку. Лиллик и девять человек из команды отчалили, а Дэви, Скарлет, плотник Леверет и еще двое завели корабль, проплыли вверх по Ла-Маншу и привели *"Клемент"* обратно в Темзу, где передали его жене владельца.

Но англичанам не всегда так везло, и пираты Северного моря продолжали действовать, несмотря на все усилия, которые предпринимали английские короли в предыдущие века. В 1538 году грузовое судно *"Джордж Моду"* *вышло* в море с товарами, принадлежавшими компании английских купцов-авантюристов, в которую входили сэр Ральф Уэрин, "добрый мистер Лок и Роуланд Хилл" и другие. Однако судно так и не достигло порта назначения, поскольку норвежские пираты разграбили его и причинили авантюристам ущерб в размере 10 000 фунтов стерлингов, после чего, после подачи жалобы, Кромвель был призван получить от Генриха VIII письма к королям Дании, Франции и Шотландии, чтобы провести надлежащий поиск. На самом деле, даже в этом случае многое зависело от того, попадет ли корабль в ту гавань, куда его направили. В сентябре 1538 года Уолтер Хербарт жалуется, что со дня Рождества Христова его дважды грабили бретонские пираты. А через неделю сообщается, что несколько пиратов, грабивших мирные суда, направлявшиеся из Исландии, были преследованы Джоном Чедертоном и другими жителями Портсмута и схвачены примерно в это же время.

И далеко не всегда англичане поступали с этими иностранцами милосердно, независимо от того, правы они или нет. Я уже подчеркивал тот факт, что в вопросе законности морякам любой морской нации было практически нечего выбирать. Скорее это был вопрос возможностей, и те самые люди, которые сегодня горько жаловались на грабеж своих кораблей и грузов, завтра могли сами заниматься пиратством. Происходила своего рода морская вендетта, и в сознании мореплавателей единственным грехом было быть обнаруженным. Так, весной 1539 года мы узнаем, что бретонский корабль был захвачен английскими корсарами, которые, в соответствии с признанным морским обычаем, немедленно выбросили за борт французских матросов. Все они утонули, кроме одного, который "как будто чудом, проплыл шесть миль до берега". Так гласит древняя летопись, хотя трудно поверить, что даже сильный пловец мог продержаться так долго после того, как его сильно потрепало. На этот раз бретонцы отомстили, поскольку подали жалобу главным судьям, которые в течение пятнадцати дней арестовали и осудили виновных, а шестерых из них казнили 19 мая. До конца месяца Франциск I написал письмо с благодарностью английскому королю за столь быстрое решение проблемы преступников.

Учитывая интерес, который Генрих VIII. проявлял к морским делам и к благополучию своей страны в целом; вспоминая также о решимости, с которой он доводил любой проект до конца, когда принимал решение, мы не должны удивляться тому, что через несколько месяцев в том же году этот решительный монарх снова послал корабли - на этот раз пару барков в 120 и 90 тонн соответственно - "хорошо укомплектованные и снаряженные", чтобы прочесать моря в поисках этих пиратов-вредителей, которые нанесли столько серьезных убытков тюдоровским купцам.

Немного раньше в том же году Воган написал Кромвелю, что беседовал с человеком, который в последнее время был "обычным пассажиром" на судах между Лондоном и Антверпеном и знал о неких пиратах, намеревающихся захватить торговые суда, курсирующие между этими двумя портами. Ценное предупреждение было дано

относительно одного из таких бродячих судов. Оно принадлежало Хансу ван Меглину, который построил корабль "портаж" длиной 20 футов и грузоподъемностью 45 тонн. На нем работала команда из тридцати человек, корпус был выкрашен в черный цвет смолой, у него не было "форшприта", а фор-мачта наклонялась вперед, как у лодки "лодемана". (Кромвелю посоветовали, что это судно сначала направится в Орфорднес (естественный причал для судна, направляющегося через Северное море от Шельды), а затем пойдет на юг и будет поджидать корабли в устье Темзы. Чтобы быть готовым грабить суда, идущие в Лондон или из Лондона, пираты околачивались у Уайт-Стейпл (Уитстейбл). Информатор Вогана полагал, что иногда, однако, она меняет свое местонахождение на берег Мелтона, чтобы избежать подозрений, и советовал, что лучше всего захватить ее с помощью трех или четырех хорошо оснащенных устричных лодок. Был и еще один пират-"истерлинг" (то есть выходец с востока Германии или Балтики), получивший поручение от Граве из Оденбурга. Этого разбойника звали Франциск Беме, и сейчас он находился со своим кораблем в Канфире, ожидая возвращения Могилы Оденбургского из Брюсселя с деньгами. Но известие пришло вовремя, и, чтобы английские торговые суда не попали в руки морских разбойников, им было приказано оставаться в Антверпене с Пепельной среды до Пасхи.

ГЛАВА IV ЮЖНЫЕ КОРСАРЫ

Когда в 1516 году Адриан, кардинал Святого Хриогона, писал Вулси, горько сетуя на то, что от Тарацины и до самой Пизы море заволокли пираты, состоящие из турок и африканских мавров, он вряд ли был виновен в преувеличении. Хотя пираты Северной Европы уже давно показали себя многоликими и кровожадными, именно Средиземноморье на протяжении всей истории, а особенно в XVI веке, заслужило звание излюбленной и наиболее насыщенной событиями сферы морского разбоя.

Вы можете спросить, как это произошло. Дело уже не в том, что старые киликийцы или жители Балеарских островов снова начали действовать. Напротив, последний из упомянутых народов, отнюдь не являясь пиратами в XVI веке, был скорее грабителем, чем разбойником. Теперь появился новый элемент, и мы вступаем в совершенно иную сферу пиратской истории. Прежде чем мы попытаемся выяснить происхождение и развитие этой новой силы, появившейся на страницах истории, давайте вспомним об изменениях, произошедших в Средиземноморье. В классические времена пиратство действительно было достаточно вредным, поскольку, помимо всего прочего, оно так сильно мешало судам с кукурузой, которые перевозили средства к существованию. Но в те времена количество грузовых судов любого типа было ничтожно мало по сравнению с огромным количеством боевых кораблей, которые строили средиземноморские народы. И сколько бы Греция и Рим ни трудились над развитием воинственной галеры, эволюция торгового судна оставалась без внимания, отчасти, несомненно, из-за риска, которому подвергалось торговое судно, а отчасти потому, что столетия войн не способствовали развитию торгового корабля.

В течение веков, последовавших за падением Римской империи, не следует думать, что на море не было пиратов. Как мы уже видели, упадок Рима был соизмерим с возрождением пиратства. Но с постепенным распространением южной цивилизации значение и спрос на торговые суда, в отличие от боевых, возросли до невиданных масштабов. Никому не нужно напоминать о возвышении Венеции, Генуи и Испании. Они стали великими заморскими

торговцами в определенных пределах, а это предполагало наличие кораблей, на которых можно было перевозить товары. Так и получилось, что через Средиземное море стало ходить больше больше большегрузных кораблей с богатыми грузами, которые пересекали море с большей регулярностью, чем когда-либо в истории мира. И поскольку грабители всегда найдутся, когда им представится такая возможность, будь то на море или на суше, независимо от расы или времени, то при таком количестве богатств на плаву у морского разбойника были все стимулы быстро разбогатеть с помощью средств, которые самым решительным образом апеллировали к авантюрному темпераменту.

В Италии чисто военные корабли настолько устарели, что, по мнению некоторых авторитетов, их начали строить лишь в середине IX века, во всяком случае, в отношении великой морской державы - Венеции. Она была слишком озабочена производством и обменом богатств, чтобы уделять внимание каким-либо видам кораблей, кроме тех, которые перевозили грузы. Но она потерпела столько поражений от сарацинов и пиратов, что с 841 года стали строить корабли, специально предназначенные для ведения боевых действий. Сарацины происходили из Аравии, и примечательно, что в те времена арабские моряки, плававшие через Индийский океан, были самыми учеными мореплавателями во всем мире, а многие из их арабских терминов сохранились в морской терминологии и по сей день. Действительно, современный мореплаватель, который так полагается на морские приборы, едва ли осознает, сколь многим он обязан этим ранним мореплавателям. Как в давние времена киликийцы и другие мореплаватели беспокоили берега Средиземного моря, так и теперь сарацины совершали частые вторжения на Сардинию, Корсику, Сицилию, а также перехватывали корабли в Адриатике.

Вспомним, что и на севере, и на юге Европы сезоны мореплавания из века в век ограничивались тем периодом, который условно обозначен между апрелем и концом сентября. Поэтому пират знал, что если он ограничит свое внимание этим периодом и определенными морскими районами, то сможет охватить практически всю мировую морскую торговлю. Эти периоды плавания не были произволом: они были частью морского законодательства, и только самые смелые и, в то же время, самые незаконные торговые шкиперы отваживались выходить в море в межсезонье.

Понимая, что в любом длительном плавании моряку придется столкнуться не только с плохой погодой, но и, возможно, с пиратами, торговым лоцманам предписывалось знать, как их избежать. Например, их главной задачей должно было стать то, чтобы торговое судно как можно меньше бросалось в глаза на горизонте. Так, оторвавшись от земли, белый парус должен быть спущен, а вместо него поднят черный. Их предупредили, что особенно рискованно менять парус на рассвете, когда восходящее солнце может сделать это действие легко заметным. На борту должен был находиться человек, который сканировал бы море в поисках этих бродяг и внимательно следил за ними. Этот черный парус называли "волком", потому что он имел окрас и хитрость такого животного. Ночью также принимались аналогичные меры предосторожности против любой опасности пиратского нападения: соблюдалась строгая тишина, так что боцману не разрешалось даже пользоваться свистком или звонить в корабельный колокол. Каждый знает, как легко разносится звук по морю, особенно ночью, поэтому следовало соблюдать максимальную осторожность, чтобы пират, затаившийся поблизости, не выдал своим жадным ушам присутствие богатого торгового судна.

Но сарацинов, о происхождении которых я только что упомянул, не следует путать с варварскими корсарами. Именно о последних - великих пиратах Юга - я и расскажу далее. Они стали настолько могущественными, что великим морским державам Европы

потребовались усилия вплоть до первой четверти XIX века, прежде чем они смогли истребить это бедствие: и даже сегодня, в этот высокоцивилизованный век, если вы окажетесь на парусной яхте у берегов Северной Африки, то вскоре обнаружите потомков этих варварских корсаров, выходящих со своей исторической склонностью убивать вас и грабить ваше судно. Если это утверждение покажется кому-то из читателей несколько невероятным, я бы отослал его к капитану любого современного парохода, обычно проходящего мимо этого побережья, и прошу также обратить его внимание на инцидент, произошедший несколько лет назад со знаменитой английской гоночной яхтой *Ailsa*, которая лежала на мели где-то между Испанией и Африкой. Если бы не попутный ветер, то ее потенциальные нападавшие могли бы захватить очень хороший приз.

Я буду использовать слово "мусульманин" в значении "мусулманин", "магометанин" или "мавр" и попрошу читателя перенестись мыслями в то время, когда Фердинанд и Изабелла изгнали мавров из Испании и отправили их через Гибралтарский пролив обратно в Африку. В течение семисот лет эти мавры жили на Пиренейском полуострове. Справедливости ради следует признать, что эти мавры были чрезвычайно одарены интеллектуально, и в Испании до сих пор сохранились многочисленные свидетельства их достижений. С другой стороны, совершенно легко понять желание христианского правительства изгнать этих магометан из католической страны. Не менее понятна и та лютая ненависть, которую эти мавры впоследствии всегда проявляли ко всем христианам любой нации, но к испанцам - особенно.

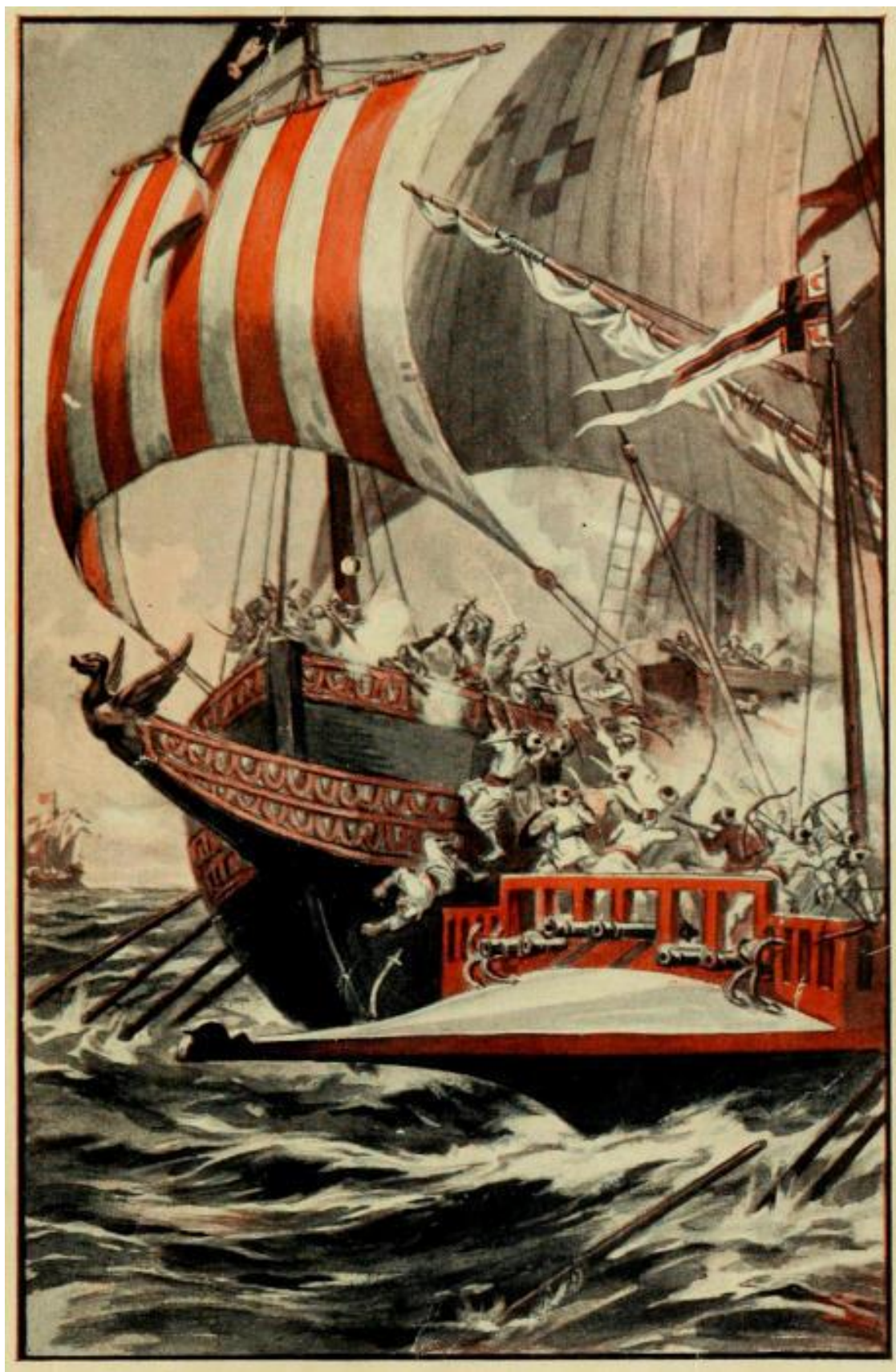
Что было делать этим испанским маврам, теперь уже изгнанным? Они расселились по побережью Северной Африки, но не сразу вышли в море, а когда все же освоились, то уже не как торговцы, а как пираты, причем самые жестокие. Дата их изгнания из Гранады - 1492 год, и уже через несколько лет после этого они принялись за работу, чтобы отомстить. Они предпочитали галеры - суда большой длины, пропорциональные их крайней мелкости, и управляемые большим количеством гребцов. Парус использовался, но только как вспомогательное средство, а не как основное. Такое судно было легким, легко и быстро маневрировало, могло плавать в бухтах и заливах недалеко от берега, а при необходимости его можно было вытащить на берег. Во всех существенных аспектах оно являлось прямым потомком старых боевых галер Греции и Рима. Примерно с начала XVI века и до битвы при Лепанто в 1571 году мусульманский корсар был в своей лучшей форме как морской разбойник и мощная расовая сила. И если после этого он все еще был вредителем судоходства, то его деятельность носила скорее пустынный характер. В разные годы он укрепился на варварском побережье, хотя из всех этих опорных пунктов Алжир долгое время оставался самым известным.

Рассматривая этих мусульманских корсаров, нельзя не вспомнить о людях, которые были столь же жестоки, сколь и умны, и стали величайшими галерными тактиками, которых когда-либо видел мир. Их жадность и жажда власти и собственности были соизмеримы с их способностью получить их. Не стоит думать, что во время великого периода эти предводители мавританских пиратов были просто невежественными и некультурными людьми. Напротив, они обладали всеми инстинктами ловкого дипломата, соединенными со способностями великого адмирала и самодержавного монарха. Доминантой их существования была лютая ненависть к христианам, как к отдельным людям, так и к целым народам. И хотя следует проводить тщательное различие между этими варварскими корсарами и турками, которых часто путают в рассказах XVI века об этих скитаниях, мавританские пираты и турки с самого начала помогали друг другу. Достаточно вспомнить, что оба они были мусульманами; напомнить себе, что падение Константинополя в 1453 году

дало еще больший стимул для преследования христиан; и вспомнить, что хотя турки были отличными бойцами на суше, они не были моряками. У них было почти неограниченное количество людей, которых можно было использовать, и по этой, а также по другим причинам мавры были заинтересованы в тесной связи с ними.

В пятнадцатом и особенно шестнадцатом веках в общеевропейском обиходе было одно слово, которое сразу же наводило на мысль об определенном характере, который бы смердел в ноздрах любого христианина, будь он под властью Елизаветы или Карла V. Это слово было "ренегат", которое, конечно же, происходит от латинского *negō* - отрицаю. "Ренегат", или, как его часто использовали елизаветинские моряки, "ренегадо", означает отступника от веры - дезертира или предателя. Но в те времена оно применялось почти исключительно к христианину, который настолько предал свою религию, что стал мусульманином. В пятнадцатом веке некий балканский отступник был изгнан Великим Турком из Константинополя. Оттуда он отправился на юго-запад, поселился на острове Лесбос в Эгейском море, женился на вдове-христианке и стал отцом двух сыновей, названных соответственно Урудж и Хейр-эд-дин. Отступник был моряком, и вполне естественно, что оба сына были воспитаны в том же духе.

Учитывая происхождение этих двух людей и памятуя о том, что Лесбос издавна славился своими пиратскими жителями, читатель ничуть не удивится, узнав, что эти два сына тоже решили стать пиратами. Вскоре им предстояло достичь такого уровня известности, который время никогда не сможет стереть со страниц исторических преступлений. Пока же давайте уделим внимание старшему брату, Уруджу. У нас мало места для описания событий его полной жизни, но этого краткого очерка может быть достаточно. Эти два брата связаны с изгнанными маврами как организаторы и лидеры потенциальной силы пиратов. Урудж, наслышанный об успехах, которых достигали мавританские галеры, о чудесных призах, которые они уносили с лица моря, почувствовал импульс честолюбия и откликнулся на зов дикой природы. И вот наступил 1504 год, и мы видим его в Средиземном море, жаждущим найти подходящую базу, откуда он мог бы действовать; где он также мог бы вытаскивать свои галеры на берег зимой и ремонтировать.

Дерзкое нападение

Урудж с одним судном напал на две галеры папы Юлия II, груженные товарами из Генуи. Его офицеры отговаривали Уруджа от отчаянной затеи, но, чтобы привести в исполнение свои

приказы и предотвратить возможность бегства, он приказал выбросить весла за борт. Затем он напал на галеры и одолел их.

В течение некоторого времени Тунис казался самым привлекательным местом во всех отношениях: со стратегической точки зрения он идеально подходил для того, чтобы перехватить транспорт, проходящий между Италией и Африкой. Он договорился с султаном Туниса, и в обмен на пятую часть полученной добычи Уруджу было разрешено использовать этот город в качестве своей штаб-квартиры. Отсюда он начал с большим успехом захватывать итальянские галеры, возвращая в Тунис как добычу, так и аристократических пленников для вечной ссылки. Женщин бросали в гарем султана, мужчин приковывали к скамьям галеры.

Один только случай хорошо иллюстрирует смелость Уруджа, к которому теперь присоединился его брат. Мистер Стэнли Лейн Пул в своей истории варварских корсаров рассказывает, что однажды, когда он находился у берегов Эльбы, две галеры, принадлежавшие папе Юлию II, шли с товарами из Генуи в Чивита-Веккья. Несопоставимость и смелость можно понять, если сказать, что каждая из этих галер была вдвое больше судна Уруджа. Папские галеры были разделены, и это облегчало задачу корсару. Несмотря на разницу в размерах, он был полон решимости атаковать. Однако его турецкая команда запротестовала и посчитала это безумием, но Урудж ответил на эти протесты тем, что выбросил большую часть весел за борт, тем самым сделав побег невозможным: они должны были сражаться или умереть.

Впервые турецкие корсары были замечены у берегов Эльбы, и когда папская галера подошла к ним и увидела головы в тюрбанах, по всему кораблю распространился дух смятения. Корсарская галера подошла к борту, раздался залп, турки прыгнули на борт, и вскоре корабль и христиане были захвачены. Христиан отправили на дно, а на папском корабле теперь работали турки, переодевшиеся в одежду христиан. И вот они отправились в погоню за второй галерой. Когда они подошли к ней, та ничего не заподозрила, но ливень стрел и выстрелов, за которым последовала еще одна короткая и резкая атака, сделал ее тоже пленницей. В Тунис пришли корабли, и их захват поразил как варварских корсаров, так и все христианство. Слава об Урудже распространилась, и по всему побережью Северной Африки на него смотрели с удивлением, смешанным с восхищением. Он стал известен под именем Барбаросса, что объясняется его внешностью: итальянское слово *rossa* означает "красный", а *barba* - "борода". Вслед за этим успехом он захватил в следующем году испанский корабль с 500 солдатами. Были и другие успехи, так что за пять лет у него было восемь кораблей. Но Тунис стал для него слишком мал, поэтому на некоторое время он перебрался на остров Джерба, расположенный на восточном побережье Туниса, и оттуда снова стал досаждать Италии.

Слава Барбароссы была столь велика, что его пригласили на помощь маврам. Случилось так, что мусульманский король Буджейи был изгнан испанцами из своего города, и изгнанник обратился к Барбароссе с просьбой помочь ему отвоевать свой. В качестве награды турку было предложено, что в случае победы Барбаросса впредь будет иметь право свободно пользоваться Буджейей, поскольку стратегическое преимущество этого порта заключалось в том, что он выходил к испанскому морю. Турок принял приглашение на этих условиях и, имея дюжину галер с достаточным вооружением, 1000 турецких солдат, а также множество ренегатов и мавров, высадился в городе в августе 1512 года. Здесь он нашел короля с его 3000 солдат, и они приступили к штурму бастиона, в котором был оставлен слишком слабый испанский гарнизон. Восемь дней испанцы держались, а когда прорыв был сделан и начался

ожесточенный штурм, Барбароссе отрубили левую руку, и Бухейя остался один, Барбаросса и его брат снова вышли в море. Победа им не досталась, но они захватили богатую генуэзскую галеру, полную товаров. Барбаросса взял ее с собой в свою штаб-квартиру, и пока он оправлялся от ран, его брат Хейр-эд-дин действовал вместо него.

Генуэзцы не на шутку разгневались из-за потери своего прекрасного галиота и послали Андреа Дориа, величайшего христианского адмирала, с дюжиной галер, чтобы наказать турок. Христиане высадились перед Тунисом, загнали Хейр-эд-дина обратно в Тунис и увезли в Геную половину кораблей Барбароссы. Теперь Хейр-эд-дин отправился в Джербу, чтобы как можно быстрее построить другие корабли, и, как только ему позволили раны, Барбаросса присоединился к нему. Тем временем мавры все еще досадовали на свою неспособность покончить с испанцами, и снова была предпринята попытка взять Буджейю, но безуспешная, а корабли корсаров были сожжены, чтобы они не попали в руки врага.

В конце концов барбароссы решили покинуть Тунис и Джербу и обосноваться в Джиджиле, в шестидесяти милях к востоку от Буджейи. Их слава шла впереди них; жители с гордостью приветствовали братьев-корсаров, совершивших много удивительных дел на суше и на море, и вскоре старший Барбаросса был избран их султаном. В 1516 году умер Фердинанд, и примерно в это время алжирские мавры отказались больше платить дань Испании. Барбароссе пришло приглашение помочь жителям Алжира изгнать испанский гарнизон из их форта. Приглашение было принято, собрано 6000 человек и шестнадцать галиотов. Прибыв к крепости Алжир, Барбаросса предложил гарнизону безопасный путь, если тот сдастся, но тот в ответ лишь напомнил корсару о Буджее. Затем в течение двадцати дней Барбаросса бил по крепости, но так и не пробил брешь, а мавры тем временем начали жалеть, что попросили рыжебородого помочь им. Но теперь, когда эти смельчаки ступили на их территорию, выгнать их будет не так просто. Барбаросса знал это и наглел. Алгеринцы объединились с солдатами в крепости, и было задумано всеобщее восстание против рыжебородого. Но они не учли своего гостя. У Барбароссы были шпионы, и они узнали об этом заговоре.

Во время молитвы в пятницу в мечети Барбаросса приказал закрыть ворота, заговорщиков привели к нему одного за другим, и после того как двадцать два из них были преданы смерти, заговору против корсара Лесбоса был положен конец. Барбаросса увеличивал свою власть, количество своих галер, территорию и число подданных, так что к этому времени он стал султаном Средней Барбары. Практически вся территория, обозначенная на современных картах как Алжир, находилась под его властью. Шаг за шагом, перескакивая от одного успеха к другому, не обращая внимания на случайные неудачи, он поднялся от простого пирата до ранга могущественного султана. Он стал настолько могущественным, что смог заключить договоры с другими варварскими султанами, и все летнее время его галеры бороздили моря, возвращая все больше богатств и все больше несчастных христианских пленников. Богато нагруженные торговые суда из Генуи, из Неаполя, из Венеции, из Испании отправлялись домой, и ни кораблям, ни их содержимому никогда не разрешалось вернуться или добраться до порта назначения.

Однако пришло время, когда христианские государства больше не могли терпеть это ужасное положение дел. И Карл V был вынужден послать мощные силы, чтобы справиться со злом. Десять тысяч опытных воинов были отправлены в составе большого флота на галерах в Северную Африку, и наконец оса была убита. Барбаросса со своими 1500 человек потерпел поражение, а сам он был убит во время смелой битвы. К сожалению, на этом дело закончилось, и войска, вместо того чтобы закрепить свою победу и очистить варварское побережье от мавританской грязи, оставили Алжир в покое и вернулись к себе домой. Если

бы вместо этого они безжалостно разыскивали этот незаконный пиратский выводок, то, возможно, этот бич последующих трех столетий никогда не стал бы причиной гибели стольких европейских кораблей и стольких английских и иностранных моряков и других людей под ударами тиранических чудовищ.

ГЛАВА V ОСЫ ЗА РАБОТОЙ

Но если Барбаросса был мертв, его проницательный брат Хейр-эд-дин был готов взяться за дело, и он действовал на более научных принципах. Для начала он отправил посла в Константинополь и попросил защиты для провинции Алжир. Она была предоставлена, и в 1519 году он был официально назначен губернатором Алжира. Следующим его шагом было укрепление гарнизонов в разных частях побережья, чтобы обезопасить свою территорию от нападений с моря. А чтобы обеспечить безопасность на южной, или сухопутной, стороне, он заключил союзы с ведущими арабскими племенами в стране.

Таким образом, он был настолько защищен, насколько это было возможно для человеческой дипломатии и организации. Его корабли по-прежнему могли отправляться в пиратские круизы и возвращаться обратно с минимальным риском. Напрасно испанцы посылали против него армаду. Люди действительно высадились, но были отброшены назад, а остальное сделал поднявшийся шторм. Постепенно все больше и больше морских портов попадало в сети этого корсара, так что было много гаваней, куда можно было бежать, много безопасных убежищ, куда можно было доставить ценные призы. Теперь нападениям подвергалась не только средняя или восточная часть Средиземноморья, но и западная. В те времена, как вы помните, Испания осваивала богатые ресурсы Нового Света, поэтому у варварских пиратов была прекрасная возможность выйти на небольшое расстояние в Атлантику и захватить вест-индские корабли, направлявшиеся в Кадис с золотом и другими сокровищами. А в дополнение к этим призам, не уступающим торговым судам Италии, Хейр-эд-дин иногда совершал набеги на испанское побережье и даже увозил рабов с Балеарских островов. Таким образом, алжирские корсары были хозяевами Средиземноморья от края до края. Ни одно торговое судно не могло спокойно совершать свои рейсы - даже испанские флагманы попадали в плен в Алжир.

Правда, небольшой испанский гарнизон все еще оставался в Алжире, и, поскольку он был заключен в очень сильную крепость, он держался. Настало время атаковать ее с особой силой. В течение пятнадцати дней крепость обстреливали, и наконец, после упорного сопротивления, она была взята. После этого крепость была разрушена, а христианские пленники, которые в летний сезон гребли, прикованные к своим местам, на корсарских галерах, в межсезонье были заняты строительством из этих камней большого мола, защищающего гавань Алжира с западной стороны. Это было грандиозное предприятие, и семь тысяч этих несчастных существ выполнили работу почти за два года.

Ничто не приносит такого успеха, как успех, и корсар преуспел во власти и владении настолько, что занял лидирующее положение. Это, естественно, привлекло в его владения многие тысячи других последователей, и таким образом была создана не просто небольшая колония пиратов, а великое корсарское королевство, где морское разбойное дело было хорошо организовано со своими литейными заводами и верфями, со всеми видами помощи

сельскому хозяйству и твердым, жестким правительством для поддержания земли в надлежащем состоянии и правильной культивации.

И вот в Хейр-эд-Дин пришло еще одно приглашение. Андреа Дориа разгромил турок под Патрасом и в Дарданеллах. Подобно политике корсаров, после каждой победы христианский адмирал использовал пленных неверных для работы на веслах своих галер. Таким образом, султан Турции Солиман Великолепный, понимая, что христианский адмирал истощает лучших турецких мореплавателей, решил пригласить Хейр-эд-дина на помощь против Андреа Дориа. Поэтому в Алжир был отправлен один из личной охраны султана с просьбой к Барбароссе прибыть в Константинополь и поставить себя во главе османского флота. Барбаросса принял это приглашение, как принимал и другие, видя, что это отвечает его собственным интересам, и в августе 1533 года покинул Алжир с семьей галерами и одиннадцатью другими судами. По пути к нему присоединились еще шестнадцать кораблей, принадлежавших пирату по имени Делизуфф, но не успели они дойти до конца плавания, как Делизуфф был убит во время нападения на небольшой остров Биба. Между людьми погибшего пирата и людьми Барбароссы возникли трения, и в конце концов однажды темной ночью корабли Делизуфа ушли от флота Барбароссы.

В конце концов султан Алжира со своими кораблями прибыл в Константинополь. Дело обстояло так. Османский подданный прекрасно умел вести сражения на суше, но не на море. Барбаросса был настоящим боевым моряком, поэтому пусть он сделает для нас то, что мы сами не можем сделать. Ему не хватало всего трех лет, чтобы стать восьмидесятилетним, но этот корсар-ветеран был столь же способным, сколь и злым, и поэтому, после того как в следующем году османские верфи предоставили ему дополнительные корабли, Барбаросса отправился из Константинополя и начал с разграбления Реджио, сжигая христианские корабли и уводя их команды. Затем он опустошил побережье, пока не подошел к Неаполю, и в общей сложности 11 000 христиан, взятых в плен, и вернулся в Босфор с большим количеством добычи и рабов. Сардиния тоже истощала богатства и людей, пока не осталась почти без того и другого, и наконец флот прибыл в Тунис, к изумлению жителей. Чтобы сократить длинную историю, можно сразу сказать, что после нескольких боев Тунис оказался в подчинении у того, кто был также султаном Алжира и главнокомандующим османского флота. Но неприятности назревали.

И снова христианство было вынуждено действовать. Успехи этого всепобеждающего короля корсаров угрожали всему миру, поэтому великий Карл V начал самые тщательные приготовления, чтобы справиться с этим злом. Подготовка действительно шла медленно, но зато уверенно и масштабно. Но был один досадный факт. Когда Франциску Первому, королю Франции, предложили принять участие в этой великой христианской экспедиции, то, к сожалению, приходится констатировать тот факт, что он не только отказался, но и передал Барбароссе весть о готовящихся мероприятиях. Эта новость не обрадовала даже такого закаленного старого пирата, но он принялся за работу, чтобы быть готовым к встрече с врагом, использовал пленных христиан для ремонта укреплений Туниса, призвал со всех сторон помощь на свой штандарт, объединенных одним желанием - разгромить и сокрушить все христианские силы, которые могут быть направлены против последователей Магомета. Шпионы держали его в курсе последних событий, а из Алжира прибывали все люди, которых только можно было пощадить. И вот, наконец, когда все приготовления были закончены, с одной стороны оказалась самая могущественная христианская экспедиция, готовая встретить самое большое скопление мусульман. К середине июня захватчики достигли африканского побережья и оказались перед Тунисом. Это должно было быть состязание

христианских сил против неверных: оно должно было представлять собой попытку раз и навсегда покончить с величайшим пиратом, которого когда-либо видело Средиземноморье. Это должно было, по возможности, освободить полчища братьев-христиан от тиранической жестокости деспотичного корсара. Многие из тех, кто теперь переправлялся через море, потеряли жену, или сестру, или отца, или сына, или брата от рук этих язычников. Наконец-то великая христианская армада получила море в свое распоряжение: осы улетели в свои гнезда.

Поэтому атака началась одновременно с суши и с моря. Люди на берегу и на галерах понимали, что участвуют не в обычной битве, а в настоящем крестовом походе. Двадцать пять тысяч пехотинцев и шестьсот улан с лошадьми были переправлены через море на шестидесяти двух галерах, ста пятидесяти транспортах и множестве других судов.^[1] Мусульмане получили помощь с африканского побережья и от внутренних племен. Двадцать тысяч всадников, а также большое количество пехоты были готовы к встрече с христианами. Присутствовал и сам император Карл V, а Андреа Дориа, величайший христианский адмирал, противостоял величайшему адмиралу мусульман.

Стоит ли говорить, что бой был ожесточенным, но в конце концов христианам удалось пробить брешь в стенах не один раз, а в нескольких местах, и крепость пришлось освободить. Тунису суждено было попасть в руки христиан. Барбаросса прекрасно понимал это. Но больше всего его ранило то, что он потерпел поражение в собственной игре: его любимые галеры должны были попасть в руки врагов. Вскоре корсары были полностью разгромлены, и Барбаросса с тремя тысячами своих сторонников бежал по суше. Теперь в Тунисе находилось не менее 20 000 христианских пленников. Освободившись от оков, они открыли ворота победоносной армии, и та, не выдержав, расправилась с посланными против нее людьми направо и налево. 20 000 христиан были спасены, победа одержана, корсары обращены в бегство, а Мулей Хасан, будучи всего лишь марионеткой, был восстановлен Карлом V в своем королевстве Тунис на условиях, среди которых было оговорено, что Мулей Хасан должен освободить всех христианских пленников, которые могут находиться в его королевстве, дать им свободный проход домой, и ни одному корсару не должно быть позволено снова использовать его порты для каких бы то ни было целей.

Это был самый сильный удар, который Барбаросса когда-либо получал. Но каким бы грубым тираном он ни был, каким бы жестоким ни показал себя, каким бы врагом рода человеческого ни считался, в нем все же был великий ум, дух, который только побуждали, а не угнетали бедствия. В конце жалкого бегства он прибыл дальше по африканскому побережью в порт Бона, где оставалось всего пятнадцать галер, которые он держал в резерве. Все остальное, что принадлежало ему, исчезло - корабли, арсенал, люди. Но море было его природной стихией, а пиратство - его естественной профессией, и он сразу же начал собираться в путь. Но как раз в это время прибыли пятнадцать христианских галер, и Барбаросса, не заботясь о конфликте, привел свои галеры под форт Бона, а враг счел благоразумным оставить корсара в покое и отступил. Вскоре после этого Барбаросса вышел в море и исчез, когда Андреа Дориа с сорока галерами прибыл на место происшествия слишком поздно.

Как и в предыдущем случае, о котором уже рассказывалось, христианская экспедиция совершила ошибку, не добившись победы и не решив вопрос с пиратами окончательно. Алжир был настолько истощен людьми, что был слишком слаб, чтобы противостоять нападению. Но нет; христиане оставили его в покое, хотя и взяли Бону. Примерно в середине

августа Карл вновь высадил своих людей и, довольный тем, как он отделал этих пиратов, вернулся домой. Барбаросса же направился в Алжир, где собрал несколько галер и ждал, пока его бывшие сторонники - или те, кто уцелел в боях и африканской пустыне, - вернутся к нему. Если мусульманское пиратство было сильно подавлено, оно не смогло возродиться, и вскоре Барбаросса со своими ветеранами снова был на плаву, грабя корабли в море и увозя все новых пленников в Алжир. Пиратство было подобно заразной болезни. Какое-то время можно было думать, что оно искоренено, что мир очистился от него, но через некоторое время становилось ясно, что это зло распространено как никогда.

Его снова вызвали к Солиману Великолепному, снова эрц-корсар отправился в Константинополь, чтобы получить инструкции по борьбе с христианами-завоевателями. Андреа Дориа был в море, сжигая турецкие корабли, и только султан Алжира мог с ним справиться. И вот Барбаросса отправился в свой обычный путь, совершая набеги на города Адриатики, зачищая острова Архипелага, и вскоре вернулся в Константинополь с 18 000 рабов, не говоря уже о материальных призах. Деньги доставались так же легко, как и человеческие жизни, и весь мир удивлялся, что этот адмирал-корсар, этот морской бич, этот враг христианской расы, после сокрушительного поражения может продолжать свое подлое дело, наводя ужас на города и корабли, как будто экспедиция Карла V никогда не была отправлена.

Но дело снова шло к кризису. Если корсарский адмирал все еще был на плаву, то Андреа Дориа, великий христианский адмирал, тоже. В крайнем юго-западном углу Эпира, на балканской стороне Адриатики и почти напротив пятки Италии, лежит Превеса. В 1569 году сюда прибыли флоты Креста и Полумесяца. Христианские корабли были собраны у острова Корфу, который находится в тридцати или сорока милях к северо-западу от Превесы. Пришел Барбаросса, которому помогали все великие пиратские капитаны того времени, и среди них следует упомянуть Драгута, о котором мы еще расскажем позже.

Но Превеса, с точки зрения зрелищности, разочаровала. Она была слишком научна, слишком четко прослеживалась стратегия и слишком мало отличалась борьбой. Если читатель когда-нибудь присутствовал на атлетических соревнованиях, где было больше мастерства, чем спорта, он поймет, что я имею в виду. Это дух толпы на матче по крикету, когда бэтсмен находится в обороне и не забивает ни одного мяча. Он проявляется в негодовании зрителей на боксерском матче, когда ни одна из сторон не наносит хороших ударов, когда наблюдается избыток научности, когда оба участника, достаточно равные и, возможно, перетренированные и нервничающие из-за мастерства другого, не решаются пойти на жесткие удары, так что в итоге матч заканчивается вничью.

Именно так и произошло в Превезе. Андреа Дориа и Барбаросса были двумя великими чемпионами ринга. Оба были немолоды, оба были натренированы годами долгих боев. Они были настолько равны, насколько это возможно для пары великих адмиралов. Каждый из них понимал ценность другого; оба знали, что в качестве зрителей перед ними вся Европа - как христианская, так и мусульманская. Победа одного из них означала бы поражение другого, и, если не случится счастливого случая, один из двух великих адмиралов всю оставшуюся жизнь будет грести на галиоте в качестве раба. Конечно, этого было достаточно, чтобы заставить боксеров нервничать и колебаться. Они долго не решались на удары, и на самом деле мало что удалось сделать. На море был неудачный штиль, и центром боевых действий стал *галеон "Венеция"*. Великолепная дисциплина на борту этого большого корабля, превосходство его командира и уникальность его огромных пушек произвели такое впечатление на флот Барбароссы, что, хотя *галеон* был сильно поврежден, в критический момент, когда корсары могли броситься на него и штурмовать с наступлением ночи,

единственный раз в жизни великие нервы короля корсаров покинули его. Никто не был удивлен больше венецианцев, когда они обнаружили, что пират не настаивает на своем нападении. Правда, он захватил несколько христианских кораблей, но это была лишь горстка, не имевшая никакого отношения к важности битвы. Он был послан, чтобы разбить Андреа Дориа и христианский флот; ему это не удалось.

На следующий день, при попутном ветре, Андреа Дориа ушел. Честь сражения принадлежала *венецианскому галеону*, но для Барбароссы это был триумф, поскольку, имея меньшие силы, он обратил в бегство христианского адмирала. Корабль Дориа не был даже тронут, и Барбаросса не попал в плен. Это было последнее великое событие в карьере Хейр-эд-дина, и он умер в 1548 году в Константинополе как один из самых злых и жестоких убийц в истории, величайший пират, который когда-либо жил, и один из самых умных тактиков и стратегов, которых когда-либо носило Средиземноморье в своих водах. Редко жил человек, настолько лишенный качества милосердия, и его смерть была воспринята христианской Европой со вздохом величайшего облегчения.

За всю историю пиратства было несколько удивительно умных и искусных моряков. Как и многие другие преступники, они обладали такими потрясающими природными данными, что нельзя не сожалеть о том, что они плохо начали и плохо продолжили. Самый ожесточенный критик этого мусульманского монстра не может не восхищаться его ненормальным мужеством, находчивостью, организаторскими способностями и неукротимой решимостью. Жаль только, что все это было потрачено впустую - на страдания десятков тысяч людей, на смерть, грабежи и разбои.

ГЛАВА VI ГАЛЕРЫ И ГАЛАНТНОСТЬ

Но был еще третий великий варварский корсар, который завершил это ужасное трио. Урудж и Хейр-эд-дин нам уже известны. Осталось упомянуть Драгута, который стал преемником последнего. Он тоже был мусульманином и родился в одной из прибрежных деревень Малой Азии, напротив острова Родос. Его ранняя жизнь была похожа на жизнь большинства пиратов. Совсем молодым он вышел в море, был предан своему ремеслу, полон честолюбия, стал опытным лоцманом, а затем и шкипером собственного судна. Затем, почувствовав зов дикой природы, он посвятил себя пиратству и приобрел дурную славу.

Но поворотным моментом в его карьере стало поступление на службу к Хейр-эд-дину, который назначил Драгута командиром дюжины галер короля корсаров. Отныне его жизнь стала жизнью его хозяина: он опустошал итальянские берега, грабил средиземноморские корабли и уводил в рабство тысячи жизней. Через два года после битвы при Превезе Драгут по славе уступал только Хейр-эд-дину, и другой Дориа - племянник Андреа - был отправлен на поимку этой новой морской осы. Дориа так удачно закинул сеть, что у корсиканского побережья ему удалось вернуть Драгута пленником, и в течение следующих четырех лет бывший корсар был обречен грести в качестве раба на христианской галере, пока в один из дней его покойный хозяин Хейр-эд-дин не приплыл в Геную. За свою активную, грабительскую жизнь он нажил немало богатств, поэтому ему ничего не стоило заплатить 3000 дукатов и таким образом выкупить из рабства человека, который был особенно полезен для его собственных замыслов.

И с этого дня, пока Драгут не пал в бою в 1565 году, он шел по стопам того, кто принес ему освобождение. Когда Хейр-эд-дин умер, турецкий султан назначил Драгута адмиралом османского флота. Как и Барбаросса, первой целью Драгута было получить базу в Северной Африке, и в итоге ему удалось захватить город "Африка" или Мехидия, расположенный к востоку от Туниса. Следующим его шагом было укрепление этого места. До ушей Карла V дошли новости о том, что это произошло. Два Барбароссы были мертвы, но появился еще один, почти столь же пагубный. Неужели пиратство никогда не прекратится? Андреа Дориа был уже стариком, но Карл велел ему отправиться за Драгутом, и он отправился. Он не пожалел и о том, что ему представилась возможность свести на нет свои не слишком выдающиеся действия в Превесе. Драгут был в отъезде и боролся с берегами Испании, а его племянник Айса был оставлен во главе "Африки". Тем временем Дориа разыскал его вдоль африканского побережья, подошел к "Африке", но, потеряв несколько человек и сильно повредив собственный корабль, Дориа, поскольку сезон был уже поздним, вернулся домой.

Но в июне следующего года Дориа со своим флотом прибыл к Мегедии, осадил город и, затратив огромные усилия, взял его, захватив Айсу.

Мехидия была потеряна, но Драгут все еще оставался на свободе. Он отправился в Константинополь, а оттуда - на Джербу, остров у восточного побережья Туниса. Туда же прибыл Андреа Дориа и зажал корсара в объятиях. В конце концов пират оказался ловушке, но, как и многие другие ловкие плуты, он нашел выход с непревзойденной ловкостью. Вкратце его действия можно описать следующим образом: Снаружи ждал христианский флот, который просто забавлялся видом нового форта, становящегося с каждым днем все больше. Но эти земляные укрепления были всего лишь блефом. Ведь с их помощью Драгут мог скрывать то, что делалось на другой стороне. С удивительной изобретательностью он проложил дорогу через остров к морю на другой стороне; он уложил ее хорошо смазанными досками и под покровом темноты заставил своих людей перетаскивать галеры, пока они не выходили в море на противоположном берегу. Дальше все было просто, и корсарский флот вновь скрылся, одурачив Дореа таким образом, что тот был поражен. Чтобы добавить наглости к оскорблению, Драгут сразу же захватил сицилийскую галеру, направлявшуюся в Дорею, на которой находился Мулей Хасан, султан Туниса. Последний был немедленно отправлен в подарок султану Турции, который позволил ему закончить свои дни в тюрьме.

Об остальных деяниях этого корсара у нас мало места для рассказа. Достаточно сказать, что он хорошо перенес мантию, которая свалилась на него с плеч Барбароссы. Он продолжал бороздить морские просторы, он галантно сражался, он опустошал и захватывал пленников в рабство. Власть и господство пришли к нему, как и к его предшественникам, и вскоре он стал правителем Триполи и более чем когда-либо врагом христианской расы. В конце концов он погиб при осаде Мальты, но ему на смену пришел Али Баша из Алжира, который завоевал королевство Тунис, захватил мальтийские галеры и показал, что старый корсарский дух еще жив.

Но день расплаты был близок, и в одном из самых судьбоносных событий истории должен был решиться вопрос о долге, который долгое время лежал на христианах. Из всех решающих битв мира немногие выделяются более ярко, чем битва при Лепанто. Несмотря на все великие морские экспедиции, отправленные для борьбы с пиратством в Средиземноморье, это зло повторялось снова и снова. Христианская Европа была полна решимости победить корсаров по двум причинам: во-первых, они были естественными врагами, поскольку были мусульманами, а во-вторых, они были худшим видом пиратов. Все потери христианских жизней, товаров и кораблей только усиливали естественную ненависть к этим магометанам. И в Лепанто мы видим последний великий поединок, в котором эти

коварные корсары сражались как могучая сила. После этого пиратские нападения этих людей повторялись, но они носили более индивидуалистический характер, нежели исходили от огромной организации.

Лепанто было совершено за шестнадцать лет до того, как елизаветинцы разгромили Армаду. Прежде чем рассказать о самом сражении, необходимо напомнить читателю, что если в поединке, проходившем в водах, омывающих Англию, большинство кораблей были парусными и имели высокий фриборд (за некоторыми исключениями), то в Лепанто все было наоборот. Боевой корабль Средиземноморья с самых ранних времен всегда относился к типу галер, хотя и имел разновидности. И никогда эта особенность не проявлялась так ярко, как в битве, о которой мы сейчас расскажем. Существовали галеры и галеасы, но хотя первые, безусловно, были несколько крупными судами, вторые практически являлись лишь большими редакциями галер.

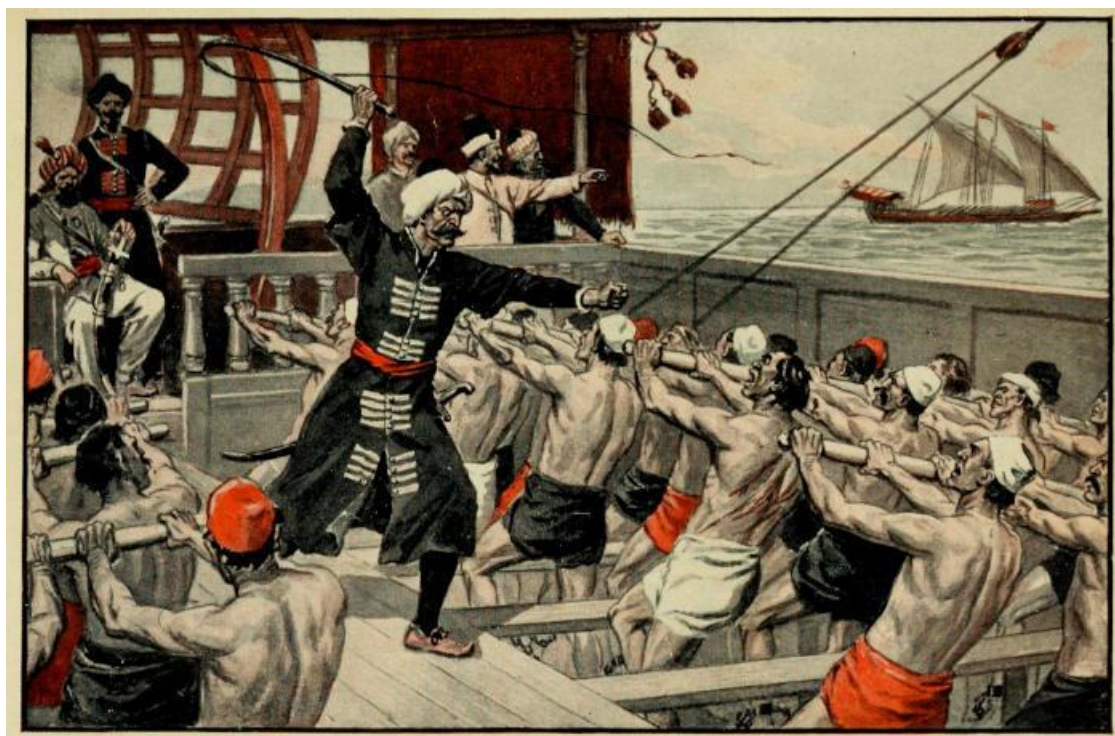
Значение Лепанто двояко. Оно доказало всему миру, что великая Османская империя не была непобедимой на море. Оно также показало, что, несмотря на все, что могли сделать самые ловкие корсары, в христианской Европе было достаточно единства и мореходных качеств, чтобы победить объединенные усилия организованного пиратства и магометанства. Никто не может отрицать, что Али Баба отличился в этом сражении как прекрасный адмирал, однако он не был на стороне победы. Когда он потерпел поражение, одновременно был нанесен сильнейший удар по организованному пиратству с тех пор, как оно утвердилось на южных берегах Средиземного моря. Лепанто не был просто изолированным событием; он стал логическим результатом конфликта между христианством, с одной стороны, и магометанством с пиратством - с другой. Опускать рассмотрение мусульманства из причин этой битвы так же несправедливо, как и факт пиратства.

Солидарность христианской экспедиции была сформирована так называемой Священной лигой, объединявшей корабли папских государств, Испании и Венеции. Единство противоборствующей стороны обеспечивалось верностью варварских корсаров турецкому султану. Верховным главнокомандующим был дон Иоанн Австрийский, сын того самого Карла V, который так много сделал для изгнания этих корсарских ос. Христианский флот насчитывал около трехсот кораблей, из которых две трети составляли галеры, и они собрались в Мессине. Место, где должна была состояться битва, уже стало историческим. Она была практически идентична Превесе, о которой мы уже говорили, и классическому Актиуму 31 года до н. э., хотя и находилась немного южнее того места, где сражалась Превеса. Как тогда Хейр-эд-дин сражался с Андреа Дориа, так теперь Драгут должен был сразиться с Иоанном Андреа Дориа. О силах мусульман можно судить по тому, что они насчитывали 250 галер и множество более мелких кораблей. Но как Превеса была отмечена малым количеством сражений, но большим количеством маневрирования, так и Лепанто отличался отсутствием стратегии и преобладанием отчаянных, жестких ударов. Все, что касалось стратегии, принадлежало Али Бабе. Галеасы христианской стороны наносили мусульманам смертельные удары, хотя флагманский корабль самого Андреа сильно пострадал в этой схватке. Испанские, венецианские и мальтийские галеры сражались очень галантно, но Али Баба, захватив главный мальтийский корабль, был вынужден отказаться от его буксировки, а сам вынужден был бежать из боя. При Лепанто погибло не менее 5000 христиан, но в шесть раз больше было убито мусульман, вместе с 200 кораблями последних. Корсары оказали самую лучшую помощь, но и они потерпели поражение.

Христианский промысел одержал великую победу, и с того осеннего дня 1571 года пираты Барбары никогда не достигали своего прежнего господства и организованной мощи. Али вернулся в Константинополь, и уже на следующий год ему снова захотелось сразиться со

своими прежними врагами, хотя никаких реальных боевых действий не произошло. Еще через год Тунис был отбит у турок доном Иоанном Австрийским. В течение девяти лет после событий в Лепанто Али Баша продолжал жить и, как и его предшественники, проводил большую часть своего времени, нападая на христианское побережье южной Италии. После его смерти еще долгие годы существовало множество пиратов, но с кончиной Али Баши завершился великий период мусульманских корсаров. Это был век, отмеченный самой удивительной наглостью со стороны самозванных королей и тиранов. Но если оно и не показало ничего другого, то совершенно ясно продемонстрировало, какие огромные возможности открывает море для любого человека, обладающего достаточной смелостью и уверенностью в себе в дополнение к такому важному качеству, как морское чутье. Из простых моряков эти четыре великих корсара - два Барбароссы, Драгут и Али Баша - поднялись до положения самодержцев и адмиралов. Хотя они были простыми разбойниками и бандитами, само упоминание их имен вызывало содрогание во всем христианстве. И только многократные и непреодолимые усилия великих европейских держав смогли привести этих пиратских королей в такое состояние, что честные корабли могли продолжать свои плавания с надеждой добраться до назначенных портов. Конечно, за всю историю беззакония никогда не было злоумышленников, которые процветали бы так долго и в таких масштабах!

В этой главе мы уже говорили о галерах и галеасах. Прежде чем закончить, давайте добавим несколько слов, чтобы облегчить читателю восприятие. Помня о том, как интересно сохранился тип галеры на протяжении всех средиземноморских войн, не следует забывать, что в последующие века этот тип судна менялся в деталях. Однако неизменным оставался тот факт, что она опиралась в основном на весла, забирала сравнительно мало воды и имела незначительный свободный борт по сравнению с каравеллами, каракками и океанскими военными и торговыми судами. Большое достоинство галеры заключалось в ее мобильности. Ее главный недостаток заключался в отсутствии мореходных качеств. Ведь работа галеры заключалась в операциях в ограниченной сфере, а земля находилась неподалеку; иными словами, она подходила для условий, прямо противоположных тем, в которых может находиться судно, отправляющееся в Вест-Индию или огибающее мыс Горн.

Рабы на галерах

Жизнь галерного раба была сопряжена с ужасными лишениями. Их приковывали по пять-шесть к веслу, кормили самой скудной пищей, а боцман ходил вверх и вниз по трапу в центре, нанося страшные удары плетью тем, кто вызывал его гнев.

Удивительной особенностью этих галер было большое количество необходимых гребцов, но это была эпоха, когда человеческая жизнь ценилась дешевле, чем сегодня. Рабов можно было получить, совершая набеги на города или захватывая корабли. Работа за веслом была полезной, хотя и ужасно тяжелой. Минимум еды и строгие удары боцмана, когда он ходил вверх и вниз по трапу, который проходил спереди и сзади по центру корабля, удерживали людей на службе, а кандалы не позволяли им дезертировать. Но когда их бедные, изможденные тела ослабевали, их выбрасывали за борт до последнего вздоха.

Сохранившиеся гравюры показывают, что число гребцов на галере XVI века исчислялось сотнями - две или три сотни таких галерных рабов были бы не редкостью на одном судне. Они сохранили клюз и расположение весел со времен римлян. На корме сидел командир со своими офицерами. Когда эти суда несли пушки, вооружение размещалось в носовой части. К XVI или, во всяком случае, XVII веку галера достигла своего апогея, и уже не считалось примечательным, что ее длина должна составлять около 170 футов, а ширина - всего 20 футов. Читатель может легко изучить ее, обратившись к прилагаемой иллюстрации. Независимо от того, использовались ли они христианами или корсарами, мальтийскими рыцарями или турками-мусульманами, они не сильно отличались от представленной здесь картины. С пятью мужчинами на каждом тяжелом весле, с моряками для управления парусами, когда они были заняты, с солдатами для борьбы с кораблем, они практически представляли собой любопытный вид плота или плавучей платформы. Независимо от религии или расы, у народов XVI века было принято приговаривать своих пленников к гребле, прикованными к этим скамьям. Так, например, когда испанцы захватывали елизаветинских моряков, последних приковывали к этим скамьям, так же как венецианских пленников заставляли грести на мусульманских галерах. Осужденных преступников также наказывали подобным образом.

Разница между старым и новым никогда не была так очевидна, как в конце XVI века, когда большегрузные корабли с парусами и пушками начали отбрасывать старую тактику абордажа. Теперь они полагались именно на пушку, а не на меч. Но галера зависела не столько от артиллерии, сколько от абордажа. Ее целью было сражаться не на расстоянии, а в ближней четверти - подойти вплотную, а затем высадить своих солдат на другой корабль и завладеть им. Галеасы Средиземноморья, хотя это слово использовалось довольно часто, означали попытку объединить морские качества большеголового корабля с мобильностью галеры. Компромиссы, однако, редко бывают удачными, и хотя галеас был гораздо более мощной боевой единицей, он был менее мобильным, хотя и лучшим морским судном. Начав с того, что это была практически большая галера с форштевнем, кормовым замком и еще одной палубой, она закончила тем, что стала чуть менее неуклюжей, чем современный линейный корабль, который полагался на паруса и пушки. Любой, кто захочет изучить современные изображения испанских галер, использовавшихся Армадой против Англии в эпоху правления Елизаветы, сможет убедиться в этом. Правда, в XVII веке галеры использовались даже на севере, в Амстердаме, и есть много примеров, когда они сражались с английскими кораблями в Ла-Манше, у Портсмута и в других местах. Некоторое время галеры оставались в составе британского флота, но они были совершенно непригодны для вод Северного моря и Ла-Манша и уступили место парусным кораблям большего водоизмещения.

ГЛАВА VII

ПИРАТСТВО В ЕЛИЗАВЕТИНСКИЕ ВРЕМЕНА

Но хотя Средиземноморье было сферой деятельности корсаров-варваров, морское беззаконие не ограничивалось только этим районом. В узких морях дела обстояли так же плохо, как и в Средние века. И Елизавета с той решительностью, которой она славилась, взяла дело в свои руки.

Уже в 1564 году она приказала сэру Питеру Кэрю снарядить экспедицию, чтобы очистить моря от пиратов и бродяг, которые преследовали берега Девоншира и Корнуолла; однако это была почти невыполнимая задача. Ведь мужчины этих мест особенно страдали морской лихорадкой. Рыбная ловля была менее прибыльной, чем могла бы быть, но захватывать корабли вместо рыбы было очень выгодным занятием и несло в себе как раз ту долю приключений, которая привлекала елизаветинцев. И не забывайте, что, как и в случае с более поздними контрабандистами, эти люди опирались на финансовую поддержку богатых землевладельцев, которые находили это вложение заманчивым.

Именно потому, что колонии в Новом Свете приносили такие чудесные сокровища, английские пираты считали испанские корабли столь достойными того, чтобы их поджидать и грабить. Филипп снова и снова обращался к Елизавете с требованием прекратить эту неприятность, настаивая на том, что ни в коем случае нельзя помиловать осужденного английского пирата. Он просил, чтобы офицеры Ее Величества в портах Западной Англии перестали позволять этим мародерам брать на борт товары и даже часто заходить в эти гавани. Он умолял даже назначить вознаграждение за их поимку, а всех людей на берегу, которые помогали этим злодеям, сурово наказать.

Именно из-за жалобы Филиппа, а также из-за жалоб ее собственных купцов королева была вынуждена принять суровые меры. Она послала больше кораблей для охраны морей, но с какой пользой? Навстречу попался корабль, направлявшийся из Фландрии в Испанию с грузом гобеленов, часов и других товаров для Филиппа. Английские пираты не могли пропустить такой приз, поэтому они остановили корабль и разграбили его. Следующим шагом королевы стало проведение строгих расследований на побережье с целью обнаружения мест обитания этих северных корсаров. Линдсей говорит, что были назначены портовые комиссары, которые должны были допрашивать и докладывать обо всех судах, выходящих из порта или входящих в него, а всем землевладельцам, поощрявшим пиратов, грозили штрафы. Но это была невыполнимая задача, как я сейчас объясню. Прежде всего, учтите, что после столетий такого свободного морского плавания никакое правительство, никакие угрозы не могли изменить характер английского моряка. Если бы, например, завтра парламент издал закон, запрещающий рыбакам Северного моря заниматься своим промыслом, ничто, кроме снарядов с военных кораблей, не помешало бы им выйти в море. Годы оккупации окажутся слишком сильным сопротивлением.

Так было и с моряками в елизаветинскую эпоху. Началось все с ненависти к соседям-французам; ее поощряли привилегии, которыми пользовались Чинкве-Порты, хотя это было в крови у английских моряков совершенно независимо от королевского разрешения. Но во времена Елизаветы возникла еще одна трудность. Те каперы, которым закон разрешал выходить в море, стали слишком сильны, чтобы их можно было подавить. Каперство в чистом виде заключается в том, что частный корабль или корабли получают заказ на захват или разграбление кораблей противника; по сути, это узаконенное пиратство, и любой может

понять, что в не слишком законопослушную эпоху, такую как XVI век, грань между пиратством и каперством была настолько тонкой, что было практически невозможно сказать, какой грабеж законен, а какой неоправдан. Уже одно это было достаточной причиной для частых освобождений предполагаемых пиратов в это время.

Правда, корона разрешила каперство, хотя комиссии были ограничены только нападениями на наших признанных врагов, но было бесполезно ожидать, что эти грубые девонширские моряки проявят хоть какое-то уважение к юридическим *тонкостям*. Адекватно контролировать этих людей было слишком сложно. Французские, испанские и фламандские суда, независимо от национальности, одинаково часто попадали в руки английских пиратов. Некоторые из них получали неплохой доход, и кто скажет, что некоторые из этих прекрасных елизаветинских особняков в нашей стране не были построены на эти незаконные доходы? Мэр Дувра, например, вместе с несколькими ведущими жителями этого порта захватил у французов более 600 призов, не говоря уже о количестве нейтралов, которых он разграбил. Это было в 1563 году, а уже тогда он разграбил шестьдесят один испанский корабль. А ведь была еще и ценная торговля в Антверпене и Лондоне, которая была постоянным источником дохода для пиратов того времени. Поэтому нельзя удивляться тому важному происшествию в 1564 году, которое так сильно разгневало английских моряков и способствовало тому, что дело дошло до кульминации в виде испанской Армады; ведь что произошло? Филипп, видя, как мало делает Елизавета, чтобы пресечь серию нападений на его корабли с сокровищами, в упомянутом году внезапно издал приказ об аресте всех английских кораблей и всех английских экипажей, случайно оказавшихся в его собственных гаванях. Это была радикальная мера, но мы вполне можем понять импульсивного и яростного испанца, действовавшего таким образом.

Во время правления Елизаветы, конечно, были и пираты, которым не повезло быть арестованными. В одну небольшую группу подозреваемых входили капитан Хейдон, Ричард Дейгл и человек по имени Корбет. В эту же банду входили Роберт Хитчинс, Филипп Ридхед, Роджер Шастер и другие. Первым троим удалось скрыться, не попав в плен, но остальные признали свою вину. Хитчинсу было около пятидесяти лет, он был уроженцем Девоншира, но и он, и его спутники заявили, что были обмануты Хейдоном и Дейглом; они отправились в путешествие в Рошель предположительно на торговом судне, а оказалось, что это была не что иное, как пиратская экспедиция.

По их версии, в июне 1564 года они захватили фламандский корабль, а на него пересадили тринадцать шотландцев, которые входили в состав этого якобы торгового судна. Фламандский корабль с шотландцами на борту отплыл, так как с остальными членами партии возникли разногласия. Они направились в Ирландию, где к ним присоединился их шкипер, а также совершили грабеж на побережье Испании. Захватив судно с грузом вина, они направились в крайний юго-западный угол Ирландии, который даже в нынешнем двадцатом веке остается диким, одиноким местом, редко посещаемым какими-либо судами, за исключением британского флота, изредка прокладывающего кабель и иногда каботажного судна или двух. Берехейвен - это могучий фьорд, выходящий из залива Бэнтри. С одной стороны возвышаются высокие скалистые холмы, с другой - остров Бере. Это безопасная, чистая якорная стоянка и дикое, недоступное место.

Здесь захваченный корабль был взят, а вина проданы. С лордом О'Салливаном был заключен договор, по которому пираты могли рассчитывать на его помощь. Корбет с одним кораблем и человек по имени Лусингем, управлявший другим судном, не дали О'Салливану попасть в руки кораблей Елизаветы, посланных для их захвата. Однако Лусингем был убит "осколком снаряда", когда махал шапкой в сторону кораблей королевы в Берехавене, а

Корбет остался жив. Утверждалось, что Хейдон и Корбет договорились совместно оснастить корабль "*Джон из Сандвича*", снабдив его всеми необходимыми пушками, в надежде захватить хороший корабль, чтобы снабдить им Корбета. Но во время плавания в Ла-Манше поднялся шторм, и корабль дал течь. Поэтому они были вынуждены зайти в Олдерни, где судно потерпело крушение, а Хейдон, Корбет, Дейгл и еще четырнадцать человек спаслись на маленьком пиннасе.

Выяснилось, что Роберт Хитчинс всю жизнь занимался пиратством, поэтому после ареста на островах Ла-Манш его казнили на отливе у Сент-Мартинс-Пойнт, Гернси, и оставили тело в цепях в качестве предупреждения для других. Остальных заключенных Елизавета приказала отпустить на свободу "после доброго и резкого напутствия остерегаться впредь впадать в урон нашим законам". Им было велено вернуться в родные места и зарабатывать на жизнь честным трудом. О том, что корона действительно ценила своих моряков, свидетельствует интересная прокламация, которая была сделана в 1572 году, когда существовала вероятность войны. Королева обещала прощение за все пиратства, совершенные до сих пор любыми мореплавателями, которые теперь должны были поставить свои корабли на ее военную службу, и мы не должны забывать, что позднее первые известия о приходе Армады были доставлены в Плимут патриотичным английским пиратом по имени Флеминг. "Флеминг, - писал Джон Смит, великий елизаветинский путешественник и основатель английской колонии Виргиния, - был таким же знатоком и таким же разыскиваемым", как и другие пираты времен правления королевы, "и при этом таким другом своей страны, что, узнав об испанской армаде, добровольно пришел в Плимут, свободно отдал себя милорду адмиралу и уведомил его о приближении испанцев; это доброе предупреждение пришло так счастливо и неожиданно, что он получил помилование и хорошее вознаграждение".

"Как во всех землях, - пишет этот восхитительный елизаветинский поэт, - где много людей, есть и воры, так и во всех морях, где часто бывают пираты; самым древним на памяти трехсот лет был некто Каллис, который больше всего освежался на побережье Уэльса; Клинтон и Пурсер, его спутники, прославились, пока королева Елизавета блаженной памяти не повесила их в Уоппинге". Этот Джон Каллис или Каллес после ареста написал Уолсингему покаянное письмо, в котором сказал: "Я сокрушаюсь о своей прежней порочной жизни и умоляю Бога и Ее Величество простить меня. Если она пощадит мою жизнь и использует меня на своей службе на море с теми, кому она может доверять больше всего, либо для очистки берегов от других злых пиратов, либо иным образом, поскольку я так хорошо знаю их места обитания, дороги, ручьи и содержателей, я могу сделать больше, чем если бы она послала корабли за границу и потратила 20 000 фунтов стерлингов".

Думая таким образом добиться помилования, Каллес, соответственно, переслал сведения о своих товарищах-пиратах, их "содержателях и кормильцах меня и моих компаний". В этом списке содержались имена и адреса покупателей и получателей товаров, награбленных с двух португальских, одного французского, одного испанского и одного шотландского кораблей, которые пиратствовали Каллес и капитан Стерджес из Рошели. Если ему дадут свободу, этот болтливый корсар пообещал, что приведет также датский корабль, который он пиратски захватил. Он также обещал предупредить Уолсингема, чтобы тот позаботился о том, чтобы Суливан Бир из Берехейвена "не совершал никаких измен" по отношению к Ее Величеству, поскольку, по его словам, Суливан сказал Каллесу в замке первого в Берехейвене, что Джеймс Фицморрис и несколько французов намерены высадиться там, если им удастся получить лоцманов, которые проведут их туда. Старый пират утверждал, что они пытались уговорить его присоединиться к ним и стать их проводником, обещая ему

"большие подарки". "Но я не стану присоединяться ни к одному мятежнику Ее Величества, - писал он величественно, - надеясь на ее милость в будущем".

В марте прошлого года, продолжает он, стоя на якоре в Торбее, он встретил француза под командованием капитана Моллонера, который поднялся на борт корабля Каллеса и попросил рассказать ему об ирландском побережье и лучших гаванях. Каллес сообщил ему, что лучшими являются Корк и Кинсейл. Затем его дознаватели спросили, не являются ли Берехавен и Дингелл хорошими местами для высадки. "Они сказали мне, что если я отправлюсь с ними во Францию, то мне не нужно бояться королевы за нанесенные мною обиды". Французский король помиловал бы его за все, что Каллес совершил против подданных Его Величества, и дал бы ему 3000 крон, чтобы он стал его подданным и присягнул ему, а также ежегодную плату в течение всей жизни. "Я спросил его, почему его господин хочет использовать меня, и он ответил, что его господин вскоре собирается совершить некую службу на побережье Ирландии, и ему нужны лоцманы". Каллес заявил, что отказался от этого приглашения, на что тот ответил, что в Англии ему никогда не представится такой шанс. Но хотя это была очень красивая история, власти были слишком хорошо осведомлены о прошлом Каллеса, чтобы придавать ей слишком большое значение.

"Несчастье пирата (хотя многие из них такие же достаточные моряки, как и все остальные), но что касается его избытка, - писал основатель Виргинии, - вы найдете его таким, что любой мудрый человек предпочел бы жить среди диких зверей, а не среди них: поэтому пусть все неразумные люди следят за тем, как они развлекают это качество: И я хотел бы пожелать купцам, джентльменам и всем, кто отправляет корабли, не скупиться на достойное жалование и настоящую плату, ибо ни соулдеры, ни моряки не могут жить без средств, но необходимость заставит их воровать: и когда они однажды вступят в это ремесло, их вряд ли удастся вернуть".

Бедность, а также любовь к приключениям и жажда наживы, безусловно, должны были стать стимулом к такой жизни. Зло росло так неуклонно, что 7 августа 1579 года Йорк пожаловался лорду Бергли, что никогда еще море не было так полно пиратов, а плимутский корабль, отправившийся из Сен-Мало в Дартмут, был ограблен и загнан на скалы. Тем не менее "кредитные люди", назначенные в каждой гавани, бухте или другом месте высадки у побережья, чтобы бороться с этим злом, делали все возможное, и три известных пирата были арестованы и помещены в Йоркский замок вместе с другими пиратами.

Но пиратство, как мы уже видели, не было уделом только одной страны, хотя в некоторых частях света и в определенные века пираты были более распространены, чем в других местах. Тот самый человек, который в Ла-Манше мог добиться позора и богатства в качестве морского разбойника, мог также, выйдя в Средиземное море, быть разграбленным теми варварскими корсарами, о которых мы только что говорили. Английские мореплаватели не раз сталкивались с этими людьми, и немало печальных историй дошло до Англии о жестокости этих мусульманских тиранов. Интересный рассказ о таком приключении принадлежит мастеру Роджеру Боденхэму. Инцидент действительно произошел за семь лет до восшествия на престол Елизаветы, но, возможно, рассказ о нем здесь будет неуместен.

Отправившись из Грейвсенда на "большом барке *Ошера*", направлявшемся к островам Кандия и Кио в Леванте, корабль прибыл в Мессину на Сицилии. Однако стало известно, что в Леванте находится множество мусульманских галер, и дальнейшее плавание будет более чем рискованным. Об этом стало известно экипажу "*Ошера*", так что Боденхэм вряд ли смог бы пройти дальше и доставить свой груз в Кио. "Тогда, - пишет он, - у меня было не мало дел, чтобы заставлять моих моряков рисковать с кораблем, подвергаясь такой явной опасности.

Тем не менее я хотел, чтобы они пошли со мной, кроме трех, которых я посадил на сушу". Но те вскоре снова попросились на борт, их взяли, и корабль отправился в путь. На борт был взят греческий лоцман, и, когда мы находились недалеко от Чио, внезапно заметили трех турецких пиратов. Они преследовали несколько небольших лодок, которые шли под парусами, оснащенными латинским парусом. В одной из них находился сын лоцмана, и по просьбе грека Боденхэм взял курс на турок и заставил канонира "*Ошера*" выстрелить из деми-кульверина в преследователя, который как раз собирался сесть в одну из лодок. Это был настолько меткий выстрел, что турок упал на корму. Вскоре подошли все маленькие лодки и стали просить, чтобы им разрешили продержаться на корме "*Ошера*" до рассвета. Выйдя из Чио, Боденхэм направил свой корабль в Кандию и Мессину. Но по пути туда и в тех самых водах, где вскоре должна была состояться битва при Лепанто, он обнаружил, что несколько турецких галеотов пиратски напали на венецианские корабли, груженные мускателями, и Боденхэм, будучи добрым самаритянином, сумел отогнать мусульманских агрессоров и спасти купцов. "Я спас их, - пишет он вкратце, - и у меня был только бочонок вина на порох и дробь".

ГЛАВА VIII

ЕЛИЗАВЕТИНСКИЕ МОРЯКИ И ТУРЕЦКИЕ ПИРАТЫ

Но гораздо более авантюрным было плавание корабля под названием "*Три полумесяца*", который с командой из тридцати восьми человек и хорошо найденным оружием - "тем лучше, чтобы встретить врагов во всеоружии" - вышел из Портсмута в 1563 году.

В чем-то эта история похожа на роман, но она настолько тщательно проработана, что не вызывает ни малейших подозрений. Взяв курс на юг Испании, они прибыли к Гибралтарскому проливу, где оказались в окружении восьми турецких галер. (Следует отметить, что елизаветинцы использовали слово "турок" для обозначения мусульман несколько вольно). Быстро стало ясно, что возможны только две альтернативы. О бегстве не могло быть и речи, и либо "*Ошер*" должен сражаться до конца, либо быть потопленным. Но, будучи англичанами и галантным экипажем, они решили сражаться. На борту находились владелец, хозяин, помощник капитана, боцман, кошелек и канонир в качестве офицеров.

Осознав свое отчаянное положение, хозяин увещевал своих людей вести себя доблестно, быть храбрыми и смиренно переносить поражение. Затем, упав на колени, все они воздали хвалу Богу и приготовились к бою. "Тогда встал один Гроув, хозяин, красивый мужчина, с мечом и мишенью, держа их наперевес против своих врагов. Так же встали хозяин, помощник хозяина, боцман, казначей и все, кто был назначен. Так же зазвучали барабаны, трубы и флейты, которые могли бы воодушевить любого человека, если бы в нем не было так мало сердца и мужества". Далее мы представим читателю Джона Фокса, корабельного канонира, человека, обладавшего, как мы увидим, удивительной находчивостью. Фокс видел, что пушки расставлены наилучшим образом и что турки ведут жаркий огонь. Но в три раза быстрее, чем стреляли англичане, стреляли неверные, и бой шел яростно: восемь галер против одного большого корабля. Турки наступали, и тогда английские лучники пускали стрелы, которые густо сыпались на гребцов. Одновременно англичане открыли из своих пушек более жаркий огонь, чем когда-либо, и турки падали как подкошенные. Тем временем "*Ошер*" получил серьезные повреждения ниже ватерлинии, и турки, видя это, попытались взять корабль на абордаж. Вскочив на борт, многие из них упали и больше не поднялись, а

остальные вступили в невероятную схватку на палубе "*Ошера*". "Англичане, - пишет рассказчик на прекрасном, крепком елизаветинском языке, - показали себя людьми дела, энергично работая своими браунингами и халбардами: владелец, хозяин, бутсвейн и их компания с ожесточением поддерживали их, чтобы турки были наполовину выбиты из колеи. Но главным образом боцман показал себя доблестнее остальных: он сражался среди турок, как лесной лев, ибо никто из них не мог или не смел противостоять ему, пока наконец не раздался выстрел турок, который разорвал его свисток, и ударил его в грудь, так что он упал, прощаясь с ними и утешая их, призывая их также заслужить похвалу смертью, а не жить в плену в несчастье и позоре".

Галантность вопреки обстоятельствам

Англичане показали себя настоящими мужчинами в борьбе с маврами, особенно боцман, которого свалила пуля, попавшая в грудь. Но, одолев численность, отважная команда была побеждена, а оставшиеся в живых были приговорены к веслам.

Эти храбрые люди проявили прекрасную галантность, но они сражались с большими потерями. Турки сильно давили на них, и ни один из них не вел себя как мужчина, кроме помощника капитана, "который уклонялся от стычки, как знатный трус, не считаясь ни с ценностью своего имени, ни с нынешним примером своих товарищей, ни с теми страданиями, которым он должен был подвергнуться". Остальные члены экипажа покрыли себя славой, но в конце концов это оказалось бесполезным, так как турки одержали победу. Тогда, в соответствии с историческим морским обычаем, команду "*Ошера*" посадили на галеры и заставили грести веслами, "и не успели они сесть в них, как их одежда была натянута на уши и сорвана со спин", так как галерный раб всегда был обречен грести голым.

В конце концов галеры достигли своей крепости в порту Александрии, который в те времена был хорошо защищен укреплениями. Читатель помнит, что некоторое время назад говорилось о том, что сезон плавания ограничивался лишь поздней весной и летом, а на зиму корабли ставили на стоянку. Близилось время отплытия, и христианские пленники были доставлены на берег Александрии и брошены в тюрьму до тех пор, пока не наступит время пиратства. В этом порту, пишет елизаветинский летописец, "турки по обычаю каждый год в зимнее время привозят свои галеры на берег, там их отделявают и укладывают до весны. На этой дороге есть тюрьма, куда сажают пленников и тех, кто служит на галерах, на все это время, пока море не успокоится и не станет пригодным для галер, причем каждому пленнику, к их великой боли, на ноги надевают кандалы".

Так трагически завершилось плавание "*Ошера*". Но через некоторое время весть об этом происшествии, очевидно, достигла Англии, так как и хозяин, и владелец были выкуплены друзьями из тюрьмы. Остальным оставалось лишь изо всех сил терпеть жестокое обращение и полуголодное существование. Но удивительно стойко переносил все это артиллерист Джон Фокс, который, "будучи несколько искусным в ремесле барбура, по этой причине делал большие сдвиги, время от времени подкрепляя свой проезд хорошей мякотью". Со временем смотритель тюрьмы полюбил его и предоставил ему особые привилегии, так что он мог гулять до моря и обратно, когда ему вздумается, но его предупредили, чтобы он всегда возвращался ночью, и ему никогда не разрешалось ходить без кандалов на ногах. Позже еще шесть заключенных получили подобную привилегию.

Жизнь тянулась тоскливо, и вот уже четырнадцать печальных лет продолжается это гнусное заточение. Шел 1577 год, снова наступил зимний сезон, и галеры причалили к берегу. Их мачты и паруса были доставлены на берег и надлежащим образом размещены до новой весны, а турецкие хозяева и мореплаватели теперь "гнездились в своих домах", как причудливо сказано в повествовании. Рабы на галерах снова вернулись к своему долгому рабству на берегу, и теперь там было не менее 268 несчастных христиан, томившихся в неволе, захваченных у шестнадцати разных народов. Именно тогда Джон Фокс, человек находчивый, решил, что необходимо совершить побег и освободить своих товарищей по плену. Если задуматься о таком проекте, как освобождение почти 300 пленников из рук турецких пиратов, то идея покажется совершенно неосуществимой и совершенно провидческой.

Однако Джону Фоксу казалось иначе, и вот как он приступил к работе. Долго обдумывая способ и вознося множество молитв о том, чтобы его затея увенчалась успехом, он отправился к своему товарищу по плену - испанскому христианину по имени Питер Унтикаро, который провел в неволе не менее тридцати лет. Этого человека поселили в "определенном доме с провизией" неподалеку от рейда. За все эти годы он ни разу не пытался бежать, поэтому к нему относились с меньшим подозрением и доверием. Однако Фокс и Унтикаро часто обсуждали свою кабалу, и наконец англичанин рискнул сделать своим доверенным

лицом его, а также еще одного сокамерника. Эти трое мужчин собрались вместе, и Фокс разработал способ побега. Их шансы встретиться были невелики, но к концу семи недель им удалось согласовать определенный план. Теперь в их распоряжение попали еще пять пленников, которых, по их мнению, можно было смело доверять.

Наступил последний день уходящего года, и эти восемь человек договорились встретиться в тюрьме и сообщить остальным заключенным о своем плане. 31 декабря это и было сделано. Потребовалось совсем немного убеждения, чтобы заставить эти двести с лишним человек присоединиться к плану, и Фокс, "вручив им нечто вроде напильников, которые он собрал для этой цели с помощью Питера Унтикаро", велел им быть готовыми к восьми часам следующей ночи с продетыми в них оковами. Так что на следующий день Фокс со своими шестью спутниками отправился в дом Питера Унтикаро. Чтобы предотвратить любые подозрения в темных делишках, они проводили время в веселье, пока наступила ночь и не приблизился час восемь. Тогда Фоксе послал Унтикаро к смотрителю дороги, притворившись, что его прислал один из турецких чиновников, и приказал ему немедленно прийти. Смотритель немедленно пришел, но перед этим велел стражникам не закрывать ворота, так как он не должен долго задерживаться.

Тем временем остальные семь пленников успели вооружиться лучшим оружием, которое смогли найти в доме испанца, и Джону Фоксу удалось заполучить в свои руки старый ржавый клинок меча "без рукояти и поножей", но он сумел сделать его эффективным. К этому времени прибыл сторож, но как только он подошел к дому и увидел, что тот молчит и погружен в темноту, у него возникли подозрения. Джон Фокс был готов к встрече с ним, и не успел сторож отойти более чем на несколько ярдов, как англичанин выскочил на улицу и, назвав его злодеем и "кровопийцей многих христианских кровей, поднял свой ярко сверкающий меч десятилетней ржавчины" и убил его на месте. Затем они спокойно направились к стражникам на дороге и быстро расправились с этими шестью чиновниками. Затем Фокс запер ворота и поставил на них пушку, чтобы предотвратить преследование. Все прошло на редкость гладко. Затем они направились к коменданту, где у его кровати нашли ключи от крепости и тюрьмы. Кроме того, они нашли оружие получше того, которым пользовались. А еще там был сундук, полный дукатов. Для троих из них это чудесное зрелище оказалось непреодолимым. Фокс не хотел иметь ничего общего с деньгами, "потому что это была его и их свобода, которой он добивался, к чести своего Бога, а не для того, чтобы портить нечестивые сокровища неверных". Но Унтикаро и еще двое угостились, спрятав деньги между кожей и рубашкой.

Эти восемь человек, вооруженные ключами, подошли к тюрьме, двери которой они открыли. Пленники были готовы и ждали. Фокс призвал их внести свою лепту, и вся группа - от двух до трех сотен человек - высыпала наружу. Каждому отряду Фокс поручил определенную обязанность. Восемь тюремных надзирателей были преданы смерти, но некоторых из заключенных Фокс благоразумно отправил на воду, где они подготовили к выходу в море лучшую галеру, названную "*Капитан Александрии*". Пока одни спускали ее на воду, другие спешили принести мачты, паруса, весла и прочий инвентарь из зимних покоев. Все вокруг кипело от сдерживаемого возбуждения. Тем временем в тюрьме разгорелась нешуточная борьба, пока не были убиты все надзиратели. Последние убежали на верх тюрьмы, и Фокс со своими спутниками отправился за ними с лестницей. Вокруг них кипела кровь и резня. В Фокса трижды стреляли, но чудом пуля каждый раз проходила только сквозь его одежду. Но, словно в наказание за свою жадность, Унтикаро и двое его спутников, взявших дукаты, были

убиты на месте, так как "не могли держать себя в руках, будучи так измучены тяжестью и нелегкой ношей нечестивого и проклятого сокровища".

В ходе этого конфликта один из турок был пронзен мечом и, еще не умерев, упал с вершины тюремной стены на землю. Он поднял такой шум, что была поднята тревога, и власти с изумлением обнаружили, что пленные христиане "платят выкуп", причиняя смерть своим покойным хозяевам. Александрия была поднята на ноги, и как в одном замке, так и в сильной крепости, все были готовы к действию. Казалось, что пленники, после стольких лет страданий, после столь галантного побега, должны были потерпеть поражение как раз в тот момент, когда победа была уже близка. Это была печальная мысль. Но путь к спасению был один и только один. Пока одни пленники бежали к морю, неся боеприпасы, дополнительные весла, провизию и все остальное, что требовалось для галер, другие готовились к отплытию. Последние христиане вскочили на борт, были сделаны последние штрихи к снастям, подняты верфи и распущены паруса. Дул хороший ветер, и этот корабль, самый быстрый и лучший из всех александрийских кораблей, шел с хорошей скоростью. Но на берегу турки уже взяли за пушки, и грохот пушек доносится как из замка, так и из крепости. Повсюду в море плещутся турецкие шары, а дым от них уносится бризом от берега. Пять и сорок раз стреляли эти пушки, и ни разу ни один выстрел не задел галеру, хотя она видела брызги вокруг себя.

Все дальше и дальше плыла эта длинная, тощая галера, все время увеличивая скорость, пока наконец, по милости Божьей, она со своей многострадальной командой, которая за годы невольных тренировок научилась управлять ею в совершенстве, не оказалась вне пределов досягаемости турецких пушек. Вдали виднелись их покойные хозяева, спускавшиеся на берег "как рой пчел", и суетившиеся в тщетных попытках подготовить к выходу в море другие галеры. Но это было малоэффективно. Христиане уже давно готовились к бегству на *капитане*, и турки обнаружили, что на поиски весел, мачт, вант и всего остального, необходимого для галеры, спрятанного в зимних каютах, ушло невыносимое время. Они и не подозревали о таком хорошо спланированном побеге. Ничего не было готово, все было в беспорядке. И даже когда галеры были наконец спущены на воду и оснащены, погода стояла такая бурная, дул такой сильный ветер, что никто не позаботился о том, чтобы управлять этим судном в хорошую погоду, как раз в это время.

Так что убегающая галера сразу же скрылась, а затем, как только они удалились на безопасное расстояние, Фокс созвал своих людей, чтобы сделать то, что Нельсон должен был совершить менее трех столетий спустя почти на этом же самом месте. Вы помните, как после славной битвы при Ниле, когда британский флот одержал столь грандиозную победу над французами, Нельсон разослал по флоту приказ вознести благодарственную молитву Всемогущему Богу за результат сражения. Все работы были остановлены, и люди, которые провели всю ночь, рискуя жизнью и сражаясь за свои жизни, всклокоченные и грязные от пота и копоты, теперь стояли с обнаженными головами и возносили благодарственные молитвы. Так было и на галере "*Капитан*". Фокс "призвал их всех, желая, чтобы они благодарили Всемоущего Бога за свое избавление и смиренно пали на колени, умоляя Его помочь им добраться до земли их друзей и не ввергнуть их в другую беду, так как Он могущественно избавил их от столь великого рабства". Должно быть, это было знаменательное событие. Люди, которые, пробыв в плену тридцать лет и меньше, только что пережившие ночь дикого волнения, люди, которые сражались, не покладая рук, чтобы подготовить свою галеру к выходу в море, люди, которые даже в последнюю минуту едва избежали того, чтобы быть взорванными в вечность турецкими пушками, теперь остановились в своей работе и вознесли благодарственные молитвы, в то время как

большинство из них едва могли осознать, что наконец-то они стали свободными людьми и время их страданий подошло к концу.

Затем они возобновили греблю, и вместо того, чтобы работать до потери сознания, каждый помогал своему соседу, когда на гребцов наваливалась усталость. Никогда еще не выходила в море более сплоченная корабельная компания. Все они преследовали одну-единственную цель - прибыть в какую-нибудь христианскую страну с наименьшей задержкой. У них не было карт, но Фокс и его английские товарищи знали кое-что об астрономии и, изучая звезды на небе, примерно угадывали направление, в котором им следовало плыть.

Однако при такой бессистемной навигации они вскоре потеряли свое положение, когда поднялись переменные ветры. Эти легкие корабли имели большой запас хода, а поскольку ветер дул из разных точек компаса, "они попали в новый лабиринт". Но беды не приходят поодиночке: к ним добавились еще и перебои с продовольствием, так что казалось, будто они избежали одного вида наказания, чтобы затем попасть в еще более тяжелые условия. До восьми человек умерли от голода, но наконец, на двадцать девятый день после отплытия из Александрии, остальные снова набрели на сушу и обнаружили, что это остров Кандия. Таким образом, их путь составил около 350 миль к северо-западу, то есть примерно двенадцать миль в день. Но хотя это смехотворно мало, следует помнить, что их курсы были многочисленными и извилистыми, что грести двадцать девять дней подряд было ужасным испытанием для человеческой выносливости, а кроме того, они гребли с пустыми желудками. В конце концов они прибыли в Галлиполи в Кандии и высадились на берег. Здесь добрый аббат и монахи монастыря Амерсиаты приняли их с радушием и отнесли к ним со всем христианским гостеприимством. Они подкрепили бедных путешественников и заботились об их нуждах до тех пор, пока они не стали достаточно здоровы, чтобы продолжить свои странствия. Двести пятьдесят восемь человек выжили, и хорошее питание, а также доброе обращение на суше вернули им здоровье и бодрость.

Нет нужды описывать теплоту приема, оказанного этим несчастным пленникам, и поздравления, которыми их осыпали, когда они вырвались из рук турок. То, что многие из них остались живы, само по себе было замечательным достижением. В знак и на память об этом чудесном побеге Фокс оставил в подарок монахам меч, которым англичанин зарубил смотрителя тюрьмы. Считая его драгоценностью, он остался висеть на почетном месте в монастыре. Когда пришло время *капитану* снова отправиться в путь, она плыла до Таренто (в пяте Италии), и так завершилось их путешествие. Они снова оказались в христианской стране и вдали от своих угнетателей. Галеру они продали в этом порту и сразу же отправились пешком в Неаполь. Да, они спаслись, но насколько, можно судить по тому факту, что, начав свой долгий путь утром, христиане той же ночью прибыли на семи турецких галерах. Но они опоздали: их пленники были уже в глубине страны.

Добравшись до Неаполя без дальнейших приключений, христиане разделились и, в зависимости от национальности, направились к своим далеким домам. Но Фокс сначала отправился в Рим и прибыл туда в канун Пасхи, где его хорошо принял один англичанин, донесший до сведения Папы весть об этом чудесном побеге. Фокс остался без средств к существованию, а до Ла-Манша было далеко, поэтому он решил попытать счастья в Испании. Папа отнесся к бедняге со всем вниманием и отправил его в путь с письмом к королю Испании. "Мы, от его имени, в недрах Христа желаем вам, - писал Его Святейшество, - чтобы вы, сжалившись над его бывшим пленом и нынешней бедностью, не только позволили ему свободно проходить по вашим городам и весям, но и помогали ему своими благотворительными милостынями, награду за которые вы впоследствии непременно получите".

Покинув Рим в апреле 1577 года, Фокс прибыл в Испанию, очевидно, в августе следующего года. Испанский король назначил его на должность канонира на королевских галерах с жалованьем в восемь дукатов в месяц. Здесь он пробыл около двух лет, а затем, почувствовав тоску по дому, вернулся в Англию в 1579 году. "Приехав в Англию, - читаем мы у Хаклюйта, - он отправился ко двору и рассказал обо всех своих путешествиях Совету, который, учитывая состояние этого человека, прошедшего и потерявшего большую часть своей молодости в рабстве и неволе, оказал ему свою либеральность, чтобы помочь поддержать его сейчас в возрасте, к их чести и к ободрению всех истинных сердечных христиан".

Так счастливо закончились странствия Фокса через шестнадцать лет после того, как его корабль отплыл из Портсмута. Он показал себя не только как человек с исключительной физической выносливостью, но и как человек, обладающий значительными ресурсами и прирожденный лидер людей во времена кризиса и отчаяния. Мы вполне можем наслаждаться памятью о таком прекрасном человеке.

ГЛАВА IX ФЛОТ СТЮАРТА ВЫСТУПАЕТ ПРОТИВ "ПИРАТОВ"

После смерти королевы Елизаветы и перерыва в англо-испанских морских сражениях у сотен наших соотечественников, вышедших в море во времена Дрейка, было мало работы. Сражаться с испанцами или подстерегать корабли с сокровищами, направлявшиеся из Вест-Индии в Кадис, - вот что их привлекало. Но теперь, когда военные действия закончились, они почувствовали, что их средства к существованию исчезли. После захватывающей морской жизни с Дрейком и другими, после продолжительных боев с Армадой им было бы слишком скучно жить на берегу. Рыбная ловля была не слишком прибыльным делом, а спрос на всех мужчин для работы на торговых судах был недостаточен.

Поэтому многие английские моряки, к сожалению, стали заниматься пиратством. Некоторые из них, было бы правдивее сказать, *возобновили* пиратство и нашли себе занятие в Ла-Манше - Сциллис был печально известным пиратским гнездом. Несмотря на количество этих морских разбойников, которые всегда были начеку, все же, говорит наш друг Смит из Вирджинии, "невероятно, сколько больших и богатых призов ежедневно привозили домой маленькие барки из Вест-Кантри, учитывая их небольшую плату".

Но жесткие меры, которые сейчас принимали в узких морях правительства стран Северной Европы, сделали пиратство в этом районе менее выгодным, чем раньше. В Средиземноморье эти безработные моряки знали, что пиратство - гораздо более высокооплачиваемый промысел. Они знали, что мавры с радостью воспользуются услугами таких опытных моряков, и отправились в Барбари. Поначалу, напомним, эти англичане утвердились в качестве североафриканских пиратов "сами по себе", без какой-либо связи с маврами. Смит упоминает, что Уорд, "бедный английский моряк", и Данскер, голландец, начали свою деятельность за некоторое время до появления мавров, едва умея управлять кораблем. Англичанин по имени Истон получил такую прибыль, что стал, по словам Смита, "маркизом в Савойе", а Уорд "жил как башав в Барбарии". У этих людей мавры учились, как стать хорошими морскими бойцами. Кроме англичан, к ним присоединялись французы и голландцы, которых привлекал такой образ жизни, но лишь немногие испанцы или

итальянцы присоединялись к их толпе. Через некоторое время, однако, возникли разногласия, и последовали неизбежные раздоры.

Затем они стали настолько разобщены и разобщены, что мавры и турки начали одерживать над ними верх и заставлять их быть своими рабами. Более того, они заставляли этих опытных европейских моряков учить себя, чтобы отличиться в морском искусстве. Так поступали "многие проклятые руннагодо, или христиане, обращенные турками, пока не сделали этих саллийцев, или муров Барбары, столь могущественных, как они, ужасом всех проливов". Другие английские пираты околачивались у ирландских берегов, и три человека, названные соответственно Геннингс, Харрис и Томпсон, а также некоторые другие, были схвачены и повешены в Уоппинге. Еще несколько человек были схвачены и помилованы Яковом I.

До нас дошел рассказ современника о гребле на варварской галере во времена Елизаветы, написанный неким Томасом Сандерсом. "Я и еще шесть моих товарищей, - пишет он, - вместе с четырьмя десятками итальянцев и испанцев были посланы на галеру, чтобы взять греческий кармозелл, который пришел в Африку, чтобы воровать негров, и вышел из Триполиса в это место, но мы были прикованы по три и по три к оаре, и гребли голыми выше пояса, и боцман галеры шел за мачтой, а его товарищ перед мачтой....и когда поднималась их глупая болтовня, они били христиан без причины. И они разрешали нам только полфунта хлеба на человека в день без всякого другого пропитания, кроме воды... Нас тогда также жестоко кандалили так, что мы не могли оторвать руки на длину одной лапы от другой, и каждую ночь они трижды проверяли наши цепи, чтобы убедиться, что они крепко прикованы".

Тот же человек рассказал о несчастном случае с венецианцем и семнадцатью пленниками, которые, пробыв некоторое время в рабстве у султана Триполи, сумели раздобыть лодку и сразу же вышли в море. Они плыли на север и в конце концов увидели Мальту. Они возлагали большие надежды: теперь их уверенность была несомненной. Они плыли все ближе и ближе к земле и вот уже оказались в миле от берега. Стояла прекрасная погода, и один из них заметил: "*In dispetto de Dio adesso venio a pittiar terra*" - "Вопреки Богу я сейчас причаляю". Но этот человек говорил с излишней самоуверенностью. Вскоре поднялся сильный шторм, и они были вынуждены подняться на штурвал и бежать прямо перед штормом, который теперь дул прямо на триполитанский берег. Прибыв туда, они с болью в сердце обнаружили, что вынуждены грести вверх и вниз по той самой береговой линии, от которой, как им казалось, они спаслись. Три недели они держались изо всех сил, но погода была абсолютно против них, а их скудные запасы провизии вконец истощились, и они были вынуждены сойти на берег, надеясь, что им удастся украсть несколько овец. Однако варвары-муры были начеку и знали, что эти невезучие люди обязательно высадутся на берег за припасами. Поэтому они выслали отряд из шестидесяти всадников, которые спрятались за песчаным холмом у моря. Там они ждали, пока христиане не ушли вглубь острова на добрых полмили. Затем ловким движением всадники отрезали им путь к морю, а другие преследовали голодных путешественников и вскоре вернулись с ними. Их привели туда, откуда они так недавно сбежали. Султан приказал отрезать беглецам уши, а других подвергнуть жестокой порке.

Обманутые надежды

Моряки бежали из Триполи и находились в пределах видимости Мальты, когда сильный шторм пригнал их обратно к мавританскому побережью. Вынужденные высадиться на берег

из-за голода, они были перебиты отрядом всадников и снова брошены в плен, где с ними обошлись самым варварским образом.

Предприимчивым плаваниям английских кораблей в Левант в XVI веке сильно мешали алжирские галеры, курсировавшие по Средиземному морю, особенно вблизи Гибралтарского пролива. Они отправлялись из Англии с товарами, которые нужно было доставить, а затем возвращались со средиземноморскими фруктами и другими товарами. Но так часто эти ценные корабли и грузы захватывались ненавистными неверными, что английские купцы, отправлявшие товары, оказывались в серьезной растерянности и были вынуждены прибегать к помощи Елизаветы, которая пыталась дипломатическими методами добиться освобождения этих кораблей и предотвратить повторение подобных неприятных инцидентов. Чтобы привести названия нескольких таких кораблей и рассказать о потерях в виде грузов и людей, находившихся в рабстве, достаточно упомянуть следующие случаи: *Саломон* из Плимута был захвачен с грузом соли и командой из тридцати шести человек. Корабль "*Элизабет*" из Гернси был захвачен с десятью англичанами и несколькими бретонцами; его стоимость составляла 2000 флоринов. Корабль "*Мария Мартин*" под командованием Томаса Мора с командой из тридцати пяти человек был захвачен во время возвращения из Патрассо в Морею. Ее стоимость составляла 1400 флоринов. Лондонская "*Элизабет Стокс*" под командованием Дэвида Филли из Лондона, направлявшаяся в Патрассо, также была захвачена, но ее стоимость составляла 20 000 или 30 000 флоринов. Лондонский корабль "*Николас*" под командованием Томаса Фостера также был захвачен, потеряв около 5000 флоринов. Таким же образом можно упомянуть лондонскую "*Юдифь*", лондонскую "*Иисус*", лондонскую "*Ласточку*".

Но Англия, конечно, была не единственной страной, пострадавшей от этих пиратских действий. В 1617 году Франция была вынуждена принять серьезные меры и отправила флот из пятидесяти кораблей против этих варварских корсаров. У Сен-Тропе они захватили одно из этих бродячих судов, а позже встретили другое, которое было захвачено французским ренегатом из Рошели. Тот некоторое время яростно защищался, но в конце концов, видя, что день складывается против него, затопил свой корабль и утонул вместе со всей командой, вместо того чтобы попасть в плен к христианам. И с этого момента, вплоть до XIX века, главные европейские державы в разные годы отправляли экспедиции против этих скитальцев.

Многие из этих экспедиций были малозначительными, некоторые практически бесполезными, а другие приносили лишь эфемерную пользу. Так, вы помните, что единственная активная служба, которую когда-либо видел флот нашего Якова I, была в 1620 году, когда был отправлен против пиратов Алжира. Но они стали настолько успешными и дерзкими, что с ними было нелегко справиться. Не довольствуясь теперь скитаниями по Средиземному морю, не довольствуясь теми эпизодическими плаваниями через Гибралтарские проливы в Атлантику, они теперь, если хотите, имели наглость пересекать Бискайский залив и крейсировать на подступах к Ла-Маншу. Эти алжирские пираты проплыли на север до юга Ирландии, где действовали так же, как и на протяжении многих поколений на Средиземном море: высаживались на берег Мюнстера, совершали страшные злодеяния и уводили мужчин, женщин и детей в жестокое рабство, которое так жестоко насаждалось на их варварской территории. Какую пользу принесла отправленная нами якобинская экспедиция, спросите вы? Ответ можно дать в самых кратких словах. Хотя в составе флота было шесть наших королевских кораблей и дюжина торговых судов, домой он вернулся без всякой практической пользы, а все дело оказалось безнадежным пустяком.

В 1655 году Блейк, великий адмирал времен Кромвеля, был послан на борьбу с этими пиратами-вредителями. Это была большая работа, но в то время не было человека, более подходящего для случая, требующего решительности. Тунис был очень чумным местом из-за своей пиратской колонии и пленников, превращенных в рабов. Его нужно было смирить до праха, и Блейк, со всей строгостью и тщательностью пуританского офицера, был полон решимости выполнить свой долг перед христианством. Но Тунис был неуязвим, и это оказалось очень трудным делом. Ранней весной года он провел в плавании по окрестностям, не теряя времени и испытывая большие неудобства из-за штормовых ветров и бурной погоды. Он обнаружил, что тунисские пираты упрямы и своенравны: они не готовы были слушать никаких доводов. Непримиимые и дерзкие, с ними невозможно было договориться: сила была единственным словом, к которому их можно было заставить прислушаться. "Эти варварские провокации, - писал Блейк, рассказывая о своей деятельности здесь, - настолько подействовали на наш дух, что мы сочли необходимым, ради чести флота, нашей нации и религии, видя, что они не хотят иметь с нами дело как с друзьями, заставить их почувствовать нас как врагов"; после этого на военном совете было решено попытаться расстрелять их корабли в Порто-Фарине.

Сам Тунис был неуязвим, и Блейк рано утром вошел в соседнюю гавань, Порто-Фарину. Необычным было то, что ему удивительно везло - попутный ветер и попутный ветер. Но позвольте мне рассказать эту историю словами самого адмирала: "Соответственно, на следующее утро очень рано мы вошли с флотом в гавань и встали на якорь перед их замками; Господь благоволил благоволить нам, когда с моря подул легкий ветер, который отбросил на них дым и еще больше облегчил нашу работу. После нескольких часов спора мы подожгли все их корабли, которых было девять, и, при сохранении благоприятного шторма, снова отступили на дорогу. У нас было двадцать пять человек убитых и около сорока раненых, а других потерь было очень мало. Мы также отметили, что вскоре после нашего выхода ветер и погода изменились и продолжали бушевать в течение многих дней, так что мы не смогли бы осуществить задуманное, если бы Господь не предоставил нам тот промежуток времени, в который это было сделано".

Но эти нападения держав пираты воспринимали как булавоочные уколы. Ведь для них не было ничего страшного в том, чтобы сжечь даже все свои галеры. Такие суда легко строились заново, а для того, чтобы достроить эти, имелось огромное количество рабской рабочей силы и множество пленных моряков. Так что зло продолжалось, и эпидемия распространялась, как и прежде. В 1658 году эти варварские корсары напали на корабль под названием "*Бриллиант*", направлявшийся из Лиссабона в Венецию. На корабле был ценный груз, и его капитан понял, что не сможет защитить свое судно от трех галер, поэтому, вместо того чтобы позволить ему попасть в руки пиратов, он решил уничтожить его. Он засыпал достаточное количество пороха, а затем, поднеся к нему спичку, прыгнул в свой баркас, с которого вскоре имел удовольствие наблюдать, как его врагов унесло в космос потрясающим взрывом как раз в тот момент, когда эти неверные высаживались на борт "*Бриллианта*".

Десять лет спустя сэр Томас Аллен был снова отправлен летом с эскадрой для подавления алжирского пиратства. Он прибыл в Алжир и добился такого успеха, что заставил освободить всех английских пленников, которые там скопились. Действительно, удивительно подсчитать количество таких экспедиций из одной только Англии. Так, ранней весной 1671 года сэр Эдвард Спрэгг отправился в Средиземное море с той же целью. Нижеследующий рассказ, взятый из его собственной депеши, не представляет обычного интереса. 20 апреля Спрэгге на своем флагманском корабле "*Ревендж*" находился в пятнадцати или двадцати милях от

Алжира, когда встретил другие свои корабли - *"Мэри"*, *"Хэмпшир"*, *"Портсмут"* и *"Советник"*, которые были фрегатами. Они сообщили ему, что несколько алжирских военных кораблей находятся в Бужи. Он созвал военный совет, на котором было решено, что Спрэггу следует проделать наилучший путь туда с *"Мэри"*, *"Портсмутом"* и своими огневыми кораблями и постараться уничтожить этих корсаров в их собственном логове. *Хэмпшир* и *Портсмут* были оставлены крейсировать у Алжира до получения дальнейших распоряжений.

Ветер теперь был восточный, и один из его кораблей, названный *"Дракон"*, отсутствовал уже пять дней, поскольку был занят преследованием пары алжирских корсаров: но поскольку ветер уже несколько дней был юго-западным, Спрэгг надеялся, что погоня отнесет корабли к востоку и тем самым заставит алжирцев войти в Бужи. И вот 23 апреля *"Дракон"* вернулся в Спрэгге, в течение двух дней сражаясь с двумя алжирскими кораблями. К несчастью, ее командир, капитан Герберт (которого читатель помнит по его более позднему титулу, когда он стал графом Торрингтоном), был ранен в лицо мушкетной пулей, а девять его людей также были ранены мелкой дробью. До 28 апреля ветер оставался восточным, но в восемь часов вечера он переменялся на юго-западный, и погода стала очень порывистой и дождливой. Это привело к тому, что пожарный корабль Спрэгга *"Литтл Игл"* вышел из строя, и он был разрушен ветром. Но в последний день апреля Спрэгг снова установил на нем мачты и переделал оснастку, так как, к счастью, у него был захваченный у корсаров кукурузник, и его лонжероны, а также топмачты и другие лонжероны позволили вновь подготовить пожарный корабль к службе. К несчастью, из-за той же непогоды *"Уорик"* спустил мачту - случайность, часто случавшаяся с кораблями XVI и XVII веков, - и "отнесло к христианскому берегу: моя бригантина в то же время ушла, и до сих пор я не имею о ней никаких известий".

В тот же день адмирал прибыл в залив Буги, но здесь ему снова не повезло. Как только он оказался в полусотне выстрелов от вражеских крепостей и фортов, ветер стих, и наступил ровный штиль. Затем поднялся ветерок, но он дул от берега. Так проходило время. 2 мая ветер все еще был очень слабым, и, дважды тщетно попытавшись что-то сделать с этими разнообразными порывами, Спрэгг решил атаковать ночью с корабельными шлюпками и самым маленьким пожарным кораблем. Вода вблизи фортов была очень мелкой, и английское пожарное судно могло грести почти так же хорошо, как корабельная шлюпка. Поэтому около полуночи он отправил все лодки, какие только мог, а также пожарный корабль *"Орел"* под командованием "моего старшего лейтенанта, мастера Ньюджента". Ночь была темной, а возвышенность очень помогала, так как заслоняла все вокруг.

Ньюджент, оставив на пожарном корабле одну из баркасов в дополнение к собственной шлюпке, отплыл на разведку противника, предварительно отдав капитану пожарного корабля приказ продолжать сближение, пока тот не окажется на отмели: тогда он должен был немедленно стать на якорь. Ньюджент отчалил и едва успел покинуть корабль, как, пройдя совсем немного по свинцовым водам, оказался совсем рядом с местом, где стояла на якоре английская эскадра. Потеряв ориентировку в темноте, он сразу же направился на поиски пожарного корабля и, к своему изумлению, вдруг увидел, как тот вспыхнул ярким пламенем. Это, конечно, было еще одним несчастьем, поскольку полностью нарушило все тщательно продуманные планы и мгновенно встревожило противника. Пытаться атаковать лодку этой ночью было бы бесполезно, поэтому попытка была отложена. Произошло вот что: маленький пожарный корабль был уже готов, когда по случайности канонир выстрелил из пистолета. Это привело к возгоранию, и корабль был потерян без всякой пользы. Было очень жаль, так как из-за малой осадки на него можно было положиться и подойти вплотную.

Получив это предупреждение, враги на следующий день сняли с мели свои корабли, стоявшие в гавани, затем собрали все верфи, топмачты и лонжероны, снятые с этих кораблей, вместе с тросами. Все это они превратили в бум, который закрепили с помощью бочек. Спрэгг и его флот наблюдали за этим, поскольку ветра не было, или, как он выразился, у нас не было "никакой возможности ветра, чтобы сделать что-нибудь с ними". 8 мая они заметили, что корсары на берегу усилились за счет прибытия конных, а также пеших солдат, которые, как справедливо подозревали англичане, прибыли из Алжира. Корсары Буги встретили это прибытие бурными возгласами и стрельбой из пушек на своих кораблях и крепостях, а также демонстрацией цветов.

Около полудня, когда Спрэгге уже хотел возобновить операции, ему помешал штиль. Однако, к счастью, в 2 часа дня поднялся хороший бриз, и корабли "*Ревендж*", "*Дракон*", "*Советник*" и "*Мэри*" продвинулись на 3½ сажени ближе к берегу, причалив носом и кормой так, чтобы их широкие борта были обращены к укреплениям Буги. Позиция была примерно такой. Если смотреть в сторону Буги, то шесть кораблей Спрэгга были пришвартованы примерно в полукруге в следующем порядке слева направо. Первым шел "*Портсмут*", затем "*Гирлянда*", "*Дракон*", "*Мэри*", "*Совет*" и, наконец, флагман "*Возмездие*". Все они находились, так сказать, на переднем плане картины. На заднем плане слева находились корабли противника, а справа - замки и укрепления. На среднем плане слева находилась уже отмеченная оборонительная линия. *Revenge* находился в 4 саженьях, вплотную приблизившись к замкам и стенам, и бой начался. В течение двух часов эти корабли обстреливали корабли и крепости Буги.

Тогда Спрэгг решил атаковать с лодки, его корабли все еще оставались на якоре. Поэтому он отослал свой пиннас под командованием человека по имени Харман, "моего моряка-реформатора". Реформатором, кстати, называли добровольца, служившего на флоте без комиссии, но имевшего офицерский чин. Харман был послан потому, что второй лейтенант Спрэгга был ранен осколком в ногу. Лейтенант Пин был отправлен командовать шлюпкой "*Мэри*", а лейтенант Пирс - шлюпкой "*Дракон*". Задача заключалась в том, чтобы перерезать боновые заграждения, и эти три лодки отважно справились с задачей, хотя и не без потерь. Восемь человек из команды шлюпки "*Мэри*" и ее лейтенант были ранены мелкой дробью. На адмиральском пиннасе семь человек были убиты, а все остальные, кроме Хармана, ранены. Из команды шлюпки "*Дракон*" десять человек были ранены, как и ее лейтенант, а один убит.

Но стрела была перебита, и это было главное. Сделав это, адмирал дал сигнал своему единственному оставшемуся пожарному кораблю, маленькой "*Победе*", приступить к работе. Она повиновалась и так хорошо попала в бум, что вывела его наперерез вражеским "болтшпритам, их корабли сели на мель и закрепились в замках". *Победа* горела очень хорошо и уничтожила все вражеские суда, всего десять. Из этих десяти кораблей семь были лучшими судами алжирского флота, а из трех остальных один был гемузским призом, а другой - кораблем, захваченным пиратами у английской команды. Командир, помощник капитана, канонир и один матрос с пожарного корабля были тяжело ранены во время боя, но победа была полной и несомненной. 10 мая голландец, который три года находился в плену у корсаров, сбежал, доплыв до "*Возмездия*", и Спрэгг взял его на борт. Голландец сообщил английскому адмиралу, что, по признанию противника, не менее 360 турецких солдат погибли в этом бою от огня и выстрелов, так как не могли выбраться на берег с кораблей. Всего на находилось около 1900 человек в дополнение к тем 300, которые прибыли утром из Алжира. Сам голландец считал, что потери намного превысили число, оцененное противником.

Он заявил, что замки и сам город сильно пострадали, а поскольку все их аптечки находились на кораблях и сгорели, врагу не удалось перевязать раны своих раненых. "Старый Треки, их адмирал, тоже ранен", - писал Спрэгг. Среди убитых противника был Данскер, ренегат, а наши потери составили всего 17 убитых и 41 раненый.

ГЛАВА X БРИСТОЛЬСКАЯ БИРЖА ХОРОШИХ КОРАБЛЕЙ

Один сатирический английский джентльмен, живший в царствование Карла II и называвший себя в прошлом "службой в английском флоте", опубликовал в 1648 году памфлет, в котором с горечью жаловался на неспособность "нынешнего правительства", даже несмотря на трату огромного количества денег, "очистить моря Англии от ирландских пиратов". Последние в это время обитали, прежде всего, в Уотерфорде и Уэксфорде. Он сокрушался, что огромные суммы денег были потрачены и все еще тратятся "на то, чтобы уменьшить полдюжины незначительных пиратов", но все же "пираты не уменьшаются, и моря не охраняются". Один из таких "пиратов" в феврале 1647 года за один день захватил три небольших корабля и одну пиннасу общей стоимостью 9000 фунтов стерлингов. Одно из этих судов, защищаясь, потеряло своего хозяина и одного из помощников, а также пятерых моряков, кроме того, другие члены его команды были ранены. И этот автор "*A Cordiall for the Calenture*" спрашивает, что если нынешнее правительство при таких расходах не может унять полдюжины пиратов, то "как будет растрчено содружество Англии, если французы, датчане, голландцы или все они заполонят моря Англии".

Теперь мы знаем, что со временем флот Англии действительно победил каждого из них - голландцев, французов и датчан. И хотя пираты были настоящей и постоянной проблемой, как в узких морях, так и в Средиземноморье, однако, как читатель уже убедился, подавить их было не так-то просто, как на короткий срок. В 1675 году сэр Джон Нарборо с эскадрой отправился наказать пиратов Триполи, которые мешали нашей заморской торговле. Ночью он прибыл в Триполи, укомплектовал корабли и направил их в порт под командованием своего лейтенанта, мистера Клаудсли Шовелла, которому впоследствии суждено было добиться такой морской славы. В данном случае он захватил сторожевой катер противника и смог войти в порт незамеченным. Затем он захватил четыре триполитанских корабля, которые оказались в порту, и, сжег их, вернулся к эскадре Нарборо, успешно выполнив то, для чего его послали, без потери людей.

Франция, в это время возвысившаяся до статуса великой морской державы, тоже вносила свою лепту в борьбу с этой вечной неприятностью. В 1681 году, когда варварские корсары некоторое время мешали французской торговле в Средиземном море, Дю Кесне был отправлен с флотом против них. Ему удалось уничтожить восемь галер в порту Сцио на Архипелаге и бросить столько бомб, что в конце концов он подчинил корсаров. Наконец, в 1684 году он получил от них всех французских пленников и заставил пиратов заплатить 500 000 крон за захваченные ими призы. А в 1682 году адмирал Герберт снова был послан Англией против алжирских пиратов.

И теперь, прежде чем мы оставим этот период, я хочу рассказать читателю об интересной истории, связанной с бристольским кораблем под названием "*Биржа*", который был так счастливо спасен от алжирских пиратов.

История начинается 1 ноября 1621 года, когда два корабля отправились в плавание из Плимута. Большим из них был "*Джордж Бонавентура*", около 70 тонн весом. Меньшим из них был "*Николас*", 40 тонн весом, а его шкипера звали Джон Роулинс, о котором нам еще предстоит многое рассказать. Эти два судна, загрузившись у плимутских купцов, направились вниз по Ла-Маншу, мимо Ушанта и, пройдя честным путем, к 18 ноября оказались в заливе, обогнули испанское побережье и оказались у Трафальгара. Но на следующее утро, как раз когда они входили в Гибралтарский пролив, вахта заметила пять кораблей под парусами, идущих к ним со всей возможной скоростью.

Через мгновение английские корабли безошибочно догадались, что это пиратские суда, и тут же начали спасаться бегством. Но, несмотря на все их усилия, пираты наступали все быстрее. Всего их было пятеро, и первый из них подошел прямо к английскому кораблю с подветренной стороны, второй - "по отворотке", а вскоре подошли и остальные. Их адмиралом был некто Каллфатер, чей корабль описывался как "имеющий на своем главном топе два паруса-топгаланта, один над другим". Из этих пяти кораблей два были призами: один - небольшое лондонское судно, а другой - корабль из западной части страны, который, направляясь домой с грузом фиг и других товаров, имел несчастье попасть в руки этих разбойников.

Итак, "*Джордж Бонавентура*" был захвачен, и турецкий вице-адмирал, которого звали Вилла Райз, призвал "*Николаса*" также отплыть, и Роулинс, видя, что иначе поступать бесполезно, повиновался. В тот же день, еще до наступления ночи, турецкий адмирал отправил на берег двенадцать человек из команды "*Джорджа Бонавентуры*", а также еще нескольких англичан, которых он взял в плен с другого корабля. Адмирал, несомненно, опасался, что при таком количестве английских моряков может вспыхнуть мятеж. Поэтому некоторых из них отправили на чужую землю, чтобы они выживали как могли. Вице-адмирал Вилла Райз приказал Роулинсу и пятерым из его компании отправиться на борт корабля Вилла Райза, оставив на "*Николасе*" трех человек и мальчика. На последний были отправлены тринадцать турок и мавров - правильная пропорция, чтобы преобладать над остальными четверью, если вдруг возникнет мысль о мятеже. Затем корабли взяли курс на Алжир.

Но на следующую ночь поднялся сильный шторм, так что они потеряли *Николаса* из виду, и пираты боялись, что их собственные корабли тоже погибнут. 22 ноября Роулинс прибыл в Алжир, но "*Николас*" еще не заходил в порт. В этом пиратском оплоте он обнаружил множество англичан, обращенных в рабов, и сотню "красивых английских юношей", которых заставили стать турками. Эти бесчеловечные мусульмане, эти африканские гадюки, эти морские чудовища, поймав в свои сети христианина, тут же пытались заставить его сменить христианство на магометанство. Если он отказывался, его пытали без всякой пощады, пока некоторые из них, не в силах больше выносить эти ужасные страдания, не сдавались и не заявляли, что станут турками, оставаясь в душе христианами. Эти бедные, измученные жестоким обращением английские рабы, хотя и были подавлены своими собственными бедами, приветствовали эту последнюю партию и, как говорит современный рассказчик, "как добрые христиане, они сказали нам: "Будьте веселы! и утешайте себя этим! Божьи испытания - это мягкое очищение, а эти кресты лишь очищают золото от окалины и выводят нас из огня более чистыми и прекрасными".

Но если алжирские пираты и надсмотрщики обычно были жестоки по отношению к английским морякам, то сейчас были озлоблены как никогда, поскольку все еще ощущали обиду, нанесенную им в мае того года, когда флот сэра Роберта Мэнселла попытался

обстрелять их корабли в Моле. Разъяренные мусульмане применяли к ним пытки и всевозможные виды жестокости, не уважая при этом человеческое достоинство. Некоторые из этих людей с кораблей "*Джордж Бонавентура*" и "*Николас*" были проданы с аукциона тому, кто больше заплатит, и торговцы собирались и критически осматривали моряков, словно на ярмарке лошадей, ведь "*Николас*" благополучно прибыл 26 ноября. Башау было разрешено взять одного из пленников себе, остальные были проданы. Роулинс был выставлен на продажу последним, так как у него была "хромая рука". В конце концов его купил Вилла Райз за сумму, которая в эквиваленте английских денег составила 7 фунтов 10 шиллингов. В это же время был куплен и плотник *Николаса*.

Эти и другие рабы были отправлены на корабль Вилла Райза, чтобы выполнять работу корабельных мастеров и начать оснащать его. Но некоторые из алжирцев очень рассердились, когда обнаружили, что Роулинс из-за своей "хромой" руки не может выполнять столько же работы, сколько другие рабы. Раздались громкие жалобы, и они пригрозили отправить его далеко в Африку, где "он никогда больше не увидит христианства" и будет изгнан на всю жизнь. Тем временем в Алжире стоял корабль под названием "*Бристольская биржа*", который некоторое время назад захватили пираты. Здесь он "лежал в гавани без рига, пока, наконец, некий Джон Гудейл, английский турок, со своими единомышленниками (понимая, что он хороший моряк и из него можно сделать подходящий военный корабль) не выкупил его у захвативших его турок" и не подготовил к выходу в море. Надсмотрщиком оказался английский ренегат по имени Рамметхам Райз, но его настоящее имя было Генри Чандлер, и именно через него Гудейл стал хозяином "*Николаса*". Они решили, что, поскольку на корабле было так много английских пленников, они должны иметь только английских рабов в качестве команды и только английских и голландских ренегатов в качестве артиллеристов, а в качестве солдат они взяли на борт мусульман.

Одним из самых печальных аспектов этого турецкого пиратства является нередкое упоминание о людях, которые либо из страха, либо из любви к приключениям отреклись от своей религии и национальности, чтобы стать ренегатами. Достаточно легко критиковать тех, кого заставляли действовать по принуждению и с помощью душераздирающих пыток, таких как укладывание человека плашмя на землю и последующее нагромождение тяжестей на верхнюю часть его тела до тех пор, пока дыхание почти не вырывалось из него: или истязание без пощады, пока он не соглашался стать мусульманином. Идеальный человек, конечно, в любом случае предпочтет мученическую смерть спасению своей жизни за счет жертвы принципами. Но когда этот вопрос встает перед нами как перед отдельными людьми, мы можем начать задаваться вопросом, должны ли мы были играть в человека, как это делали некоторые из наших предков, или же мы, после долгих мучений, поддались искушению уцепиться за жизнь в критический момент. Среди этих отступников были, несомненно, чистокровные негодяи, которые не приносили никакой пользы обществу, а были просто никчемными людьми без единой искры чести. Такие с одинаковым успехом стали бы мусульманами или христианами, если бы это соответствовало их образу жизни. Но именно знание о страданиях других английских пленников, а также потеря кораблей и товаров заставляли правительство неоднократно отправлять эти карательные экспедиции. Можно было бы подумать, что единственным эффективным средством было бы оставить постоянную средиземноморскую эскадру для патрулирования североафриканского побережья и преследования корсаров в течение хотя бы всего летнего сезона. Но этому препятствовало множество причин. Корабли нельзя было пощадить; англо-голландские войны затянулись, и не только английские корабли и моряки были объектами этих нападений. Но если бы каким-то образом удалось заключить между христианскими державами постоянное соглашение о систематическом патрулировании

североафриканского побережья, то, без сомнения, можно было бы сэкономить бесконечные усилия, время, деньги, жизни, корабли, торговлю и человеческие страдания. Сегодня, например, если бы пиратство у этого берега снова разгорелось с серьезной силой, с кораблями, которые могли бы досаждают крупным европейским лайнерам, торгующим в Средиземноморье, вопрос был бы быстро решен, если не британской средиземноморской эскадрой, то, по крайней мере, какими-то международными военно-морскими силами, как это было сделано с боксерскими беспорядками в Китае.

Девять английских рабов и один француз трудились над переоборудованием *"Биржи"*, и в этом им помогали два собственных моряка Роулинса, которых звали соответственно Ро и Дэвис. Первый был родом из Плимута, второй - из Фоя (или, как мы пишем сейчас, Фоуи). Капитан Рамметхам Райз (он же Чандлер) и хозяин Гудейл были выходцами из Западной страны, поэтому они, естественно, отнеслись к Роу и Дэвису благосклонно и обещали им "хорошее использование", если те будут исправно выполнять свои обязанности. Ведь эти люди должны были отправиться на *"Бирже"*, как только она будет готова к выходу в море. Напомним читателю, что положение капитана в те времена было не совсем аналогичным тому, к которому мы привыкли сегодня. Скорее, он был верховным авторитетом на борту для поддержания дисциплины. Он был скорее солдатом, чем моряком, и обычно не разбирался в мореходстве и навигации. Он указывал хозяину, куда тот хочет направить корабль, а тот следил за тем, чтобы матросы выполняли свою работу по обрезке листов, управлению кораблем и так далее. Но штурмана называли лоцманом. Мастер-оружейник также отвечал за все пушки, дробь, порох, спички и прочее.

Рамметхам Райз (капитан) и Гудейл (мастер), занятые сейчас подбором команды для этой квадратно-рифленной *"Биржи"*, должны были найти подходящих людей для управления ею. Больше всего им нужен был хороший лоцман или штурман, который к тому же был бы опытным моряком, поскольку ни Рамметхам Райз, ни Гудейл не годились для того, чтобы доверить им такую задачу, как только корабль выйдет за Гибралтарский пролив и окажется вне пределов видимости суши. Поэтому они спросили Дэвиса, не знает ли он среди этих сотен пленных какого-нибудь англичанина, которого можно было бы купить для работы лоцманом. Дэвис, естественно, вспомнил о своем бывшем шкипере и, поискав его некоторое время, нашел и сообщил двум своим новым начальникам, что, как он понял, Вилла Райз будет рада продать Роулинса, "и хотя у него хромая рука, - продолжал Дэвис, - но у него было здоровое сердце и благородное мужество для любой попытки или приключения". В конце концов Роулинс был куплен за 10 фунтов стерлингов, и его отправили следить за оснащением *биржи*, особенно за парусами.

К 7 января 1622 года *"Биржа"* с двенадцатью хорошими пушками, боеприпасами и провизией была готова к выходу в море, и в тот же день ее отбуксировали от мола. На нем находилась полная корабельная компания, состоявшая из шестидесяти трех турок и мавров в качестве солдат, девяти английских рабов, одного француза, четырех голландцев и двух английских солдат в качестве канониров, а также одного английского и одного голландского ренегата. Хороший корабль с такой разношерстной командой вышел в море. Это было лучше, чем рабство на берегу, но Джону Роулинсу, прекрасному образцу английского моряка, было неприятно служить под началом этих собак. Роулинс, как вы понимаете, был одним из тех вспыльчивых, грубых и смелых моряков, которые сделали Англию тем, чем она была во времена Елизаветы. Сильный, прямой, человек простого благочестия и большой национальной гордости, он был также моряком, обладавшим, как мы сейчас увидим, значительными ресурсами и организаторскими способностями.

Биржа была таким прекрасным и красивым кораблем, какие только строили в Англии в елизаветинскую эпоху и в начале эпохи Стюартов. Пока она делала реверанс волнам Средиземного моря, рабы работали, присматривая за пушками и прочим. Ролинс, в своей грубой, свирепой манере, столь характерной для Дрейка и многих других моряков конца XVI - начала XVII века, работал и бушевал одновременно. Пока он занимался своими соотечественниками, тянул канаты и присматривал за пушками, он в нескромных выражениях жаловался на то, что ему приходится работать только для того, чтобы эти мусульманские грубияны продолжали жить нечестивой жизнью. Он разразился потоком жалоб, в то время как другие рабы уговаривали его замолчать, "чтобы им всем не было хуже от его расстройства". Однако он твердо решил сбежать от всего этого, и, осторожно рассказав об этом своим товарищам по рабству, обнаружил, что они настроены так же.

С этого момента начинается одна из лучших историй в истории пиратства, и эта история настолько же правдива, насколько и захватывающа. 15 января утренний прилив привел "*Биржу*" к мысу де Гатте, и к ним присоединился небольшой мусульманский корабль, который последовал за ними из Алжира на следующий день. Это судно сообщило, что заметило вдали семь небольших судов, шесть из которых были сатти. (Сатти - это очень быстроходная палубная разновидность галеры с длинным острым носом и двумя или тремя мачтами, на каждой из которых был установлен латинский парус). Седьмым судном была полакка - трехмачтовый тип средиземноморского корабля, который обычно нес квадратные паруса на грот-мачте, но латные паруса на носу и мизене, хотя некоторые из этих судов имели квадратные паруса на всех трех мачтах.

Вскоре "*Биржа*" также заметила эти семь кораблей и направилась к ним. Но когда она отделила полакку от остальных, та, вместо того чтобы сдаться неверным, выбежала на берег и разбилась о камни, а ее команда направилась вглубь острова. *Биржа*, насколько могла, следовала вдоль берега и отдавала якорь, когда оказывалась на мелководье. И она, и другой мусульманский корабль выслали шлюпки со множеством мушкетеров и несколькими английскими и голландскими ренегатами, которые, подплыв к севшей на мель полячке, взяли ее на abordаж без сопротивления. На борту было обнаружено семь пушек, но после того, как их сбросили в море, полячка настолько облегчилась, что благополучно отплыла. На судне был обнаружен хороший груз шкур и полена, которые использовались для покраски.

Во время разграбления этого судна среди пиратов возникли разногласия, и в конце концов было решено отправить его и присоединившийся к нему мусульманский корабль обратно в Алжир. Девять турок и один английский раб были взяты с "*Биржи*", а шесть - с мусульманского судна, чтобы они служили на "Полакке", пока она не достигнет Алжира. *Биржа*, оставшись одна, с попутным ветром вышла через проливы в Атлантику, которую турки называли "Марр Гранада". Несмотря на все, что уже было сказано в этой книге, следует помнить, что турок по сути своей не был моряком: у него не было склонности к этому. Однако он, безусловно, был искусным бойцом. Только после того, как среди них поселились перебежчики из числа англичан, голландцев и других мореплавателей - в первую очередь барбароссы и другие левантийские моряки, - мусульмане научились пользоваться морем. Если бы не эти учителя, они бы так и продолжали оставаться османами, сильными как сухопутные бойцы, но разочаровывающими на плаву. У алжирских корсаров в *Бирже* не было морского чутья, и они не любили выходить за пределы Гибралтарского пролива. Пока они находились в пределах видимости суши и на своих гребных галерах, они - при наличии таких умелых мореходных командиров, как Барбароссы, - могли хорошо проявить себя в любом бою. Но садиться на океанский корабль с полным вооружением, такой как "*Биржа*", и

отправляться на нем за пределы знакомых им земель означало подвергнуть их серьезному риску.

Эти мусульмане никогда не выходили в море без своего хошеа или волшебника, и этот человек своим шарлатанством убеждал этих неспособных мореплавателей, что им делать и как поступать. Каждую вторую или третью ночь, выйдя в открытое море, этот волшебник совершал различные обряды, обращался к своей книге чародейства и на основании ее советов капитану, какие паруса следует взять или какой парус поставить. Вся эта затея казалась грубым и здравомыслящим девонширским морякам просто смехотворной, и они удивлялись, что эти неверные могут быть такими глупыми.

Биржа уже потихоньку отчаливала, как вдруг раздался крик: "Парус! Парус!" Вскоре, однако, выяснилось, что это был еще один из мусульманских корсаров, направлявшихся к *бирже*. Переговорив друг с другом, корабли разошлись, и теперь "*Биржа*" отправилась северу, мимо мыса Сент-Винсент, высматривая хорошо нагруженные корабли, которые проходили между Английским каналом и Гибралтарским проливом. Все это время английские рабы подвергались обычным оскорблениям и жестокому обращению. Желание захватить *Биржу* положительно овладело Джоном Роулинсом, и его деятельный мозг был занят разработкой практической схемы. Он решил снабдить веревки "широкими железными крапинками", чтобы иметь возможность закрывать люки, решетки и каюты. В общих чертах его план заключался в том, чтобы закрыть капитана и его коллег, а затем, по сигналу, англичане, будучи хозяевами "канонерской комнаты" с пушками и порохом, взорвали бы корабль или убили бы своих наставников одного за другим, если бы те открыли свои каюты.

Это был смелый план, достойный такого человека, как Роулинс. Но во всех попытках мятежа одно дело - придумать план, а другое - знать, кому доверить секрет. В этом отношении Роулинс был столь же осторожен, сколь и предприимчив, и прокладывал свой путь так медленно и осторожно, что ничего не делалось поспешно, торопливо или с излишней самоуверенностью.

ГЛАВА XI ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ДОСТИЖЕНИЕ

Роулинс знал, что может положиться на своих соотечественников, но поначалу не решался сказать что-либо четверем голландцам. Однако в конце концов он нашел в них желание присоединиться к затее, и следующая попытка оказалась столь же успешной: он "подорвал" английского стрелка-ренегата и еще троих его сообщников. И наконец, четверо голландцев убедили голландских ренегатов из "канонирской комнаты".

Тайна была хорошо сохранена, и Ролинс решил, что во время утренней вахты капитана он предпримет попытку. Теперь там, где в оружейной комнате лежали английские рабы, всегда висели четыре или пять железных ломов. Когда приближалось время мятежа, Ролинс как раз снимал свой железный лом и имел несчастье произвести им такой шум, что разбудил турецких солдат, а они, встревоженные, подняли остальных мусульман. Все было погружено в кромешную тьму, и было неизвестно, что произойдет. Вскоре турецкий боцман спустился вниз со свечой и обыскал все части корабля, где лежали рабы, но не нашел ничего подозрительного, кроме лома, который, очевидно, соскользнул вниз. Тогда он пошел и

сообщил об этом капитану, который лишь заметил, что в этом нет ничего страшного, так как ломик нередко соскальзывает вниз.

Но после такого неудачного начала Ролинс счел за лучшее отложить начинание. Он намеревался с помощью своих друзей, с ножом в руке, надавить на грудь канонира и других английских ренегатов и либо заставить их помочь, либо перерезать им глотки. "Умри или согласишься" - вот что должно было стать преобладающей силой, а напутственным словом должно было стать: "За Бога и короля Якова, и Святого Георгия за Англию". Тем временем "*Биржа*" продолжала свое северное плавание, все дальше и дальше удаляясь от барбарийского побережья. По-прежнему осторожный, но увлеченный, Роулинс ходил по корабельной компании и теперь уговаривал канониров и других английских ренегатов присоединиться к его проекту. Это был один из самых рискованных моментов в его предприятии, но в результате были даны "взаимные клятвы и руки", чтобы сохранить верность друг другу: и все же Ролинсу снова пришлось разочароваться.

После того как канонир-ренегат торжественно поклялся хранить тайну, он на четверть часа поднялся в люк на палубу, после чего вернулся к Роулинзу в "канонирскую комнату". И тут, к удивлению Ролинса, вошел разъяренный турок с ножом наготове. Он угрожающе поднес его к телу Ролинса. Последний, ловко притворившись невиновным, поинтересовался, в чем дело и не собирается ли турок его убить. На это турок ответил: "Нет, хозяин. Не бойся: Я думаю, он просто шутит". Но Роулинзу было ясно, что тот нарушил соглашение и набросился на него. Поэтому, отступив назад, Роулинз вытащил свой нож и тоже шагнул к стрелку, чтобы выхватить нож из ножен стрелка. Турок, увидев, что теперь у англичанина два ножа против одного, бросил свое оружие, протестуя, что все это время он шутил. Артиллерист также шепнул Ролинсу на ухо, что никогда не предавал план и не сделает этого. Однако Ролинс считал иначе и всю ночь держал два ножа при себе.

Очень изобретательно этот Ролинс плел свою сеть, постепенно, но верно огибая корабль. Ему удалось убедить капитана направиться к мысу Финистерре, притворившись, что там они, скорее всего, наткнутся на корабль, который можно разграбить. Это было совершенно верно, хотя намерение англичанина состояло в том, чтобы увести "*Биржу*" все дальше и дальше от Гибралтарского пролива, чтобы вероятность того, что корсары пришлют подкрепление, становилась все меньше и меньше. 6 февраля, когда до мыса оставалось около тридцати шести миль, был замечен парус. *Биржа* пустилась в погоню и настигла его, "заставив его задрать все паруса, по которым мы узнали, что это барк, принадлежащий Торбею, близ Дартмута". На корабле был груз соли, а его команда состояла из девяти человек и мальчика. Но наступила плохая погода, и *Биржа* не стала спускать на воду свою лодку, а приказала кораблю из Торбея спустить ее на воду. Ее хозяин с пятью мужчинами и мальчиком отплыл к "*Бирже*", оставив на корабле своего помощника и двух человек. Турецкий капитан послал на корабль десять мусульман. Среди этих десяти были два голландца и один англичанин, "которые были из нашей конфедерации".

Как раз в тот момент, когда они собирались спустить свою лодку с *биржи*, Ролинсу удалось завязать с ними торопливый разговор. Он быстро предупредил их, что этой ночью или следующей он намерен привести свой план в действие, и посоветовал этим людям сообщить об этом мату и двум людям с барка "Торбей", а затем направиться в Англию, "взяв на себя штурвал, пока турки спят и не подозревают о таком деле". Ролинс напомнил им, что в первую вахту, около полуночи, он покажет им фонарь, по которому люди на корабле смогут узнать, что план уже в действии. Поэтому лодку спустили с *биржи* и отплыли к барку "Торбей". Затем конфедераты рассказали о своем намерении капитану, и тот полностью одобрил план, хотя поначалу был поражен его изобретательностью.

Дело в том, что на самом деле идея была гораздо проще, чем кажется на первый взгляд. Будучи моряками, англичане "держали штурвал корабля", поскольку турки, будучи всего лишь солдатами и не разбираясь в морских делах, не могли сказать, плывет ли их судно в направлении Алжира или в обратном направлении. Они ничего не знали о навигации и практически ничего о мореходстве, поэтому, несмотря на всю свою жестокость, оказались в большей зависимости от христиан, чем предполагали. Но, решили заговорщики, если вдруг мусульмане догадаются, что корабль отплывает из Алжира, они тут же перережут туркам горло, а потом выбросят их тела за борт. Следует помнить, что хозяин и некоторые члены команды барка "Торбей" находились сейчас на *бирже*, и Ролинс решил тактично подойти к ним и попросить принять участие в осуществлении плана. Они согласились.

Пока все шло хорошо. С самого начала плавания число турок постепенно уменьшалось. Ведь сначала девять турок и один английский раб были отправлены в Алжир вместе с призом - полачкой, а теперь еще несколько человек были отправлены на барк "Торбей". Если бы капитан "*Биржи*" в полной мере осознавал, насколько серьезно он уменьшает численность своих собственных сил, он вряд ли мог бы совершить такую глупость. Но на протяжении всей интриги он, сам того не подозревая, был одурачен ловким интриганом. Ролинс обладал тактом и прозорливостью дипломата в сочетании со способностью знать, когда нанести удар, и силой, чтобы нанести сильный удар. И все это время, пока сам капитан уменьшал число мусульман и одновременно увеличивал число англичан за счет прибытия корабля Торбея, Роулинс самым наглым образом расхаживал по кораблю, привлекая на свою сторону всех, кроме турецких солдат. Неизвестно, чем восхищаться больше: его удивительной храбростью или непревзойденным мастерством. Ведь если бы он допустил хоть одну ошибку, доверившись не тому человеку, смерть англичанина была бы верной и жестокой.

А следующий шаг в дипломатическом продвижении Роулинса был еще интереснее. Когда снова наступило утро - а это было уже 7 февраля - приз Торбея совсем пропал из виду. Это сильно раздражало капитана "*Биржи*", и он начал и бушевать, и ругаться. Он приказал Роулинсу прочесать море вдоль и поперек, но нигде не было видно ни малейшего следа судна. Она была за горизонтом. Со временем капитан умерил свой гнев и заметил, что, несомненно, он снова увидит ее в Алжире и что все будет хорошо. Это замечание весьма обеспокоило Ролинса, так как он начал опасаться, что капитан прикажет "*Бирже*" вернуться в Гибралтарский пролив. Но Ролинс не позволил себе долго волноваться и спустился в трюм. Здесь он обнаружил, что в трюмах скопилось много воды, которую не могла всосать помпа. Он поднялся на палубу и сообщил об этом капитану. Тот, естественно, спросил, как так получилось, что помпа не справляется, и Роулинс объяснил, что судно слишком вниз головой и ему нужно больше веса на корме, чтобы поднять носы из воды.

Поэтому он приказал Роулинсу отрихтовать корабль как следует. Капитан прекрасно заглатывал наживку; скоро он попадется на крючок. Роулинс объяснил, что "мы должны бросить тросы и отнести четыре орудия" дальше на корму, и это заставит воду течь к помпе. Капитан, будучи совершенно незнакомым с устройством корабля, приказал превратить эти предложения в приказы, и два орудия, которые обычно находились в носовой части, теперь были поставлены горловинами прямо перед бинаклем. На корабле было три палубы. Ролинса и его товарищей из канонерской рубки предупредили, чтобы они были готовы к взлому нижней палубы; английским рабам, которые всегда лежали на средней палубе, также было велено следить за люками. Сам Ролинс уговорил канонира дать ему столько пороха, сколько нужно для заряжания пушек, и тихо предупредил своих единомышленников, чтобы они начали мятеж сразу же после выстрела, когда раздастся дикий крик и они передадут пароль.

Время, назначенное для кризиса, было 2 часа дня, и примерно в это время Роулинс посоветовал мастеру-пулеметчику поговорить с капитаном, чтобы солдаты вышли на палубу пупа и таким образом подняли носы корабля из воды и заставили помпу работать лучше. На это предложение капитан охотно согласился, и двадцать турецких солдат перешли на корму, а пять или шесть конфедератов пробрались в капитанскую каюту и унесли оттуда различное оружие и щиты. После этого Роулинс и его помощники приступили к откачке воды. Затем, сделав все приготовления и продумав все детали, чтобы избежать подозрений, члены "канонерской комнаты" спустились вниз, а рабы на средней палубе занялись своей работой в обычном режиме. Затем девять английских рабов и Джон Роулинс, пять мужчин и один мальчик с барка "Торбей", четыре английских ренегата, два голландца и четыре голландца, "вознося сердца и благодаря Бога за успех дела", приступили к работе над заключительным актом хитроумно задуманного заговора.

Около полудня Роу и Дэвис получили приказ Роулинза приготовить спички, в то время как большинство турок находились на полуюте, отягощая корму, чтобы подвести воду к насосу. Два человека пришли со спичками, и в назначенное время Роу выстрелил из одного из орудий, что вызвало потрясающий взрыв. Сразу же за этим последовали дикие крики со стороны конфедератов. Взрыв разбил бинокль и компасы, и солдаты были поражены ликованием рабов-христиан. И тут они поняли, что произошло - мятеж, что корабль был захвачен врасплох. Турки были вне себя от ярости и негодования. Назвав мятежников "собаками", они принялись рвать доски корабля и нападать на единоверцев с молотками, топорами, ножами, веслами, лодочными крюками и всем, что попадалось им под руку. Даже камни и кирпичи из "поварни", или камбуза, были подобраны и брошены в партию Роулинза.

Но тщательно продуманный план сработал как нельзя лучше. Внизу рабы очистили палубы от всех турок и мавров, и теперь Ролинс послал охрану для защиты пороха, а конфедераты зарядили свои мушкеты против оставшихся турок, убив некоторых из них на месте. Мусульмане, которые были такими тираническими хозяевами, теперь фактически призвали Роулинза, и он, охраняемый несколькими своими приверженцами, отправился к ним. Последние упали на колени и молили о пощаде, не проявляя милосердия к другим. Ролинс знал, что ему делать, и после того, как тираны были схвачены один за другим, он приказал убить их, а других турок выпрыгнул за борт, заметив, что "это шанс войны". Других заковывали в манатки и бросали за борт. Оставалось убить еще несколько человек, и наконец победа и уничтожение были завершены. Благодаря продуманному плану, хорошей организации и твердости в нужный момент все затеи увенчались успехом.

Случилось так, что в момент взрыва капитан находился в своей каюте и писал, но тут же бросился наружу. Но когда он увидел конфедератов и то, как обстоят дела, и что корабль уже в других руках, он сразу же сдался и стал умолять сохранить ему жизнь. Он напомнил Ролинсу, "как выкупил его с Виллы Райз" и что с тех пор относился к нему с большим вниманием. Ролинс был вынужден признать, что это так, и согласился сохранить капитану жизнь. Как уже говорилось, капитан был английским перебежчиком, настоящее имя которого было Генри Чандлер, он был сыном чандлера из Саутварка. Его вернули в Англию, а также Джона Гудейла, Ричарда Кларка, канонира (по-турецки Джафар), Джорджа Кука, помощника канонира (по-турецки Рамедам), Джона Брауна (по-турецки Мамме) и Уильяма Винтера, корабельного плотника (по-турецки Мустафа); "кроме того, все рабы и голландцы, а также другие отступники, которые желали примириться со своим истинным Спасителем, как ранее соблазненные надеждами на богатство, почести, преференции и подобными дьявольскими приманками, улавливающими души смертных людей и опутывающими хрупкость в путы ужасных злоупотреблений и самозванного обмана."

Англичане принялись за работу и очистили корабль от тел мертвых мусульман, а затем Роулинс собрал своих людей и воздал хвалу Богу, "используя привычную службу на корабле; и, за неимением книг, возносили свои голоса к Богу, когда Он вкладывал в их сердца или обновлял их память". И после того как они спели псалом, они обняли друг друга "за то, что сыграли роль людей в таком избавлении". В ту же ночь они отмыли корабль от грязи, привели все вещи в порядок, починили разбитую четверть, поврежденную взрывом, снова установили бинакль и отправились в Англию. 13 февраля "*Биржа*" прибыла в Плимут, где их "встретили, как возвращение заблудшей овцы, или как вы читали о любящей матери, которая бежит с объятиями, чтобы развлечь своего сына после долгого плавания и избавления от многих опасностей".

Что касается яхты "*Торбей*", то она тоже вернулась в Англию, прибыв в Пензанс за два дня до этого. Ее история коротка, но не менее интересна. Кораблю сообщили о плане Ролинса, и он и его друзья согласились. Но осуществить его было гораздо проще и аккуратнее, чем то, что происходило на *бирже*. И снова простые сухопутные люди были одурачены моряками. Произошло это следующим образом. Они заставили турок поверить, что теперь ветер попутный и что приз отплывает обратно в Алжир. Они верили в это до тех пор, пока не увидели английский берег, и тогда один из турок заметил, что "эта земля не похожа на мыс Сент-Винсент". На это человек, стоявший у руля, ответил: "Да; и если вы не будете возражать, спуститесь в трюм и перевернете соль на наветренный борт, чтобы корабль мог идти под полным парусом, то завтра вы узнаете и увидите больше".

Ничего не подозревая, пятеро турок спокойно спустились в трюм. Но как только они спустились в трюм, ренегаты с помощью двух англичан задраили люки и держали там негодяев, пока те не добрались до Пензанса. Но на палубе находился еще один турок, и при этом случае он пришел в ярость. Но это длилось недолго, так как к нему подошел англичанин, выбил ему мозги и выбросил тело за борт.

Все остальные заключенные были благополучно доставлены в Англию и помещены в тюрьму Плимута или Эксетера, "либо для предъявления обвинения в соответствии с наказанием преступников такого рода, либо для распоряжения ими по усмотрению короля и совета". Нам не нужно представлять себе радость от возвращения людей, потерянных в рабстве. Не стоит и пытаться угадать восторг жителей западной части страны от того, что наконец-то некоторые из этих отступников были возвращены для наказания в Англию. Нет ни малейших сомнений в том, что эта история с *биржей* правдива, но она показывает, что даже в ту довольно разочаровывающую эпоху, которая наступила сразу после поражения Армады, в то время, когда морское дело было под тучей, не было недостатка в английских моряках правильной марки, людях смелых и деятельных, умеющих сражаться и управлять кораблем, как в просторные дни королевы Елизаветы. К счастью, тип человека, к которому относятся такие моряки, как Роулинс, еще не умер; англосаксонская раса все еще воспитывает многих людей его калибра, и ей нужна только возможность проявить такую наглость, смелую предприимчивость и тактичность.

ГЛАВА XII

ВЕЛИКИЙ СЭР ГЕНРИ МОРГАН

Примерно в 1636 году с одним лондонским моряком по имени Дантон произошел случай, несколько схожий с тем, о котором мы рассказывали в последней главе о Роулинсе. Дантону не повезло попасть в плен к пиратам Салли, которые отправили его в качестве капитана и лоцмана на пиратский корабль Салли, на котором находились двадцать один мавр и пять фламандских ренегатов. Согласно инструкции, Дантон должен был доплыть до английского побережья и захватить там христианских пленников. Он прибыл из Барбарии в Ла-Манш и находился у замка Херст у Нидлс, остров Уайт, когда его немедленно арестовали как пирата и отправили в Винчестер, чтобы судить по закону. Позднее его освободили, но его десятилетний мальчик все еще оставался рабом у алжирцев.

Примерно в тот год, когда все это происходило, на свет появился Генри Морган, который вошел в историю и художественную литературу как один из величайших мореплавателей, когда-либо поднимавшихся на борт корабля. Его карьера - это непрерывный успех, жестокость и богатство. Он был буканьером и необычайно умным парнем, дослужившимся до поста генерал-губернатора одного из самых важных наших колониальных владений. Приключения - для авантюристов, и если когда-либо существовал британец, который жаждал и получал жизнь, полную острых ощущений, то в истории Генри Моргана он есть. Было бы легко заполнить всю эту книгу и даже больше его деятельностью на плаву, но поскольку наше пространство ограничено, а впереди еще много других пиратов разных морей, придется ограничиться лишь основными фактами его карьеры.

Дата его рождения точно не установлена, но принято считать, что она относится к 1635 году. Он впервые увидел свет в Гламорганшире, и его жизнь почти с самого начала была овеяна приключениями. Когда он был еще совсем мальчиком, его похитили и продали в качестве слуги на Барбадос. Так он оказался в Вест-Индии, и в этом уголке мира, столь богатом романтикой, столь исторически связанном с испанскими кораблями-сокровищами елизаветинских времен, столь напоминающем о Дрейке и других, ему предстояло совершить дерзкие подвиги, которые сами по себе недостойны быть поставленными в один ряд с достижениями великих елизаветинских мореплавателей. Но он отличался от Дрейка в одном важном отношении. Елизаветинский мореплаватель был суров до жестокости, но он был более гуманным существом, чем Морган. Все чудесные деяния валлийца затмеваются его жестокими, зверскими злодеяниями. В жестокий, бесчеловечный век Морган, к несчастью, предстает как один из самых злых моряков своего времени. И все же, хотя мы живем в эпоху, склонную к обелению самых известных преступников в мире, мы должны изменить распространенное суждение, которое преобладает в отношении Моргана. Сказать, что он был пиратом и никем другим, неточно. В душе он, безусловно, был таковым. Но, как уже отмечал сэр Джон Лафтон, наш величайший современный военно-морской историк, он нападал только на тех, кто был признанным врагом Англии.

Я признаю, что на практике, особенно в случае с людьми такого пиратского характера, как Генри Морган, разница между каперством и пиратством очень незначительна. Простое обладание разрешением на захват чужих кораблей - ничто по сравнению с реальными намерениями морского разбоя. Моргану повезло в том, что его помощь потребовалась в ряде своеобразных чрезвычайных ситуаций. В тот момент его помощь оказалась незаменимой, и он смог сделать законно то, что в противном случае сделал бы незаконно. Все эти захваты были узаконены комиссиями, которые он получал в разное время. Но это не значит, что без этих комиссий он не действовал бы примерно так же.

Мы привыкли говорить о Моргане и его соратниках как о буханьярах. Телерь давалте сразу разберемса в значении этого термина. Изначально это слово означало того, кто сушил и коптил мясо на "бухане". Бухан" - это сооружение из палок, на котором вест-индийцы коптили только что засоленные куски говядины. Но название "буханьяры" впервые было дано французским охотникам из Сан-Доминго, которые готовили свое мясо по этому индейскому обычаю. Поскольку эти люди, готовившие таким образом мясо быков и кабанов, были известны и другой своей особенностью, а именно пиратством, название было применено в самом широком смысле к тем английским и французским морским разбойникам XVII и XVIII веков, которые тратили свое время на грабеж испанских кораблей и территории Карибского моря. Таким образом, слово "буханьяр" стало означать не что иное, как морской разбойник.

После того как молодой Морган отслужил на Барбадосе, он присоединился к этим разбойникам-буханьярам, прибыв на Ямайку. Следует добавить, что дядя Морган, полковник Эдвард Морган, отправился из Англии в 1600 1664 году, чтобы стать генерал-губернатором Ямайки, но его смерть наступила в следующем году. В жизни Моргане есть пробелы, и возникла некоторая путаница, вызванная другими людьми, носившими ту же фамилию. Но теперь можно с уверенностью сказать, что в 1663 году Генри Морган был в море, командуя капером. Уже к этому времени он стал специалистом по грабежам и разграблению некоторых карибских городов, вселяя ужас в сердца их несчастных жителей. Мы можем пропустить эти незначительные события и перейти к тому моменту, когда после смерти дяди сэр Томас Модифорд был отправлен из Англии в качестве вице-губернатора. Не забывайте о той острой ненависти к испанцам, которая преобладала в это время и которую ни в коем случае не угасило поражение Армады. Мягко говоря, Карибское море было англо-испанским кокпитом, где происходили и еще будут происходить многие и многие сражения. Модифорд хотел захватить остров Кюрасоа, и для этого не было лучшего человека, чем знаменитый буханьяр Эдвард Мэнсфилд. Поэтому сэр Томас поручил Мэнсфилду захватить этот остров. Он собрал сильную военно-морскую экспедицию и выполнил задание в начале 1666 года, а Генри Морган командовал одним из кораблей Мэнсфилда.

У побережья Никарагуа находится остров, который в разное время называли то Санта-Каталиной, то островом Провиденс. Он был захвачен испанцами у англичан более двадцати лет назад, и Морган также присутствовал при его захвате Мэнсфилдом. Небольшой гарнизон остался занимать его, а Мэнсфилд вернулся со своими кораблями на Ямайку. Но вскоре Санта-Каталина снова оказалась в руках испанцев, а Мэнсфилд погиб. Именно сейчас карьера Моргане начинается выходить на первый план . После смерти Мэнсфилда буханьяры, оставшись без своего предводителя, подумали и решили сделать Моргане своим преемником, а поручения, которые Мэнсфилд привык получать от Модифорда, теперь перешли к валлийцу.

Первое из этих поручений возникло, когда Модифорду стал известен слух о том, что испанцы замышляют вторжение на Ямайку. Это был не более чем слух, но, как губернатор, он хотел выяснить правду. Поэтому он отправил Моргане для выяснения обстоятельств. Ему было приказано собрать десять кораблей и взять с собой 500 человек. Корабли подошли к южной стороне Кубы, а затем, совершив плавание, Морган высадил своих людей и обнаружил, что люди бежали с побережья, уведя весь свой скот. Морган отправился вглубь острова, разграбил город Пуэрто-Принсипе, а затем смог отправить Модифорду информацию о том, что собираются значительные силы и что на самом деле планируется экспедиция на Ямайку. Он выполнил свое поручение в соответствии с инструкциями.

Следующее его большое достижение произошло, когда он отплыл на материк, чтобы атаковать Порто-Белло, где собирались войска для нападения на Ямайку. Известно, что здесь в мрачных подземельях содержалось несколько англичан. И если бы потребовался дополнительный стимул, это, несомненно, разожгло бы гнев и обострило пыл Моргана и его людей. Оборона Порто-Белло опиралась на три форта, и заставить их сдаться было нелегко. Но Моргану удалось добиться своего, и вот как он приступил к работе: Прибыв в окрестности Порто-Белло, он оставил свои корабли и под покровом ночи направился к берегу со своими людьми на двух дюжинах каноэ. К трем часам утра его отряд пробрался берегу и высадился. Первый форт был взят с помощью лестниц, а гарнизон перебит. Второй форт тоже подвергся нападению. В нем расположился испанский губернатор. Некоторое время он оказывал упорное сопротивление, но Морган сделал несколько лестниц, достаточно широких, чтобы по ним могли подняться несколько человек, стоящих друг за другом. Таким образом, стены крепости были преодолены, сам замок взят, а губернатор убит. Третий форт сдался, город был разграблен, а затем в течение двух недель буканьеры предавались разврату, как это было им свойственно. Я не намерен описывать подробности ни этих бесчинств, ни отвратительных пыток, которым подвергали жителей, чтобы заставить их открыть места, где были спрятаны их сокровища. Даже самый беспринципный поклонник буканьеров не счел бы возможным защищать Моргана и его сообщников от самых серьезных обвинений, руководствуясь соображениями справедливости.

Возможно, в душе Морган был не хуже некоторых своих современников, но кем бы он ни был, он был жестоким тираном. Что касается его врагов, то и они не вызывают у нас особого восхищения. Эта толпа даго в моральном отношении была не намного лучше валлийцев, и хотя иногда они давали хороший отпор, но слишком часто оказывались трусами. В данном случае они приняли бесполезный и слабый план - откупиться от агрессора. Вы помните, что, к сожалению, наши предки приняли этот план много сотен лет назад, когда пытались отбиться от викингов-грабителей, купив мир. Это был глупый и неэффективный метод как тогда, так и в семнадцатом веке в случае с Морганом. Ведь что еще означает такой поступок, как не признание своей неполноценности? Мир по такой цене совершенно непропорционален конечной стоимости, а условие - лишь соблазн для агрессора вернуться за добавкой. Отбросив всякие формальности, Морган шантажировал панамцев 100 000 кусков восьмерки и 300 негров. На этих условиях, которые были согласованы, он согласился уйти. Так, очень хорошо вознагражденный за свои хлопоты, Морган радостно вернулся на Ямайку, и некоторое время буканьеры могли предаваться удовольствиям, которые могла доставить им эта добыча.

Как правило, вы увидите, что буканьер, разбойник, азартный игрок, контрабандист или любой пират на суше или на море - это расточитель. Конечно, бывают исключения, но это правило. Человек, который знает, что при нехватке денег он легко может получить больше, не проявляет никакой сдержанности в тратах, если это приносит ему удовольствие. Так и с этими буканьерами. В конце концов они подошли к концу своих ресурсов и были готовы снова отправиться в путь. Правда, после возвращения Моргана из Порто-Белло у Модифорда было двойное мнение. Он радовался успеху своего оружия, но в то же время опасался последствий. Уэльсец, безусловно, превысил свои полномочия, и в результате в штабе могли возникнуть проблемы.

И все же предстояла работа, и Морган был единственным человеком, который мог ее выполнить. Поэтому Модифорд снова поручил ему вести боевые действия против испанцев. К востоку от Ямайки находится остров С. Доминго, или, как его называли в те времена, Испаньола. Если бы вы изучили карту Испаньолы, то увидели бы в юго-западном углу залив и

небольшой остров. Последний известен как остров Ваче. Это было место встречи, где Морган должен был собрать свои корабли. Помимо того, что это была хорошая якорная стоянка, это было удобное место для старта, если нужно было атаковать материк Центральной Америки или Кубу. В данном случае цель заключалась в последнем. Корабли отправились в путь, Морган прибыл на место проведения операции и положительно опустошил кубинское побережье, снова наводя ужас на всех, где бы он ни находился. Но как бы ни было важно это событие, его нельзя ставить в один ряд с тем, что он совершил в начале 1669 года.

На северном побережье Южной Америки находится широкий залив, который впадает в Карибское море. Но по мере того как этот залив расширяется к югу, берега с обеих сторон сужаются настолько, что по форме напоминают горлышко бутылки. Город здесь называется Маракайбо. Но еще немного дальше к югу берега с обеих сторон значительно сужаются, как нижняя часть бутылки, и там простирается обширная лагуна, получившая свое название от упомянутого города. Любому очевидно, что стратегически важный пункт находится у горлышка. А если упомянуть, что судоходство здесь было сложным и неглубоким, а канал защищал мощный замок, читатель сразу же поймет, что любому, кто попытается ввести свои корабли в озеро, придется очень нелегко.

В марте месяце Морган с восемью кораблями и 500 людьми прибыл к этому входу. С великой смелостью и решимостью он смог пробиться через этот узкий вход. Он не только разобрал форт, но и разграбил город Маракайбо в своей собственной безжалостной манере; затем он продолжил атаку, прочесывая соседние леса, и подвергал захваченных и напуганных жителей жестоким пыткам, чтобы заставить их открыть тайники с ценностями. Он захватил множество пленных и, в конце концов, очень довольный своим успехом, по прошествии трех недель решил продвинуться еще дальше. Он провел свои корабли через самую сложную часть, и теперь намеревался пройти по самой лагуне.

В конце концов он добрался до города, названного жителями Гибралтаром в честь европейского места с таким названием. Здесь Морган снова насытился грабежом, жестокостью и развратом, пока не пришло время уводить корабли со всей добычей, которую они могли унести. Но тут до них дошла серьезная весть, что у входа в залив их поджидают три испанских корабля. Еще более серьезной была информация о том, что крепость в Маракайбо теперь эффективно укомплектована и вооружена. Это было более чем неловко, поскольку без разрешения форта его кораблям было невозможно безопасно выйти из него. Ситуация могла бы озадачить многих тонких стратегов. Бакканир оказался в ловушке, не имея возможности спастись.

Но Морган оказался на высоте и принялся за работу. Его первой целью было выиграть время, и он начал с переговоров с испанским адмиралом доном Алонсо дель Кампо-и-Эспиноса. Он знал, что эти переговоры окажутся безрезультатными, что и произошло. Тем временем Морган занял своих людей подготовкой пожарного корабля. В наше время стальных корпусов брандеры не играют никакой роли в военно-морской тактике, но во времена дуба и пеньки этот способ агрессии сохранялся до самого позднего времени. Корабль сначала наполняли горючим материалом, а затем отпускали, и ветер или течение несли его на вражеские корабли. Выступающие с его борта грапнели задевали противника, и оттащить его было нелегко, пока он не нанесет значительный урон огнем. Этот способ ведения войны был одним из старейших в истории морских сражений. Он снова и снова приводил к успеху, и читатель вполне может представить себе, что вид пылающего корабля, стремительно приближающегося к флотилии стоящих на якоре кораблей с приливом, был поистине ужасающим. И даже если атакованные корабли находились под водой и не были подняты,

это мало что меняло: ведь пламя немедленно поджигало паруса корабля, и смоляной такелаж вскоре оказывался в огне, выводя атакованный корабль из строя.

Конечно, иногда флот мог маневрировать таким образом, чтобы уйти с направления, в котором двигалось горящее судно. Но Морган был готов к любому развитию событий. Пожарное судно он замаскировал под военный корабль, и оно еще не было подожжено. Приняв это судно за свое, он отправил свой флот на поиски испанских кораблей. 1 мая он обнаружил их прямо у входа в лагуну. Он направился прямо к ним и, поджегши корабль, когда тот был уже совсем близко, направил его прямо на испанский флагман, судно с 40 орудиями. Последний не успел отскочить от него, загорелся и вскоре затонул. Другой испанский корабль был так напуган, что его команда сбежала на берег, а сам он был сожжен своими людьми, чтобы не попасть в руки буканьеров. Третий корабль был захвачен после тяжелой бойни. Некоторым испанцам удалось выплыть на берег, среди них был и сам адмирал дон Алонсо.

Моргану удалось захватить несколько пленных, и от них он узнал новости, которые, должно быть, вызвали трепет радости в его скупом уме. На затонувшем корабле было 40 000 штук восьмерки! Поэтому буканьер предпринял меры, чтобы вернуть как можно больше этих сокровищ, и выручил не менее 15 000, в дополнение к большому количеству переплавленного серебра. Следующим его делом было переоборудование призового корабля, и он принял его в качестве своего собственного флагмана. Пока все хорошо. Но он все еще находился в лагуне, и дверь ловушки была закрыта, как и прежде, хотя вражеские корабли уже были уничтожены. Он снова вступил в переговоры с доном Алонсо, и, как это ни удивительно, последний действительно заплатил Моргану 20 000 штук восьмерки и 500 голов скота в качестве выкупа за Маракайбо. Но, с другой стороны, дон Алонсо отказался унижить себя, предоставив Моргану разрешение вывести свои корабли.

Это, конечно, заставило Моргана пошевелить мозгами. Он твердо решил выйти в море, и это был лишь вопрос стратегии. Поэтому он дал испанцам понять, что высаживает своих людей, чтобы атаковать форт со стороны суши. Это заставило испанцев переместить орудия форта в том направлении, оставив морскую сторону практически безоружной. Это был шанс Моргана, и он полностью им воспользовался. Была ночь, и луна помогала ему. Он дождался отлива, а затем, позволив своим кораблям опуститься по течению, держался до тех пор, пока не оказался вдали от форта, после чего расправил парус и вскоре был уже на пути к северу. Это было хитроумное приспособление для того, чтобы выбраться из очень тесного угла.

Так он переплыл Испанский канал с богатой добычей из Гибралтара, с 15 000 штук восьмерки с затонувшего корабля, с еще 20 000 от Алонсо, с новым кораблем и другими пожитками. Безусловно, плавание было очень удачным и выгодным. Он благополучно добрался до Ямайки, но Модифорд снова был вынужден упрекнуть его в том, что он превысил свои полномочия. Но случилось то же самое, что и раньше. Испанцы становились все более агрессивными по отношению к англичанам в Вест-Индии, и необходимо было преподать им суровый урок, пока не произошли еще худшие события. Морган был единственным человеком для этой задачи, и теперь его назначили главнокомандующим военными кораблями Ямайской станции и отправили с полным правом захватывать и уничтожать все вражеские суда, которые только можно найти. Кроме того, он должен был уничтожить все склады и магазины, а в качестве жалованья ему полагались все товары, которые он мог прибрать к рукам, причем его люди получали обычную долю, как это было принято в экспедициях буканьеров.

В середине августа 1670 года он покинул Порт-Ройал (ныне более известный как Кингстон) на Ямайке, и, как и прежде, местом его встречи стал остров Ваче. С этой базы он отправил корабли на несколько месяцев разорять Кубу и материк и, как обычно, "подкрепился", как сказал бы елизаветинский король, тем, в чем он больше всего нуждался, например, провизией. Но ему также удалось получить много ценной информации, и в конце концов он поплыл в юго-западном направлении, пока не подошел к острову Санта-Каталина, который, как мы уже упоминали в этой главе, был захвачен испанцами. Теперь он захватил его, и после этого ему предстояло совершить еще один замечательный подвиг. Он задумал захватить Панаму. Это была еще одна смелая идея, которую он смело осуществил. Прежде всего он отправил из Санта-Каталины четыре своих корабля, лодку и около 500 человек под руководством капитана Бродели. После трехдневного плавания они прибыли к замку Чагрес, который находится в устье реки Чагрес, недалеко от того места, где выходит современный Панамский канал. За удивительно короткое время Бродели удалось захватить этот замок, и вскоре прибыл Морган с остальной частью своей экспедиции.

Удостоверившись в безопасности, он двинулся вглубь страны, ведя свои корабли вверх по реке Чагрес. Но, пройдя некоторое расстояние, он обнаружил, что из-за отсутствия дождей река значительно пересохла. Поэтому он оставил 200 человек для удержания места, а с остальными силами отправился в пеший поход. Он не стал затруднять свою экспедицию провизией, так как рассчитывал получить ее у жителей, мимо которых проходил. На десятый день он прибыл к месту назначения. Перед ним лежала Панама и Тихий океан. Но испанцы были там, на равнине, чтобы встретить его войска со значительными силами, состоящими из 3000 пехоты и кавалерии, а также нескольких пушек.

Но у испанцев была готова и уникальная тактика, которая кажется почти смехотворной. Мы уже немного упоминали о крупном рогатом скоте, который был характерен для этого региона земного шара. Испанцы решили использовать их в бою. Так, между собой и англичанами они поставили огромное стадо диких быков, которых погнали вперед в надежде сломить ряды англичан. Дикая толчея подобных существ вряд ли способствует порядку, но, подобно бумерангу на суше и тарану в морской войне, такое средство способно нанести меньше вреда атакуемому, чем атакующему. Так и случилось, многие из этих быков были застрелены англичанами, а остальные животные повернули головы и бросились на испанцев, растоптав многих из них ногами. Англичане одержали верх, испанцы обратились в бегство, и, хотя буканьеры понесли большие потери, другая сторона потеряла 600 человек убитыми. Город Панама был взят в начале дня, и Морган снова захватил огромную добычу. Все та же череда пыток, угроз и полное отсутствие благородства в том, как Морган действовал, удовлетворяя свою жадность к золоту. Но он упустил одну очень большую добычу, и это его очень раздражало. Ведь когда испанцы увидели, что их люди терпят поражение, они отправили в море испанский галеон, полный денег, церковной утвари и других ценностей, которые стоили гораздо больше того, что Морган добыл из того, что осталось в Панаме.

Экспедиция отправилась в обратный путь по суше и через двенадцать дней прибыла в Чагрес. Здесь огромная добыча была поделена между экипажами; но люди не были довольны своей долей, протестовали, что их обманули, и возникло большое недовольство. Можно не сомневаться, что так оно и было, и что Морган обогатился за счет своих людей. Однако ему удалось ускользнуть на свой корабль, за которым следовала лишь горстка его прежнего флота, и снова оказаться на Ямайке. Здесь он получил официальную благодарность губернатора, однако назревали неприятности. Пока Морган отсутствовал, в Мадриде был подписан договор, касающийся Испанской Америки. Правда, Модифорд в те времена медленного сообщения ничего об этом не знал, но его отозвали, и он вернулся в

Англию заключенным, чтобы ответить за то, что поддерживал и поощрял буканьерство. В следующем году Морган также был отправлен в Англию на фрегате, но Карлу II очень понравился этот смельчак, и в 1674 году он снова отправился на Ямайку, на этот раз в звании полковника и с рыцарским титулом, чтобы быть не буканьером, а вице-губернатором Ямайки. Если когда-либо и существовал пример процветания безбожия, то здесь он налицо. Еще четырнадцать лет Морган продолжал жить на этом острове как богатый человек, пользующийся авторитетом в обществе. Правда, из него получился хороший губернатор, но, хотя он победил Алонсо, уменьшил Панаму, совершил ловкий побег из Маракайбо, взял Санта-Каталину и был настоящей занозой в боку испанцев, все же он был груб, и умер грубым. Он был шантажистом в крупных масштабах, он был жестоким тираном, и он был распутником. Только потому, что он нападал на врагов своего собственного правительства, и потому, что ему посчастливилось получить требуемые законом комиссионные, он не может считаться обычным пиратом. Но если у большинства воров есть честь, то что мы скажем о бесчестности и грубости Моргана, обманувшего тех самых людей, которые сражались под его началом, и лишившего их справедливой доли награбленного, когда битва была выиграна? Пожалуй, вряд ли справедливо судить о Моргане иначе, как по преобладающим стандартам его времени. Но те, кто поинтересуется подробностями личной жизни Моргана, найдут много поводов для осуждения, даже если есть чем восхищаться в его исключительной сообразительности и несомненной храбрости. Море - суровая школа и делает суровых людей еще суровее, а в те времена, когда сила была права и каждый океан находился в более или менее хаотическом состоянии беззакония, когда бедность, или случай, или отчаяние, или непреодолимая жажда приключений толкали людей становиться пиратами, мягкосердечному моряку не было житья. Он должен был сражаться или быть сраженным, плыть по течению или тонуть. Самые удачливые и умные становились страшными страшилищами моря, а наименее удачливым приходилось либо подчиняться сильному, либо заканчивать свои дни в плену. Возможно, похищение Моргана в юности побудило его похищать других людей на море: или же здесь действовали другие причины. Одно, однако, несомненно: мир не стал богаче от появления такого человека, как этот валлийский буканьер.

ГЛАВА XIII

УЧЕНИЕ "ЧЕРНОЙ БОРОДЫ"

Морские разбойники, которых мы знаем под именем буканьеров, имели сходное происхождение с мусульманскими корсарами Барбары. Читатель не забудет, что последние, будучи изгнаны из Испании, поселились на северном побережье Африки, а затем, обучившись морскому искусству у моряков разных национальностей, возвысились до звания великих корсаров.

Так же и буканьеры сначала были неприветливыми поселенцами на Испаньоле, но, будучи изгнанными испанцами из своих мест обитания, прониклись к ним непримиримой ненавистью и посвятили себя борьбе с берегами Испанской Америки и перехвату кораблей на их морском пути. И как корсары-мусульмане представляли собой смесь нескольких наций - англичан, голландцев, левантинцев, итальянцев и так далее, так и компания буканьеров вскоре стала состоять из различных европейских моряков из самых разных портов.

Но среди английских буканьеров особое место занимает бристольский моряк Эдвард Тич, более известный как "Черная Борода" Тич, как мы помним, великий мусульманский корсар

был известен как Рыжая Борода Урудж, или Барбаросса. Тич покинул запад Англии и, прибыв на Ямайку, отправился в составе команды каперского судна во время французской войны, и не сразу показал, что он сделан из того материала, из которого должны быть сделаны те, кто бороздит моря в поисках добычи. Но только после того, как капитан Бенджамин Хорниголд передал ему командование захваченным им призом, Тич начал использовать все свои возможности. Весной 1717 года Хорниголд и Тич отплыли из Вест-Индии в Северную Америку. Еще не доплыв до места назначения, они захватили судно со 120 бочками муки, которую распределили между двумя своими кораблями. Чуть позже они захватили еще два судна, с которых получили большое количество вина и сокровищ. Далее пираты направились к побережью Виргинии, где очистили корабль, а затем, после этих развлечений, захватили судно, направлявшееся на Мартинику.

Хорниголд вернулся со своими призами на остров Провиденс и вскоре сдался на милость короля. Но Тич теперь занимался своим делом как независимый пират. Судно, на котором он плавал, было оснащено сорока пушками, и он назвал его *"Месть королевы Анны"*, и начал быстро накапливать богатство. Однажды во время плавания у острова Сент-Винсент он захватил большое судно под названием *"Великий Аллан"*, разграбил его, что ему приглянулось, а затем поджег. Спустя несколько дней в поле зрения попало военное судно *"Скарборо"*, и в течение нескольких часов они вели бой. Первый признал, что Тич - пират, и попытался его победить, но через некоторое время *"Скарборо"*, видя, что не может сравниться с *"Местью королевы Анны"*, счел за лучшее выйти из борьбы, позволив Тичу вернуться к своему пиратскому ремеслу.

В следующий раз он столкнулся со шлюпом, которым командовал майор Боннет, и Тич договорился с Боннетом бросить свой жребий вместе. Но поскольку "Черная борода" вскоре убедилась в неопытности Боннета в военно-морских делах, первый передал командование шлюпом одному из членов команды по имени Ричардс, а Боннет перешел на более крупное судно. И вот оба судна отправились в плавание по морям с необыкновенным успехом. Если перечислять все корабли, захваченные Тичем, читатель обнаружит, что каталог получился просто однообразным. Пирату достаточно было броситься в погоню за парусом, поднять свой черный флаг, и убегающее судно вздрагивало и сдавалось. Но поскольку я полагаю, что читателю будет интереснее познакомиться с наиболее интересными эпизодами, чем с полным перечнем каждого отдельного столкновения, я предлагаю ограничиться первым.

Тич крейсировал в Вест-Индии и у южной части территории нынешних Соединенных Штатов. Он становился на якорь у Чарльстона (штат Южная Каролина), ждал, пока из гавани выйдет корабль, идущий в обратном направлении, и тут же захватывал его, или, чтобы разнообразить дело, захватывал пару других, когда они собирались войти в Чарльстон. Наглость этого человека поражала, а его дерзость сеяла ужас в городе и парализовала торговлю в порту. Ни одно судно не смело показать нос за пределами гавани, и целая флотилия кораблей оказалась скованной внутри и не могла двигаться. И тут, как и многие другие пираты, Тич показал, насколько он умен и находчив. К этому времени он захватил довольно большое количество пленных, и стало необходимо каким-то образом достать медикаменты. Для этого ему хватило удивительной наглости потребовать у губернатора сундук с медикаментами, и эта просьба не была ни дипломатичной, ни даже вежливой. Он попросил об этом с непревзойденной наглостью. Он отправил на берег несколько человек из своей команды вместе с несколькими пленными, требуя эти лекарства, и дал понять губернатору, что если они не будут предоставлены и не будет обеспечено безопасное возвращение на корабли, то все пленные будут немедленно преданы смерти, а захваченные корабли сожжены в пепел. В то время как небольшая делегация пленников вела эти

переговоры, пиратская команда разгулиwała по улицам Чарльстона, и ни одна рука не осмеливалась их тронуть.

Губернатор оказался перед дилеммой и внимательно выслушал наглое требование, но поскольку ему очень хотелось предотвратить человеческую резню, он собрал медикаменты на сумму более 300 фунтов стерлингов и отправил их на борт. Но чтобы показать вам, каким человеком был Тич, скажем, что как только пират получил эти товары и безопасное возвращение своих людей, он разграбил захваченные суда, забрав все золото и провизию, затем посадил пленников на свои корабли и отплыл в Северную Каролину. По пути Тич стал размышлять о том, как лучше всего обеспечить добычу для себя и нескольких своих особых друзей из команды, поэтому он сделал вид, что собирается почистить днище своего корабля, и направился к берегу, где сел на мель. Затем он позвал шлюп, чтобы тот пришел ему на помощь. Они попытались это сделать, но шлюп тоже сел на мель, и оба корабля превратились в сплошные обломки. Тогда Тич взял тендер, посадил в него сорок человек, и примерно половина из них высадилась на одинокий песчаный остров в трех милях от берега, "где не было ни птиц, ни зверей, ни травы для пропитания". Если бы не майор Боннет, который впоследствии послал за ними баркас, они бы погибли.

Тем временем Тич, теперь уже очень богатый, с остатками своей команды пошел и сдался губернатору Северной Каролины. Почему? Не иначе как для того, чтобы планировать более крупные пиратства. Ведь он знал, что губернатор поддастся на подкуп, и под влиянием этого чиновника был проведен суд вице-адмиралтейства, и *"Месть королевы Анны"* была осуждена как законный приз и законная собственность Тича, хотя было хорошо известно, что она принадлежала английским купцам.

Вскоре Тич снова вышел в море и, взяв курс на Бермуды, разграбил четыре или пять английских и французских торговых судов, а одно из них привел обратно в Северную Каролину, где поделился призами с губернатором, который уже был ему обязан. Тич также дал показания под присягой, что нашел этот французский корабль в море без единой души на борту, поэтому суд разрешил ему оставить его у себя, а губернатор получил шестьдесят фунтов сахара за свою любезную помощь. Тич очень переживал, что в гавань может прийти какой-нибудь и доказать, что пират лжет, поэтому под предлогом того, что судно негерметично и может завалить вход в гавань, если затонет, губернатор разрешил сжечь его, а когда это было сделано, его днище затопили, чтобы оно никогда не могло служить свидетелем против него.

Но наступило время, когда пиратство этого учения больше нельзя было терпеть. Шкиперы торговых судов уже понесли такие большие потери, что было решено предпринять совместные действия. Шкиперы знали, что губернатор Виргинии - человек благородный, и обратились к нему с просьбой прислать вооруженный отряд с военных кораблей, чтобы разобраться с этими пиратами. Губернатор посоветовался с капитанами кораблей о том, как лучше поступить, и было решено нанять два небольших судна, которые могли бы преследовать Черную Бороду во всех тех бухтах и заливах, которые есть на американском побережье. Они должны были быть укомплектованы людьми с военных кораблей и переданы под командование лейтенанта Мэя. Кроме того, на сайте был опубликован указ, предлагающий солидное вознаграждение тому, кто в течение года поймает или уничтожит пирата.

Но прежде чем мы перейдем к рассказу о захватывающих событиях, связанных с этой карательной экспедицией, я хочу, чтобы читатель понял, какого пирата им предстояло преследовать. Несколько фактических происшествий раскроют его характер лучше многих

слов. Рассказывают, что в один из вечеров, когда Черная Борода пил в своей каюте вместе с Израэлем Хендсом (хозяином *"Мести королевы Анны"*), лоцманом корабля и четвертым человеком, Тич вдруг взял пару пистолетов и взвел их под столом. Заметив это, четвертый человек поднялся на палубу, оставив Тича, Хэндса и лоцмана вдвоем. Как только пистолеты были готовы, Тич задул свет, скрестил руки и выстрелил в двух мужчин. Первый пистолет не причинил вреда, но второй ранил Руки в колено. Когда Тича спросили, почему он так поступил, он ответил с клятвой: "Если бы я время от времени не убивал кого-нибудь из вас, вы бы забыли, кто я такой".

Есть и еще один анекдот, в котором любопытным образом проявляется его тщеславие. Как и большинство чернокнижников, он стремился выдать себя за человека, не ставящего пределов своей выдержке. Это были дни хвастовства, напыщенности, крепких напитков и крепких ругательств. Так случилось, что в этот раз корабль совершал переход, а Тич был несколько возбужден под воздействием вина, и его охватила идея заставить команду поверить в то, что он воплощение дьявола. "Давайте, - обратился он к некоторым из своих людей, - устроим себе ад и попробуем, как долго мы сможем его выносить". Очевидно, это была выходка пьяного хвастуна, но вместе с несколькими другими он спустился в трюм корабля и закрыл все люки. Затем он наполнил несколько горшков серой и другими горючими веществами и поджег их. Вскоре в трюме стало так дурно, что люди почти задохнулись, а некоторые из них жаждали воздуха. Наконец люки были открыты, и Тич гордился тем, что ему удалось продержаться дольше всех, как будто он только что захватил хорошо доставленный приз. И, наконец, тщеславие этого человека можно оценить и с другой стороны. Его звали так из-за длинной черной бороды, из-за которой он выглядел крайне отталкивающе; но иногда он даже засовывал под шляпу зажженные спички, которые, горя по обе стороны лица, освещали его дикие свирепые глаза и делали его общий вид настолько отталкивающим, что он в точности отражал его собственный характер.

Но продолжим наш рассказ с того места, на котором мы остановились. Примерно в середине ноября 1717 года лейтенант Мейнард отправился на поиски Черной Бороды и через четыре дня вышел на след пирата. Экспедиция была подготовлена с соблюдением всех мер предосторожности, чтобы информация не попала к Тичу. Однако известия дошли до друга Тича, губернатора Бермудских островов, и его секретаря. Последний отправил письмо, в котором предупредил Тича, чтобы тот был начеку. Но Тич и раньше получал ложные известия и не хотел верить, что за ним охотятся. На самом деле, только когда он увидел шлюпы, которые были посланы за ним, он смог осознать истинное положение дел.

Мейнард прибыл со своими шлюпами вечером ноябрьского дня и счел более разумным дожждаться утра, чтобы напасть. Однако Тич был так мало обеспокоен, что провел ночь в попойке со шкипером одного из торговцев. Люди Черной Бороды прекрасно понимали, что на следующий день им предстоит сражение, и один из них осмелился задать ему один вопрос. Если во время помолвки с Тичем случится что-нибудь, узнает ли его жена, где он зарыл свои деньги? Ответ Черной Бороды был краток и лаконичен. "Никто, кроме меня и дьявола, - ответил он, - не знает, где они лежат. И самая длинная печень заберет все".

Когда наступило утро, Мейнард снялся с якоря и послал лодку прозондировать глубину воды вокруг места, где лежал пират. Тич тут же открыл огонь по лодке, но Мейнард поднял свои королевские флаги и направился к Черной Бороде так быстро, как только могли нести его весла и паруса. Вскоре и пират, и два шлюпа сели на мель, но Мейнард освободил свое судно от балласта и воды, а затем направился к Черной Бороде, и тогда пират начал реветь и кричать. "Кто ты?" - крикнул он, - "и откуда ты взялся?". Морской офицер спокойно ответил ему. "Вы видите по нашим цветам, что мы не пираты". Тогда Черная Борода попросил его

прислать на борт свою лодку, чтобы он мог посмотреть, кто он такой, но Мейнард просто ответил на эту дерзкую просьбу: "Я не могу выделить свою лодку, но я поднимусь на борт, как только смогу, со своим шлюпом".

Затем пират поднял свой стакан с грогом и нагло выпил за офицера, заявив: "Я не дам четверти и не приму от вас ни одной". Мейнард ответил, что не ждет от него четверти и, со своей стороны, не намерен ее давать. Но пока продолжался этот обмен любезностями, поднялся прилив, и пиратский корабль уплыл. Шлюпы, как только могли, гребли к кораблю Тича, но когда суда приблизились, Тич выстрелил из ружья и убил или ранил двадцать человек из числа моряков. Чуть позже корабль Черной Бороды прибило к берегу, и один из шлюпов упал на корму. Но Мейнард, обнаружив, что его собственный шлюп движется вперед и что он окажется рядом с кораблем Тича, приказал всем своим людям спуститься вниз, а на палубе остались только он и рулевой. Последнего ему удалось спрятать так, что виден был только офицер. Но он приказал своей команде взять пистолеты, тесаки и шпаги и быть готовыми к любым действиям немедленно, а чтобы люди могли подняться на палубу в минимальный срок, он установил в люке две лестницы.

Шлюп подошел к пирату, после чего на его борт были брошены ящики с гильзами, как у пушек, предварительно наполненные порохом, мелкой дробью, пулями и кусками свинца и железа. В их горловину помещалась спичка, после чего они сбрасывались на палубу шлюпа. Они, конечно, были бы очень разрушительны, но, поскольку команда корабля в это время находилась внизу, вреда от них было немного. И когда Черная Борода увидел, что на палубе осталось всего несколько человек, он решил, что эти трое или четверо - единственные выжившие. Он очень ликовал и кричал: "Давайте прыгнем на борт и разрубим на куски тех, кто остался в живых". От одного из этих ящиков поднималось огромное облако дыма, так что Черная Борода вместе с четырнадцатью своими людьми смог незамеченным выскочить на палубу шлюпа. Но как только дым начал рассеиваться, Мейнард приказал своим людям подняться снизу, и они в мгновение ока оказались на палубе.

Затем началась ожесточенная схватка, и между Мейнардом и Черной Бородой произошел великолепный рукопашный бой. Сначала они обменялись выстрелами, и пират был ранен. Затем они выхватили мечи, и каждый бросился на другого. Дело шло захватывающе, пока лейтенант по несчастью не сломал свою шпагу. Через мгновение Черная Борода нанес бы ему смертельный удар, если бы один из людей Мейнарда мгновенно не нанес пирату страшную рану в шею и горло. После этого натиск становился все яростнее и яростнее. Обе стороны выплескивали свою ярость, и не было никакой уверенности в том, кто победит в схватке. Против четырнадцати пиратов, не считая Мейнарда и Тича, было двенадцать служивых. Следует отметить, что ни одна из сторон не испытывала недостатка в храбрости, и с обеих сторон были проявлены величайшие доблести. Палуба представляла собой жуткое зрелище, повсюду виднелась кровь. Тич, хотя и был ранен выстрелом Мейнарда и ударом одного из его людей, а также множеством других уродливых порезов, все же сражался великолепно. Но он использовал все свои физические возможности, и в конце концов, вскинув пистолет, упал на палубу мертвым с тяжелым стуком.

Тем временем восемь его людей тоже погибли, а большинство остальных, будучи ранеными, стали требовать четверти, и эта просьба была удовлетворена, поскольку сам Тич был убит. Мейнард отделил голову пирата от тела и, прикрепив ее к концу бушприта, отплыл в Баттаун, чтобы получить медицинскую помощь для своих раненых. При разграблении пиратского корабля было найдено множество инкриминирующих документов, которые свидетельствовали о тесной связи между Тичем и губернатором Бермуд. После того как людям Мейнарда оказали помощь, шлюп покинул Баттаун и с головой Черной Бороды, все

еще раскачивающейся на конце бушприта, направился в Виргинию, где царило всеобщее ликование по поводу того, что пиратский вредитель наконец-то убит. Пленников, за исключением двух, сняли со шлюпа, судили, осудили и казнили. Один из них был захвачен Тичем с торгового судна всего за день до боя, и он сильно страдал от не менее семидесяти ран, но вскоре поправился. Другим человеком, которого не казнили, был Израэль Хэндс, хозяин *"Мести королевы Анны"*, который остался на берегу в Баттауне, где оправлялся от раны, о которой мы только что упоминали, и которую Черная Борода однажды ночью в шутку нанес ему из своего пистолета в темноте.

Таким образом, американские колонисты смогли снова вздохнуть, а торговым кораблям было позволено снова отправиться в путь, не опасаясь этого негодяя. Удар был нанесен решительно и аккуратно. Остается добавить еще один факт, который хорошо показывает отчаянную натуру этого пирата. Когда во время схватки стало казаться, что он будет побежден, он поставил негра у пороховой двери с указанием взорвать корабль, как только люди Мейнарда поднимутся на борт. Но благодаря хитроумной уловке Мейнарда пират и его люди оказались на борту шлюпа, и удалось избежать ужасной катастрофы, в которой могли бы оказаться оба корабля и, несомненно, все люди каждой из противоборствующих сторон.

ГЛАВА XIV

ИСТОРИЯ КАПИТАНА КИДДА

Теперь мы переходим к другому историческому пирату, который как в Америке, так и в Англии надолго запомнится своими интересными подвигами. Следуя современной тенденции стремления обелить известных преступников ушедшей эпохи, один из недавних авторов попытался отвергнуть идею о том, что Кидд должен был быть причислен к пиратам. Я допускаю, что в свое время этот человек был честным моряком, и что сила обстоятельств заставила его карьеру полностью измениться. Но пиратом он точно стал, и никакое жонглирование фактами не может этого изменить.

История его жизни такова: Он был шотландцем и родился в Гриноке, который дал миру столько прекрасных моряков в разных поколениях и столько новых красивых кораблей, как деревянных, так и стальных. Парусники и паровые лайнеры строились здесь на протяжении последних двухсот лет десятками. Через некоторое время мы находим Кидда в Северной Америке. Он стал жителем Нью-Йорка, а в 1691 году женился на вдове. Он стал преуспевающим корабельным мастером, плававшим из Нью-Йорка, и говорят, что в его доме на Либерти-стрит был первый ковер из индейки, который когда-либо видели в Нью-Йорке. Он был человеком, хорошо известным местным купцам, и некоторое время командовал капером, крейсировавшим против французов в водах Вест-Индии. Это был период, когда Вильгельм III вел войну с нашими французскими соседями.

В 1695 году Кидд перебрался в Англию и находился в Лондоне, командуя бригантиной *"Антигоа"* из Нью-Йорка. Примерно в это же время король назначил графа Белломонта губернатором Новой Англии и Нью-Йорка. Последнему было поручено подавить пиратство, которое причиняло столько бед побережью. Лорд Белломонт, который был губернатором Барбадоса, предложил поручить Кидду управление военным кораблем, так как он был самым подходящим человеком для отправки против этих морских разбойников, так как знал каждый дюйм побережья и излюбленные места пиратов. Но Адмиралтейство не сочло нужным, чтобы

Кидд имел под своим началом правительственный корабль, и на этом дело закончилось. Но Белломон был одним из тех дальновидных людей, которые всегда видят главный шанс. Он и его друзья прекрасно понимали, какие огромные деньги скопились у пиратов, и поскольку Адмиралтейство не давало ему фрегата, он решил создать небольшой синдикат из своих друзей и оборудовать частный корабль. Капитаном он решил назначить Кидда. Последний не хотел соглашаться на это назначение, но Белломон указал, что в противном случае судно Кидда будет задержано в Темзе; в конце концов он согласился.

Чтобы придать проекту определенный статус и обеспечить большую дисциплину экипажа, для Кидда было получено королевское поручение, уполномочивающее его "задерживать, арестовывать и брать под стражу" всех "пиратов, вольных разбойников и морских разбойников, являющихся нашими подданными или представителями других народов, связанных с ними". Но ему также было дано "поручение о репрессиях". Поскольку в то время шла война, это второе поручение давало ему право захватывать любые французские корабли, с которыми он мог столкнуться. Корабль, который был куплен для него, назывался "*Приключение*", имел 287 тонн, 34 пушки и 70 или 80 человек.

В мае 1696 года он отплыл из Плимутского залива в Нью-Йорк. Следует отметить, что Кидд и человек по имени Роберт Ливингстон обязались оплатить пятую часть расходов, в то время как Белломон с первым лордом Адмиралтейства, лордом-канцлером и некоторыми другими джентльменами внесли остальные четыре пятых капитала. Во время плавания Кидд столкнулся с французским рыболовным судном у берегов Ньюфаундленда и захватил его. Благодаря только что упомянутому второму из его комиссионных, это не было актом пиратства, а вполне законным действием капера. Прибыв в Нью-Йорк, Кидд дал понять, что ему нужны дополнительные люди в команду, и в качестве стимула предложил каждому по акции, оставив для себя и владельцев сорок акций. Он набрал дополнительное число людей, теперь их было 155, и отплыл. Он отправил на корабль разношерстную толпу негодяев - морских дезертиров, пиратов, оставшихся без работы, беглецов от правосудия, драчунов, воров, плутов и бродяг. Они подписались, привлеченные возможностью получить большую добычу. Он взял курс через Атлантику и первым делом зашел на Мадейру, где взял на борт вино и другие необходимые вещи. Оттуда он направился к Островам Зеленого Мыса, где взял соль и провизию, и, сделав все это, взял курс на юг, обогнул мыс Доброй Надежды и вышел в Индийский океан, пока не оказался у Мадагаскара, который был печально известным местом охоты пиратов. Сейчас был февраль 1697 года, а в мае предыдущего года судно *Adventure* вышло из Плимута в Нью-Йорк.

Но, как оказалось, пиратских кораблей у Мадагаскара не было, поскольку они находились где-то в море в поисках добычи. Поэтому, набрав воды и взяв на борт побольше провизии, он направился на северо-восток через Индийский океан, пока в июне не подошел к побережью Малабара. Его корабль нуждался в ремонте, а он сам - в дополнительных запасах. Он проделал долгий путь из Нью-Йорка в Индию, а его корабль не заработал ни пенни с тех пор, как покинул Америку. Но ему удалось занять сумму денег у французов, которые потеряли свой корабль, но сохранили вещи, и на эти деньги он смог купить материалы для приведения корабля в мореходное состояние.

И вот наступила перемена, из капера он превратился в пирата. Он снова пересек Индийский океан и прибыл в Бабс-Ки, что на острове у входа в Красное море. Он начал открываться своей команде, давая понять, что меняет ситуацию. До сих пор он действовал в соответствии с законом и своим поручением, но не встретил ни одного пирата. Он знал, что флот Мокка скоро проплывет этим путем, и обратился к своим людям с такими словами "До сих пор мы были безуспешны; но мужайтесь, мои парни, мы сделаем наши состояния из этого флота".

Можно не сомневаться, что Кидд вынашивал эту идею, пока шел через Индийский океан. Прежде чем человек становится разбойником на суше или на море, он должен пройти определенный путь. Человек не может сказать, что действовал в порыве чувств, не признавшись, что мысль о грабеже возникла у него за некоторое время до этого. Судя по всему, Кидд изначально намеревался придерживаться условий и духа своих двух поручений. Но поскольку его плавание через весь мир было безуспешным, он впал в уныние. Он думал не только о себе или о своей команде, но и о Белломонте и остальных членах синдиката. Время и расходы тянулись, а в кредитах не было ничего, кроме того французского судна годичной давности. Он был в полном отчаянии, и, как человек, которому не повезло, ворует на суше, так он теперь будет действовать на море. Намерение было в корне неверным, но его можно было понять.

Он дождался флота Мокка, но тот не пришел; тогда он приказал поднять лодку и отправил ее с хорошим вооружением вдоль побережья, чтобы вернуть пленника или, во всяком случае, получить хоть какие-то сведения. Через несколько дней лодка вернулась и сообщила, что к отплытию готовы четырнадцать кораблей - английский, голландский и мавританский. Поэтому Кидд постоянно держал человека на мачте, чтобы не пропустить флот незамеченным, ведь Кидд был почти в отчаянии. И вот однажды вечером, примерно через четыре дня, корабли появились в поле зрения, сопровождаемые двумя военными кораблями - английским и голландским. Вскоре Кидд настиг их, оказался среди них и открыл огонь по мавританскому кораблю, который оказался ближе всего к нему. После этого оба конвоя настигли его, вступили в жаркий бой и вынудили отступить. Так что, начав играть в пирата, он решил идти дальше. Он снова пересек Индийский океан на восток, крейсировал вдоль Малабарского побережья и наконец получил приз. Это было мавританское судно, принадлежавшее мавританским купцам, но его хозяином был англичанин по имени Паркер, а на борту находился португалец по имени Дон Антонио.

Этих двух человек Кидд заставил присоединиться к нему: первого - в качестве лоцмана, а второго - переводчика. Таким образом, капер стал полноправным пиратом; он погрузился глубоко в трясину. И он действовал со всей обычной для пиратов жестокостью. Он поднимал пленников за руки, бил их обнаженной секирой, чтобы они открыли, где спрятаны деньги. Но все, что ему удалось получить, - это тук перца и тук кофе. Но потом он поплыл дальше и остановился в Караваре, где обнаружил, что уже пришло известие о нападении на мавританский корабль и с большим волнением обсуждается купцами. Кидда заподозрили, и на борт поднялись два англичанина, которые стали расспрашивать о Паркере и доне Антонио. Кидд отрицал, что знает таких людей, и, поскольку он предусмотрительно спрятал их в потайном месте в трюме, посетители, не теряя подозрений, сошли на берег без каких-либо вестей.

Больше недели эти двое несчастных оставались в своем убежище, и Кидд снова вышел в море. Португальский военный корабль, посланный в погоню за ним, продержался шесть часов, но так как взять его не удалось, а он был более быстрым моряком, он ушел. Вскоре после этого он стал обладателем мавританского корабля благодаря очень тонкой хитрости, которая свидетельствует о проницательности этого человека. Судно находилось под командованием голландского шкипера, и как только Кидд пустился в погоню, пират поднял французские флаги. Заметив это, торговое судно тоже показало французский флаг. Вскоре *"Приключение"* догнало его и окликнуло по-французски. Купеческое судно, на борту которого находился француз, ответило на этом языке. Кидд приказал ей отправить лодку на борт, а затем спросил француз - пассажира - есть ли у него пропуск для себя. Тот ответил утвердительно. Тогда Кидд сказал француз, что он должен пройти как капитан, "и, - добавил

он, - вы *и есть* капитан". Его намерения были просты. Помня условия своего поручения, он неправдиво настаивал на том, что судно французское и, следовательно, по закону является его призом. Это была наглая придирка, и остается только удивляться, почему столь беспринципный человек счел нужным из кожи вон лезть, чтобы сделать такой вид.

Поэтому он освободил корабль от груза и впоследствии продал его. Вскоре, когда его начали мучить угрызения совести и он отказался атаковать голландский корабль, с которым они столкнулись, его команда взбунтовалась, и однажды, когда человек по имени Мур, его канонир, обсуждал на палубе голландский корабль, Мур настолько потерял контроль над своим языком, что обвинил Кидда в том, что тот погубил их всех. В ответ на это пират обозвал его собакой, взял ведро и проломил им человеку череп, так что тот умер на следующий день. Теперь Кидд крейсировал по Малабарскому побережью, грабя суда, забирая воду и припасы с берега и грабя, когда ему вздумается.

И вот ему на глаза попался прекрасный 400-тонный мавританский купец "*Куэда*", хозяином которого был англичанин Райт, поскольку восточные владельцы нередко нанимали английских или голландских шкиперов, ведь последние были такими хорошими моряками и штурманами. Кидд, как и прежде, преследовал судно под французским флагом и, подойдя к нему вплотную, заставил его поднять шлюпку и отправить ее на борт. Затем он сообщил Райту, что должен считать себя пленником, и узнал, что на борту было всего три европейца - два голландца и один француз, остальные - индийцы или армяне. Последние также являлись совладельцами груза. Кидд высадил команду этого судна на берег в разных местах побережья и вскоре продал захваченный груз на сумму около 10 000 фунтов стерлингов, так что каждый получил около 200 фунтов, а Кидд - 8000 фунтов.

Посадив на "*Киду*" часть своей команды, Кидд повел "*Приключение*" с призом на юг, к Мадагаскару, и когда он встал на якорь, произошел смешной случай. К нему подплыло каноэ с несколькими англичанами, которые раньше хорошо знали Кидда. Они приветствовали его и сказали, что, как они поняли, он пришел, чтобы забрать их и повесить, "что было бы немного некрасиво по отношению к такому старому знакомому". Но Кидд сразу же успокоил их, поклявшись, что у него не было такого намерения, и что теперь он во всех отношениях их брат и такой же плохой, как и они; и, призвав на помощь спиртное, он выпил за здоровье их капитана. После этого мужчины вернулись на борт своего корабля "*Резолюшн*". Но к этому времени, после всех путешествий взад и вперед по океану, "*Приключение*" стало очень негерметичным, и два насоса должны были работать постоянно. Поэтому Кидд перевез все снасти и оружие с него на "*Куэду*" и в будущем сделал ее своим домом. После этого он разделил добычу по прежнему принципу. Около сотни его людей дезертировали, и он с сорока людьми и примерно 20 000 фунтов стерлингов на корабле вышел в море, направляясь, наконец, в Америку, так как в конце плавания ему было приказано явиться к Белломону.

Он прибыл в Вест-Индию, зашел на один из Подветренных островов и узнал, что весть о его пиратстве облетела весь цивилизованный мир, и его разыскивают как пирата. На дворе стоял апрель 1699 года. Он передал "*Кеду*" человеку по имени Болтон, который был купцом на Антигуа, и купил у него шлюп "*Сан-Антонио*", на который погрузил все свои сокровища. Теперь он должен был поклясться Белломону в своей невинности в пиратстве. Желая связаться с женой, Кидд направился в Лонг-Айленд-Саунд, дошел до Ойстер-Бей, высадился на берег и отправил ей сообщение, а после продолжил плавание на север, переложив часть своих сокровищ на три шлюпа. В конце июня он направился в Бостон и прибыл туда 1 июля, где имел различные беседы с Белломонтом. Шлюп и его содержимое, а также товары с трех других шлюпов были арестованы, после чего Кидда переправили в Англию. В мае 1701 года

его и еще шестерых человек судили на адмиральской сессии в Олд-Бейли за пиратство и грабеж в открытом море и признали виновными. Кидду также было предъявлено обвинение в убийстве человека Мура во время инцидента с ведром, и он также был признан виновным.

Защита Кидда заключалась в том, что тот поднял против него мятеж, что его обвинители лжесвидетельствовали и что он "самый невинный из всех". Но суд решил иначе, и через неделю или около того он и остальные шесть человек были казнены в Казенной палате, а затем их тела повесили на цепях с интервалами вдоль реки, где они оставались в течение долгого времени.

Из сокровищ, привезенных Киддом в Америку и часто безуспешно разыскиваемых кладоискателями, точное количество золотой пыли, золотых монет, золотых слитков; серебряных колец, серебряных пуговиц, битого серебра, серебряных слитков; драгоценных камней - бриллиантов, рубинов, зеленых камней и так далее - достигает следующей огромной суммы.

Золото	1111	унция.
Серебро	2353	"
Драгоценности	17	"

Некоторое количество тарелок и денег удалось сохранить жене Кидда, а из того, что осталось от добычи после оплаты судебных издержек, связанных с его процессом, сумма в 6472 фунта стерлингов была специальным актом парламента передана в Гринвичский госпиталь[2].

Конечно, имея перед глазами такие факты, любому современному энтузиасту безнадежно притворяться, что знаменитый капитан Кидд не был пиратом. Если бы ему повезло больше, возможно, он бы спокойно оставался капером. Но случай - это иллюстрация к человеку, и если когда-либо моряку удавалось показать себя пиратом со всей скупостью и жестокостью, которые предполагает это слово, то здесь, в жизни капитана Кидда, это получилось.

ГЛАВА XV

ПОДВИГИ КАПИТАНА ЭВЕРИ

Если шестнадцатый век был "великим" периодом мусульманских корсаров Средиземноморья, то восемнадцатый навсегда останется в памяти благодаря многообразной деятельности тех английских моряков, для которых пиратство стало гораздо более доходной профессией, чем фрахтование. Если искать этому объяснение, то, думаю, искать его не так уж далеко.

Нужно принять во внимание несколько моментов. Во-первых, как мне кажется, на всех этапах - политических или иных, связанных с морскими или сухопутными делами, - необходимо учитывать личный и национальный характер - самый источник и исток всех человеческих сил. Каким бы еще ни был семнадцатый век, это была не самая выдающаяся эпоха. Конечно, были и исключения, но если говорить в целом, то это был самый разочаровывающий период. В моральном плане он был развращен, в политическом - вырожден, а в художественном -

неискренен и напыщен. Достаточно прочитать историю того периода в различных ее аспектах, чтобы понять это. Это было время, когда реакция после пуританского периода привела к отступлению от высоких принципов, когда интриги и взяточничество так наседали на политическую жизнь, что голоса покупались за деньги, когда даже адмиралы позволяли мелкой политике мешать их верности, сражаясь на море с врагами нации. Самодовольная респектабельность стала доминирующим высоким идеалом, и не было большего греха, чем быть уличенным. В этот период характерными были бесцеремонные действия власть имущих и беззаконие тех, кто жаждал заполучить богатство. И если вы хотите осознать всю нелепость и неискренность восемнадцатого века, вам достаточно зайти в ближайшую картинную галерею и рассмотреть картины того времени (за исключением, пожалуй, портретов), или прочитать письма, которые писали мужчины и женщины, или книги, которые так высоко ценили образованные люди того времени. Религия и политика, домашняя жизнь, искусство и литература находились в нездоровом состоянии.

Сейчас человек, будь то моряк, политик или кто-либо другой, во многом является ребенком своего века. Иными словами, если речь идет о незаконном, беспринципном, развращенном периоде, то более чем вероятно, что в деятельности конкретного человека будут проявляться признаки той эпохи. И поэтому, принимая во внимание такие факты, как эти, становится совершенно понятным, что восемнадцатый век стал периодом расцвета английского морского разбоя. Добавьте к этому еще один пункт - непрерывный период волнений, вызванных многолетними международными войнами и слухами о войне, и вы не удивитесь, что зов моря был принят столькими сотнями мужчин, как никогда ранее в истории нации. Но морские войны означали не только то, что требовалось больше людей для работы на кораблях, которые вели наши сражения; шкиперы и капиталисты так поощряли и стимулировали каперство, что даже в елизаветинскую эпоху не было такого количества кораблей и людей, участвовавших в этом виде деятельности. Таким образом, вместо того, чтобы каперство было лишь исключительным занятием в отдельные периоды военных действий, оно стало, благодаря затяжным войнам, регулярной, определенной профессией. Здесь были все возможности для того, чтобы потакать личной и национальной ненависти к иностранцам, наслаждаться чередой прекрасных приключений, а затем вернуться домой, накопив славу и призы. Параллельно с этим - и это хорошо иллюстрирует тон эпохи - контрабанда стала почти неудержимым национальным злом.

В истории контрабанды нередки случаи, когда предварительные шаги к этому нечестному заработку были следующими: Сначала человек нанимался честным рыбаком; затем, обнаружив, что это не приносит ему дохода, он становился капером, а то и вовсе поступал на службу к королю, служа на борту катера для сбора налогов. Затем, стремясь к богатству, он бросает свой жребий вместе с теми самыми людьми, за которыми охотился, и становится либо откровенным контрабандистом, либо пиратом. Ибо, как уже не раз подчеркивалось в предыдущих главах, линия разграничения между каперством и пиратством, хотя и прекрасно видимая юристам, не всегда была достаточно прочной, чтобы удержать бродячего моряка в рамках законных средств к существованию. Одним словом, поскольку всегда трудно внезапно отказаться от привычки, а огромная масса моряков так долго привыкала зарабатывать деньги, нападая на другие корабли, то в эпоху, которая мало уважала законность, было неудивительно, что десятки кораблей выходили в море как откровенные пираты или, наоборот, как признанные контрабандисты. В данном томе мы рассматриваем только первый из этих двух классов.

Типичным представителем этого периода был печально известный капитан Эйвери, чьи делишки стали известны всей Европе. В этих корсарах XVIII века не было ничего мелкого.

Они обладали всеми качествами, которые присущи великим адмиралам, они были прирожденными правителями людей, хорошими стратегами, жесткими бойцами, храбрыми и доблестными, смелыми и решительными. Но в противовес этому они были тираничны, жестоки и грубы; и, как это часто случается со всеми людьми, приобретение богатства губило их, делало еще более властными и раздутыми, так что, не имея ни высоких принципов, ни возвышенных целей, они постепенно скатывались к разврату и бездушию. Во многих отношениях их было жаль, ведь это были великолепные моряки, которые на своих плохо сконструированных, обрывистых, старых трубах прошли практически весь мир, месяцами не выходя из моря, пережив ужасную погоду и многочисленные перемены климата. Если бы эти великие дисциплинарные работники не стали тиранами и если бы их бесспорные способности могли быть законно использованы, в них были заложены способности, которые породили великих создателей империй, блестящих адмиралов и великолепных администраторов. Но их несчастье заключалось в том, что они принадлежали к восемнадцатому веку.

Эйвери, как и многие другие величайшие моряки мира, родился в Девоншире, вышел в море совсем молодым и дослужился до мата на торговом судне. Случилось так, что французы с Мартиники вели большую контрабандную торговлю с испанцами из американских колоний. Чтобы положить этому конец, испанское правительство наняло иностранцев для борьбы с нарушителями. Несколько бристольских купцов снарядили пару 30-пушечных кораблей и, хорошо укомплектованные и снабженные всем необходимым, отправили их в Корунну ожидать приказа. Одним из этих кораблей командовал капитан Гибсон, а в 1715 году Эйвери довелось быть его помощником. Девонширец обладал всеми традиционными мореходными инстинктами и любовью к приключениям, которыми славилось его графство, и, очевидно, не был непопулярен среди остальных членов экипажа. Завоевав их доверие, он стал рассказывать им о том, какие огромные богатства можно получить на испанском побережье, и предложил им бросить свой жребий и бежать с кораблем. С этим предложением охотно согласились, и было решено предпринять попытку следующим вечером в десять часов.

Следует отметить, что Гибсон, как и многие другие шкиперы восемнадцатого века, слишком любил грог, и в ту богатую событиями ночь он выпил немного и лег в свою койку, вместо того чтобы отправиться на берег, чтобы подкрепиться. Те из команды, кто не участвовал в нынешнем заговоре, тоже ушли, а остальные остались на палубе. В десять часов к ним подплыл баркас с другого корабля. Эйвери окликнул ее, и шлюпка ответила условленной вахтой следующим образом. "Ваш пьяный боцман на борту?" Эйвери ответил утвердительно, и тогда на борт поднялись шестнадцать способных мужчин. Первым делом они задраили люки, а затем очень тихо, без лишнего шума подняли якорь и вышли в море.

После того как они прошли некоторое время, капитан очнулся от своего пьяного сна и позвонил в колокол. Эйвери и еще один сообщник вошли в каюту. "Что с кораблем?" - спросил "старик". "Едет ли она; какая погода?" Поскольку он понял, что судно движется, то, естественно, пришел к выводу, что оно стоит на якоре и поднялся сильный ветер. Эйвери быстро успокоил его и, кстати, привел его бодрствующее сознание в состояние шока. "Нет, - ответил бывший помощник, - нет, мы в море, с попутным ветром и хорошей погодой". "В море?" - задохнулся капитан. "Как это может быть?" "Не пугайтесь, одевайтесь, и я открою вам секрет. Вы должны знать, - продолжал он, - что теперь я капитан этого корабля, а это моя каюта, поэтому вы должны выйти. Я направляюсь на Мадагаскар с намерением сделать свое состояние и состояние всех храбрецов, которые присоединятся ко мне".

Капитан начал приходить в себя и понимать смысл сказанного, но все еще был очень напуган. Эйвери умолял его не бояться и сказать, что если он хочет присоединиться к их

конфедерации, то они готовы его принять. "Если ты протрезвеешь и займешься делом, возможно, со временем я сделаю тебя одним из своих лейтенантов. Если же нет - вот лодка, и вы сойдете на берег". Гибсон предпочел выбрать последний вариант, и, когда вся команда была созвана, чтобы узнать, кто готов сойти на берег вместе с капитаном, нашлось лишь около полудюжины тех, кто решил сопровождать его на сушу.

Так Эйвери повел свой корабль к Мадагаскару, не сделав ни одного захвата. Прибыв к северо-восточной части острова, он обнаружил пару шлюпов, стоявших на якоре, но, заметив его, они сняли тросы и вытащили свои корабли на берег, а люди бросились вглубь острова и спрятались в лесу. Этих людей мучила совесть. Они украли шлюпы из Ост-Индии и, увидев корабль Эйвери, решили, что он послан наказать их. Но Эйвери отправил на берег несколько своих людей, чтобы сказать, что люди со шлюпов - его друзья, и предложил им объединиться для общей пользы и безопасности. Люди были хорошо вооружены и заняли позиции в лесу, а на берегу были выставлены посты, чтобы следить, не преследуют ли их.

Но когда последние заметили, что к ним приближаются два или три человека без оружия, сопротивления не последовало, и, узнав, что это друзья, гонцы направились к основной массе, где и передали послание Эйвери. Сначала беглецы опасались, что это всего лишь уловка, чтобы заманить их в ловушку, но, узнав, что Эйвери тоже сбежал со своим кораблем, посоветовались и решили бросить свой жребий. Следующим делом было спустить на воду два шлюпа, а затем троица отправилась к аравийскому побережью. Когда они приблизились к устью Инда, человек на мачте заметил парус, и был отдан приказ преследовать. Когда они приблизились, странное судно было замечено как прекрасное высокое судно и, вероятно, ост-индеец. Но когда они подошли ближе, оказалось, что она гораздо ценнее и достойна борьбы.

Открыв по ней огонь, судно подняло флаги Великого Могола и, казалось, было готово к бою. Но Эйвери отказался от ближнего боя и предпочел обстреливать с безопасного расстояния, после чего некоторые из его людей начали подозревать, что он не такой уж лихой герой, каким его считали. Но шлюпы энергично атаковали странный корабль: один - с носа, другой - с четверти. Через некоторое время им удалось взять его на abordаж, и тогда он был вынужден снять флаги. Выяснилось, что это один из кораблей Великого Могола, на борту которого находилось несколько важных членов его двора, совершающих паломничество в Мекку, и самые ценные вещи, которые должны были быть принесены в дар святыне Магомета. Там было большое количество великолепных золотых и серебряных сосудов, огромные суммы денег, и в целом грабеж был очень значительным. Все ценное было вывезено, а все сокровища перевезены на борт трех кораблей, и судну разрешили отплыть.

Когда, наконец, корабль вернулся домой, а Могол узнал об этом, он был крайне разгневан и пригрозил послать мощную армию, чтобы изгнать англичан из их поселений на индийском побережье. Это сильно встревожило Ост-Индскую компанию, но последней удалось успокоить его, пообещав послать корабли за разбойниками и доставить его в их руки. Этот инцидент вызвал большое волнение в Европе, и распространились всевозможные экстравагантные слухи, так что одно время предполагалось снарядить мощную эскадру и захватить его в плен, а другое - пригласить его домой вместе с его богатствами и получить предложение Его Величества о помиловании, так как он, по слухам, собирался основать новую монархию. Но в конце концов эти глупые идеи оказались беспочвенными. Тем временем три корабля с сокровищами возвращались на Мадагаскар, где предполагалось построить небольшой форт, держать там несколько человек на постоянной основе и там же разместить свои незаконно нажитые сокровища.

Но у Эвери в голове был другой план, и это хорошо показывает его истинный характер. Во время плавания он послал шлюп к каждому из судов, приглашая каждого шкипера подняться на борт. Они пришли, и он выдвинул следующее предложение. Если любой из шлюпов будет атакован в одиночку, они не смогут оказать серьезного сопротивления, и тогда их сокровища исчезнут. Что же касается его собственного корабля, то он был настолько быстрым судном, что он не мог себе представить, чтобы какое-либо другое судно могло его обогнать. Поэтому он предложил запечатать все сокровища в три отдельных сундука, чтобы у каждого из трех капитанов были ключи, чтобы их не открывали, пока не придут все, чтобы эти сундуки хранились на его собственном корабле, а затем были помещены в безопасное место на берегу.

Очень любопытно, что такие хорошо проснувшиеся пираты не смогли разглядеть столь очевидный трюк. Но они без колебаний согласились с этой идеей, и все сокровища были помещены на борт корабля Эвери, как и было предложено. Маленькая флотилия отплыла дальше, и теперь Эвери начал действовать со своей командой в своей обычной скрытной манере. На борту корабля было достаточно богатств, чтобы сделать их всех счастливыми до конца жизни. "Что, - спросил он, - мешает нам отправиться в какую-нибудь страну, где нас не знают, и жить на берегу до конца своих дней в достатке?" Команда по достоинству оценила этот намек, и ночью корабль Эвери убрался подальше, изменил курс, обогнул мыс Доброй Надежды и направился в Америку. В этой стране они были чужаками, добычу они делят между собой, а сами будут жить отдельно, чтобы каждый мог безбедно существовать, не работая. Они прибыли на остров Провиденс, и тогда было решено, что от такого большого судна лучше избавиться. Поэтому, притворившись, что корабль был приспособлен для каперства, и что, совершив неудачное плавание, Эвери получил от своих хозяев приказ продать его как можно лучше, он вскоре нашел купца, который купил его, а Эвери приобрел небольшой шлюп.

На этом судне он и его команда погрузились со своими сокровищами и, высадившись в разных местах американского побережья, где их никто не заподозрил, рассеялись и обосновались в стране. Теперь у Эвери было огромное богатство, но поскольку большая его часть состояла из бриллиантов, а он боялся, что не сможет избавиться от них в Америке, не будучи заподозренным в пиратстве, он переправился на север Ирландии, где поселились некоторые из его людей, и получил помилование короля. И вот началась череда происшествий, которые вполне можно принять за демонстрацию глупости незаконно нажитого добра. Читатель уже видел, что, несмотря на огромное богатство, которое получили эти пираты XVIII века, в конечном итоге это богатство принесло им лишь беспокойство и окончательную нищету.

Эвери не мог распорядиться своими драгоценными камнями в Ирландии так же, как в Америке, поэтому, подумав, что, возможно, в большом городе Бристолье на западе страны найдется кто-нибудь, кто купит их, он отправился в свое родное графство Девоншир и послал к одному из своих друзей, чтобы тот встретил его в Бидефорде. Этот "друг" познакомил его с другими "друзьями", и Эйвери рассказал им о своем деле. Было решено, что лучшим планом будет передать бриллианты в руки богатых торговцев, которые не станут задавать неудобных вопросов об их происхождении. Один из "друзей" утверждал, что знает нескольких купцов, которые смогут провести сделку, и при условии, что они дадут солидную комиссию, бриллианты превратятся в деньги. Поскольку Эвери не мог придумать другого выхода из затруднительного положения, он согласился, и вскоре купцы приехали в Бидефорд, и после решительных заявлений о своей честности им вручили бриллианты и сосуды с золотом, за что они дали ему небольшую сумму вперед. После этого Эвери сменил имя и стал спокойно

жить в Бидефорде, но за короткое время он истратил все свои деньги, и, несмотря на неоднократные письма к хитрым купцам, не мог получить ответа. Но наконец они прислали ему небольшую сумму, хотя и недостаточную для уплаты долгов, и, едва сводя концы с концами, он решил отправиться в Бристоль и побеседовать с купцами.

Он прибыл туда, но вместо денег получил твердый отказ и угрозу, что они выдадут информацию о том, что он пират. Это так напугало его, что он вернулся в Ирландию и оттуда продолжал писать за деньгами, которые, однако, так и не пришли. Он дошел до такого состояния крайней нищеты, что решил, свои страдания, вернуться в Бристоль и броситься на милость купцов. Поэтому он сел на торговое судно, доплыл до Плимута, а затем пешком добрался до Бидефорда. Прошло не так много дней, как он заболел и умер, не имея даже денег на погребение. Так что это правда, что "есть сухопутные крысы и водяные крысы, сухопутные воры и водяные воры, то есть пираты". Эйвери встретил компанию людей, которые обращались с ним так же, как он грабил других. Таким образом, все его долгое плавание из моря в море, вся череда событий с того момента, как он захватил корабль Гибсона, не только не принесли ему прибыли, но и обернулись для него самыми страшными страданиями, ужасом, голодом и окончательной смертью. Он боролся, строил козни, шел на хитроумные уловки, лгал, терпел горькие переживания, но все без толку.

ГЛАВА XVI

ДЖЕНТЛЬМЕН УДАЧИ

"На честной службе обычно низкое жалованье и тяжелый труд: в пиратстве - сытость, удовольствие и легкость, свобода и власть; и кто не станет уравнивать кредитора на этой стороне, когда вся опасность, которой он подвергается, в худшем случае сводится к тому, что он задохнется от кислого взгляда или двух? Нет, веселая и короткая жизнь - вот мой девиз".

Так говорил некий капитан Бартоломью Робертс, печально известный пират XVII века, и, несомненно, в этом утверждении была доля правды. Низкая зарплата и каторжный труд в других сферах жизни невыгодно контрастировали с возможностями легкости, изобилия, свободы и власти. Этот парень, как и пресловутый Генри Морган, был валлийцем и родился в Пемброкшире. Он вырос высоким, смуглым, изобретательным и смелым моряком. Некоторое время он вел тяжелую, но честную жизнь моряка, торгующего на побережье Гвинеи, но в 1719 году ему не повезло попасть в плен к Дэвису, другому пиратскому капитану. Последний заставил Робертса вести этот незаконный образ жизни, и справедливости ради стоит отметить, что поначалу Робертс был явно не расположен к пиратству и наверняка дезертировал бы, если бы представилась такая возможность. Однако "преференции взымали к его совести и примирили его с тем, что он раньше ненавидел".

И когда Дэвис окончил свои дни смертью в бою, команда пиратов решила выбрать Робертса своим шкипером. "Мой совет, - сказал один из них во время выборов, - мой совет, пока мы трезвы, выбрать человека мужественного и опытного в навигации - того, кто своим благоразумием и храбростью сможет уберечь нас от опасностей и бурь неустойчивой стихии и роковых последствий анархии, и таким человеком я считаю Робертса: он во всех отношениях достоин вашего уважения и расположения". Так валлийца уговорили принять

новую честь, добавив, что раз уж он окунул руки в мутную воду и должен стать пиратом, то лучше быть командиром, чем рядовым.

Так пиратский корабль отправился на юг вдоль побережья Гвинеи со своим новым командиром, захватил голландское гвинейское судно, выгреб из него все, что им приглянулось, снова отправил его в путь, а через два дня захватил английский корабль. С него они тоже взяли все, что хотели, а поскольку его команду уговорили присоединиться к кораблю Робертса, приз был сожжен, и пираты, теперь уже с гораздо большей компанией, отправились к острову Сент-Томас, который находится в Южной Атлантике на некотором расстоянии от побережья Конго. Но так как в этих краях им больше не везло, они решили голосованием направиться в Бразилию. После двадцативосьмидневного плавания через Атлантику они прибыли к южноамериканскому побережью и в течение девяти недель безуспешно крейсировали, стараясь не приближаться к суше. Но по пути в Вест-Индию, куда они теперь направлялись, немного разочарованные, они неожиданно столкнулись с флотилией из сорока двух португальских кораблей Баии. Эти суда направлялись в Лиссабон и теперь ждали два 70-пушечных корабля, чтобы проводить их домой.

Такое богатое зрелище было слишком велико для пирата. Он был уверен, что у его единственного корабля будет мало шансов против такого мощного флота, тем более что некоторые из них были действительно мощными судами. Но слабое сердце никогда не приносит призов, и он решил попробовать. Среди многочисленных злоключений пиратов-путешественников читателя наверняка поразила необычайная хитрость, которую эти незаконные отчаянные парни проявляли во многих своих захватах. Как-то не ассоциируется мастерство с жестокостью. Но очень редко эти пиратские шкиперы оказывались в затруднительном положении. Сила применялась и применялась без пощады в нужный момент, но ей не позволялось заменять собой изобретательность. Пока корсары сохраняли трезвость ума и не ступали на сушу, они очень редко терпели поражение. Их пугали не превосходящие силы, а возможность быть обнаруженными на берегу. Море и его пути они понимали: в этой сфере они были как дома. И только когда они становились настолько глупыми, что покидали свою природную стихию, наступали злые дни.

Поэтому Робертс стал придумывать, как получить от этого могучего флота то, что ему нужно. Он направил свой корабль в их среду и спрятал свою суровую отчаянную команду. Затем он подвел свой корабль к одному из самых крупных португальцев и приказал ему *тихонько* отправить хозяина на борт. Если португальцы окажут хоть малейшее сопротивление или подадут сигнал бедствия, он не проявит к ним никакой пощады. Эта холодная дерзость увенчалась успехом: хозяину, вышедшему на палубу и увидевшему внезапную вспышку пиратских тесаков людей, которые до поры до времени были скрыты, ничего не оставалось делать, как молча подчиниться, и капитан поднялся на борт пирата, как и просили. Робертс приветливо поздоровался с ним и сказал, что он и его команда - джентльмены удачи. Все, что они хотят от него, - это получить информацию о том, какой корабль является самым богатым во флоте. Если капитан сообщит им все правильно, то ему будет позволено вернуться на свой корабль в целостности и сохранности, а если нет, то его должна ожидать мгновенная смерть.

Португалец указал на 40-пушечное судно с экипажем в 150 человек. Конечно, она показалась Робертсу слишком сложной задачей, но он направился к ней, держа португальского капитана на борту. Когда они подошли к борту, пират приказал португальскому пленнику окликнуть ее, поинтересоваться здоровьем командира и пригласить его на борт, так как его ожидало важное дело. Пришел ответ, что командир придет в ближайшее время. Но Робертс не стал медлить и, заметив на борту судна признаки

необычной активности, обрушил на него мощный залп, затем, как это было принято в елизаветинской эпохе, подвел свой корабль вплотную к борту, схватил и взял на abordаж. За короткое время корабль был захвачен, и из него в трюм пирата было вывезено большое и ценное количество сахара, шкур, табака и т. д., а также 4000 золотых мойдоров.

После этого, как собака, укравшая кусок мяса, спешит найти укромное место, где она сможет спокойно съесть свою добычу, так и пираты стали искать безопасное убежище, где они могли бы проводить время в разврате с призами, чтобы окупить расходы. Они решили отправиться на Остров Дьявола, расположенный на реке Суринам в Голландской Гвиане, и, благополучно добравшись туда, были хорошо приняты губернатором и жителями. Но пираты испытывали острую нужду в провизии, пока не столкнулись со шлюпом, который находился в реке. Это судно, которое было захвачено, сообщило, что оно плыло в компании с бригантиной, груженной провизией. Эта новость обрадовала корсаров, и Робертс, посчитав, что дело настолько важное, что он должен заняться им сам, отправился командовать шлюпом, взяв с собой сорок человек и оставив пиратский корабль позади. Он был уверен, что последний будет в полной безопасности, а он не задержится надолго. Бригантина скоро будет замечена, и тогда он вернется с желанным грузом.

Но в этот раз Робертсу не повезло. Он не увидел бригантину, хотя в течение восьми дней плыл милю за милей, и в конце концов бросил якорь где-то у берега и послал на берег шлюпку, чтобы сообщить об этом товарищам, оставшимся на реке Суринам. Лодка также должна была доставить на шлюп провизию, но когда она вернулась после почти невыносимой задержки, то не принесла никакой провизии и сообщила, что лейтенант пиратского корабля сбежал с ней. Робертс, конечно, был глупцом, если не предвидел такой вероятности, и, чтобы предотвратить повторение мятежа, принялся разрабатывать правила поддержания порядка на своем судне. После этого нужно было действовать. Провизия и вода должны быть у них во что бы то ни стало, и поэтому они должны идти в Вест-Индию.

Однако не успели они уйти далеко, как натолкнулись на пару шлюпов, которые и захватили. На них они получили необходимые припасы. Через несколько дней они также захватили бригантину, а затем направились к Барбадосу. У берегов Барбадоса они встретили 10-пушечное судно, груженное грузом из Бристоля. Его разграбили, но через три дня разрешили следовать дальше. Но как только оно коснулось суши и сообщило губернатору о своем несчастье, на поиски пиратов был отправлен 20-пушечный корабль с восьмьюдесятью людьми под командованием капитана Роджерса. Через два дня они настигли ее. Робертс, разумеется, не знал, что против него послано какое-то судно, и оба корабля сблизились. Робертс, как обычно, сделал холостой выстрел, чтобы чужестранка набрала ход, и был очень удивлен, когда вместо того, чтобы сразу же снять свои цвета, она ответила ему широким боком. Завязалась острая схватка, но поскольку Робертсу явно досталось больше всех, он выбросил часть груза за борт и поспешил убраться с корабля так быстро, как только мог, и ему очень повезло, что он спасся таким образом.

Далее он направился в Доминику, что в Карибском море, и обменял часть своего груза у жителей на провизию. Он поливал свой корабль водой, а когда ему случайно встретились пятнадцать англичан, которых оставили на острове французы, захватившие судно англичан, Робертс уговорил этих обездоленных присоединиться к нему, и это дополнительное подкрепление было отнюдь не лишним. Но его корабль был сильно испорчен и нуждался в чистке днища, поэтому Робертс повел его с этой целью на юг, к Гренадским островам. Удачно, что он не стал тратить время на чистку и сразу же вышел в море, потому что губернатор Мартиники узнал о приближении пирата, и два шлюпа были отправлены на его

поймку. Но Робертс со своим кораблем отплыл лишь накануне вечером, когда появились шлюпы.

Взяв северный курс, пират направился к Ньюфаундленду. Его корабль был хорошо вычищен, так что он мог плыть с максимальной скоростью. В июне 1720 года он прибыл к отмелям и вошел в гавань Трепасси с черным пиратским флагом на мачте, при звуках барабанов и труб. Когда Робертс вошел в гавань, там стояли двадцать два корабля, но как только они поняли, что за гость находится среди них, команды отказались от кораблей, и Робертс со своими людьми уничтожил их, сжигая или топя, а затем разграбил дома на берегу, ведя себя как безумцы и изверги, вышедшие на свободу.

Он сохранил только один корабль из всей партии, который прибыл из Бристоля, и, покинув гавань, столкнулся с десятью французскими кораблями у Ньюфаундлендской отмели. Все они были уничтожены, за исключением одного, который он взял в свое пользование и назвал *"Фортуна"*. Бристольский корабль он передал этим французам, а затем в течение некоторого времени, находясь в самом хвосте судоходства, сделал несколько важных призов, после чего снова отплыл в Вест-Индию, взял достаточные запасы провизии и затем решил поспешить к побережью Гвинеи, где ранее они добились такого успеха. По пути они столкнулись с французским кораблем, и поскольку он больше подходил для пиратства, чем его собственный, Робертс заставил его шкипера поменяться кораблями. Некоторое время они шли к Суринаму, так как ошиблись в навигации и попали под пассаты. И тут их настигла беда. Воды уже давно не хватало, так что они стали питаться одним ртом в день. Голод тоже настиг их, так что от жажды многие члены экипажа умерли, а остальные были крайне слабы и немощны. Ситуация становилась все хуже и хуже, и вот уже не было ни капли жидкости для питья.

Но, к счастью для них, они обнаружили, что находятся в семи саженях воды, поэтому якорь был спущен, но так как они находились так далеко от берега, они отчаялись утолить жажду. Но с корабля была послана шлюпка, и через некоторое время, к их огромному облегчению, маленькое суденышко вернулось с большим количеством питьевой воды, чтобы прекратить их страдания. Можно было подумать, что в знак благодарности эти люди откажутся от своей незаконной жизни и прекратят свои разбои. Но они были закаленными негодяями, не боявшимися ни Бога, ни людей, и, как только смогли, вышли в море на свою старую игру. Они наткнулись на корабль, который дал им всю необходимую провизию, а вскоре после этого подошла бригантина, которая не только дала им еще больше припасов, но и товарища, который присоединился к их компании. Затем, узнав, что губернатор послал два корабля, чтобы захватить их, они совершили ряд дерзких и очень жестоких поступков в качестве мести. Следует отметить, что голландские корабли имели обыкновение торговать с Мартиникой нелегально. Чтобы избежать неприятностей, они держались на некотором расстоянии от острова, а затем поднимали свои джеки. Жители острова были начеку и по сигналу отплывали, чтобы заняться торговлей, и всегда возникало острое соперничество в том, кто первым доберется до корабля и заберет товар.

Хитрый Робертс, всегда готовый к новому приему, хорошо знал об этом обычае, поэтому, прибыв на остров, он поднял голландский домкрат и стал ждать. Жители Мартиники, увидев это, поспешили на своих судах. По мере того как каждый человек поднимался на борт, он убивал его, пока не остались только те, кто остался на небольших судах, прибывших за грузом. Все эти суда, числом двадцать, он сжег, за исключением одного: на него он посадил оставшихся в живых и отправил их обратно на Мартинику с печальной вестью. Это был жестокий, бессердечный трюк и самый подлый из всех методов мести. После этого корабли Робертса снова вышли в море.

И так продолжалась грабительская жизнь. Когда после удачного периода они оказывались обеспеченными всем необходимым, то предавались зверскому пьянству: в самом деле, среди них считалось преступлением не быть в состоянии опьянения. И вот, обнаружив, что их богатства уменьшаются, они снова взяли курс через Южную Атлантику к побережью Гвинеи, чтобы добыть золото. Они столкнулись с двумя французскими кораблями, один из которых был 10-пушечным, а другой - 75-пушечным. На первом было шестьдесят пять человек, а на втором - семьдесят пять. Но как только эти трусы узнали черный флаг, они сдались. Забрав с собой два приза, пираты отправились в Сьерра-Леоне. Один из новых кораблей Робертс назвал "*Рейнджер*", а второй использовал как складское судно.

После еще шести недель, проведенных в Сьерра-Леоне в излишествах, они вышли в море, и после новых захватов и наслаждения своими богатствами обнаружили, что их ресурсы все еще нуждаются в пополнении. Праздник и веселье проделали большую брешь в их капитале, и если они хотели сохранить жизнь, то должны были немедленно заняться делом. Поэтому они крейсировали, задерживали незащищенные торговые суда, освобождали их от груза, а затем сжигали или топили те прочные корпуса, которые были гордостью многих кораблестроителей и многих владельцев. Но время расплаты подошло, и для захвата Робертса и его судна были посланы H.M.S. *Swallow* и другой военный корабль. Были получены точные сведения о том, где можно найти пиратов, и дело должно было решительно решиться. Немного южнее экватора, там, где "линия" касается западного побережья Африки, возвышается мощный мыс, известный как мыс Лопес. У этой точки лежал Робертс.

Ласточке повезло, что она узнала, что нужный ей человек находится здесь, и она как можно быстрее направилась в ту местность. Те, кто служил у пирата, заметили этот странный парус, и Робертс послал один из своих кораблей, чтобы догнать и вернуть ее. Пират слышал, что на его поиски отправлены два военных корабля, но он так удачно избежал их бдительности, что стал слишком самоуверенным и беспечным. И в данном случае он решил, что это всего лишь еще одно несчастное судно, которое должно пополнить список его жертв. Но когда пилот "*Ласточки*" увидел приближающееся пиратское судно, он применил хитроумную хитрость. Он изменил курс и ушел от нее, но при этом дал ей хорошую фору и позволил постепенно догнать корабль. Но это произошло только после того, как пиратка удалилась от своего корабля.

Когда пиратка подошла, полная уверенности, что приз скоро будет ее, она, как обычно, подняла свой черный флаг и выстрелила. Но когда стало уже поздно, они обнаружили, что это был военный корабль и он не мог сравниться с пиратом. Последний находился слишком далеко от корабля Робертса, чтобы ему можно было оказать помощь, поэтому, видя, что сопротивление бесполезно, он попросил четверть. Ее просьба была удовлетворена, а экипаж быстро взяли в плен, но только после того, как она потеряла уже десять человек убитыми и двадцать ранеными, в то время как на "*Ласточке*" не было ни одного раненого.

Пиратский адмирал все еще лежал у мыса, и однажды утром его команда подняла голову и увидела зрелище, которое не доставило им никакого удовольствия. Над сушей виднелись мачты "*Ласточки*", когда корабль огибал мыс. В это время Робертс завтракал внизу, и некоторые члены команды спустились вниз, чтобы сообщить ему об этом зрелище. Но Робертс был гораздо больше заинтересован в еде, чем в корабле, и отказался волноваться. Это могло быть португальское судно, или французский работороговец, или их собственный "*Рейнджер*", возвращающийся обратно. Но по мере приближения судна экипаж начал проявлять исключительный интерес. Это был военно-морской корабль "*Ласточка*". Спорить с этим было бесполезно, поскольку среди пиратской команды был человек по имени Армстронг, который ранее служил на борту этого военного корабля и дезертировал. Он

слишком хорошо знал ее, чтобы обращать внимание на тех, кто оспаривал ее личность. Но Робертс все равно не нервничал и клеймил трусами тех, кто расстраивал его людей. Даже если она и была *Ласточкой*, какое это имело значение? Неужели они боялись сражаться с ней?

Но если на борту пирата и оставались какие-то сомнения, то они мгновенно развеялись, когда стало видно, что *"Ласточка"* поднимает порты и готовит пушки к бою. Британские цвета развевались, и даже Робертс подумал, что пора что-то делать. Он уже неплохо разобрался в ситуации, поэтому ему пришлось спустить трос, спуститься на воду и приказать своим людям взяться за оружие. Все это время он не проявлял робости, но время от времени произносил клятвы, намереваясь быть готовым ко всему, что *"Ласточка"* захочет предпринять. Пиратские паруса были распушены, и корабль двинулся в путь. Робертс не терял головы, хотя и был не в духе из-за того, что ему пришлось прервать утреннюю трапезу. Он подозвал к себе Армстронга и расспросил его об устройстве *"Ласточки"*. Армстронг сообщил ему, что она лучше всего идет по ветру, поэтому, если Робертс захочет уйти, ему лучше всего будет бежать до ветра, так как в этом случае *"Ласточке"* будет нелегко его догнать.

Но два корабля приближались друг к другу, и времени на обдумывание тактики уже не оставалось. Нужно было принимать быстрые, но не поспешные решения, и Робертс решил действовать именно так: Он пройдет совсем близко от *"Ласточки"* под полным парусом и примет ее широким бортом, прежде чем сделать ответный выстрел. Если пирату посчастливится быть выведенным из строя или если его мачты и паруса будут отстрелены, то корабль будет выброшен на берег в этом месте, и каждый человек сможет устроиться среди туземцев. Но если этот способ спасения окажется неосуществимым, Робертс намеревался подвести свой корабль к *"Ласточке"* и взорвать их вместе. Причиной, побудившей его пойти на столь отчаянные меры, была старая глупость, ставшая причиной стольких бедствий как для наций, так и для флотов и отдельных кораблей. Одним словом, он был неподготовлен, как и его команда. Сам он не ожидал увидеть *"Ласточку"*, а его люди были либо пьяны, либо пассивно храбры; в любом случае это не та острая, бдительная команда, которая может выиграть сражение.

Но в этом человеке было любопытное тщеславие старого времени, которое показывает, насколько серьезно относились к себе эти пираты-скиперы. Одетый в богатый малиновый жилет и бриджи, в шляпе красное перо, на шее золотая цепь с бриллиантовым крестом, он стоял на своей палубе, меч в руке, а две пары пистолетов висели на конце шелковой перевязи, перекинутой через плечо, как это было принято у пиратов и как можно увидеть на старых гравюрах с изображением этих людей. Он великолепно играл роль командира, смело отдавая приказы. Когда его корабль сблизился с *"Ласточкой"*, он принял ее огонь и поднял свой черный флаг, отвечая огнем на огонь военного корабля. Он поставил все паруса, какие только мог, и, когда корабль рванул по воде, стал палить по *"Ласточке"*. Жаль, что он не последовал совету Армстронга и не направил корабль против ветра. Если бы он так поступил, то мог бы спастись. Но то ли из-за перемены ветра, то ли из-за плохого рулевого в азарте борьбы, паруса с опущенными галсами сбились, и во второй раз *"Ласточка"* подошла к нему совсем близко. С этого момента началась бы отчаянная борьба, но виноградная пуля попала ему в горло, и вскоре он умер. Он лежал на снастях одного из корабельных орудий. Человек у штурвала, заметив его там и увидев, что он ранен, подбежал к нему и стал ругать его, приказывая встать и сражаться как мужчина. Но когда матрос к своему ужасу обнаружил, что его начальник уже мертв, он разрыдался и понадеялся, что следующий выстрел уложит его самого. Вскоре безжизненное тело смелого, отважного, находчивого Робертса было

сброшено с борта в воду с оружием и украшениями, как он неоднократно выражал желание быть похороненным при жизни.

Дальнейшее рассказывается быстро. Вскоре пиратский корабль был захвачен, а команда арестована. На борту корабля их строго охраняли, а затем доставили в замок Кейп-Кост, где они подверглись длительному суду. Как и многие старые контрабандисты, эти пираты долгое время оставались непокорными и нераскаянными, но после некоторого опыта скучного заточения в замке и неизбежности смерти они изменили свой нрав, "стали серьезными, раскаявшимися и ревностными в своих набожных делах". Их разбойные деяния на море были столь вопиющими, что не составило труда вынести обвинительный приговор.

ГЛАВА XVII

ПАУЛ ДЖОНС, ПИРАТ И КАПЕР

Теперь мы переходим к рассмотрению подвигов еще одного исторического персонажа, чья жизнь и приключения всегда будут вызывать неизменный интерес по обе стороны Атлантики. И все же, пожалуй, этот удивительный шотландец сегодня больше известен в Америке, чем в Великобритании. Как и многие другие до него, он прошел путь от рядового моряка до человека, которого если не уважали, то боялись. Его слава прославилась в художественной литературе, и, вероятно, многие истории, героем которых он стал, не имели под собой никакой основы.

Существуют некоторые споры относительно его рождения, но кажется вполне определенным, что он был сыном Джона Пола, главного садовника в поместье лорда Селкирка близ Кирккудбрайта. Пол Джонс впервые увидел свет в 1728 году. Воспитанный на берегах Солуэй-Ферт, он, скорее всего, отказался от роли помощника своего отца и предпочел море садоводству. В его характере проявились многие из тех черт, которые так характерны для пиратской породы. Чтобы представить себе Пола Джонса, нужно вспомнить дику, безрассудную натуру, горящую энтузиазмом к приключениям, но при этом чрезмерно тщеславную и жаждущую признания. Он был мятежником, капером, пиратом и контрабандистом; он был злодеем, ссорился, был мелочным и подлым. Наконец, он был предателем своей страны. К моменту смерти он прожил самую разнообразную жизнь, успел послужить на торговых судах, рабах и военных кораблях.

Совершив несколько рейсов в Вест-Индию на торговом судне в качестве рядового и трудоспособного матроса, он получил звание помощника, а затем поднялся до звания мастера. Вскоре после разрыва между Англией и Америкой он оказался в Новой Англии, и именно тогда он поддался искушению оставить свой национальный штандарт и переметнуться на сторону революционеров, для чего сменил свое настоящее имя Джон Пол на имя Пол Джонс. Несмотря на то что биографы справедливо осуждают Джонса как предателя, я считаю, что эта перемена произошла не столько из-за желания стать врагом британской нации, сколько из-за непреодолимой жажды странствий и неукротимого стремления к приключениям, на которые мы уже обращали внимание. Есть люди, которым никогда не надоедает воевать. Как только заканчивается одна кампания, они несчастны до тех пор, пока не начнется другая, чтобы они могли найти полный выход своему духу. Для таких людей повседневная мирная жизнь - это вечное однообразие, и если они не могут

отправиться бродить и странствовать, сражаться или исследовать, их души почти взывают к свободе.

Так, я убежден, было и с Полом Джонсом. Для такого человека национальности значат не больше, чем некие искусственные соображения. Единственные реальные различия - это различия между сушей и морем. Он знал, что в предстоящей войне найдет именно то приключение, которое его восхищает; у него будут все шансы получить добычу, а его природные данные, физические и умственные, как нельзя лучше подходят для такой деятельности. Он обладал особыми знаниями о британской лоцманской проводке, так что был моряком, которого явно стоило бы иметь для любых мародерских экспедиций, которые могли бы начаться. Так что в 1777 году мы видим его очень занятым в качестве командира, оснащающего каперский корабль "*Рейнджер*". На этом судне было установлено 18 пушек, а также несколько вертлюжных орудий, а отчаянная команда состояла из 150 способных людей.

Выйдя в море, он совершил два захвата на европейской стороне Атлантики, отправив каждый из этих призов во французский порт. Следующей весной он сделал еще один шаг вперед в своем характере мятежника, поскольку появился у побережья Камберленда и начал атаковать часть Англии, которая, должно быть, была ему хорошо известна. Он вышел на берег еще днем, но до наступления темноты стоял в стороне. В полночь он подошел ближе и в мрачном молчании отослал свои лодки с тридцатью людьми, хорошо вооруженными и готовыми к отчаянному делу. Их целью был Уайтхейвен, вход в гавань которого контролировала небольшая батарея, так что первым делом они, очевидно, должны были заняться именно ею. Высадившись с большой осторожностью, они бросились на небольшой гарнизон и взяли всех в плен. Орудия батареи были заколочены, и теперь они приступили к следующей дерзкой затее.

В гавани корабли лежали бок о бок, так как прилив закончился. Добрые жители города спали в своих постелях, и все условия были идеальными для того, чтобы сжечь судно там, где оно стояло. Очень незаметно люди занялись своим делом и разложили на палубах горючие материалы, готовые к стрельбе, как только будет дан сигнал. Но в этот момент что-то произошло. В двери на главной улице маленького городка громко постучали, люди начали просыпаться и суетиться, а вскоре послышались голоса и толпы людей, сбегających к пирсу. Теперь мародерам нужно было спешить с остальными делами, ведь тревога была объявлена, и нельзя было терять ни минуты. Поэтому люди капера поспешно бросили спички на палубу, затем сели в лодки и быстро отплыли к своему кораблю.

Но, к счастью, жители Уайтхейвена подросли как раз вовремя. Они успели погасить пламя до того, как был нанесен серьезный ущерб. То, чему они радовались, сильно раздражало людей капера. Но кто же был тот добрый друг, который взял на себя труд разбудить город? Кто был так добр, что сразу постучал в двери и лишил мародеров их ночной работы? Когда береговая команда капера собралась на палубе, выяснилось, что одного человека не хватает, и это был тот самый парень, который по каким-то совестливым или житейским соображениям перешел на другую сторону и тем самым спас и имущество, и жизнь.

Итак, Джонс прошел несколько миль на север, пересек знакомый ему Солуэй-Ферт и вошел в реку Ди, на левом берегу которой стоит Кирккудбрайт. Он вошел в устье реки на рассвете и бросил якорь у замка лорда Селкирка. Когда туземцы увидели на своей реке этот воинственный корабль с пушками и грозным видом, они стали опасаться, что это военный корабль, пришедший набирать людей для военного флота. Случилось так, что благородный лорд был в Лондоне, и когда слуги в замке увидели то, что они приняли за королевский

корабль, они попросили у леди Селкирк разрешения уйти и спрятаться, чтобы их не взяли на службу. С корабля была послана лодка, на которую высадился сильный отряд мужчин и направился к замку, который, к всеобщему удивлению, они окружили. Леди Селкирк только закончила завтрак, когда ее позвали предстать перед предводителем мужчин, грубая одежда которых вскоре показала, что это за люди. Вооруженные пистолетами, мечами, мушкетами и даже американским томагавком, они спросили лорда Селкирка, но получили ответ, что его светлость в отъезде.

Следующим требованием было передать все семейное имущество. Так что все, что было в замке, было отдано, вплоть до серебряного чайника, который стоял на столе для завтрака и еще не был вымыт. Серебро было упаковано, и с многочисленными извинениями за то, что им пришлось заниматься этим "грязным делом", как назвал его один из офицеров, пираты вернулись на свой корабль гораздо более богатыми, чем отправились в путь. Но обитатели замка были не только удивлены, но и благодарны за то, что за их жизни не потребовали ни тарелки, ни их самих. Через некоторое время корабль отправился в путь и вышел в море без дальнейших происшествий. Остальная часть этой истории с тарелкой выглядит следующим образом и показывает еще одну сторону характера сына главного садовника: через несколько дней после этого визита леди Селкирк получила письмо от Джонса, в котором он извинялся за содеянное и заявлял, что этот налет не был ни предложен, ни санкционирован им. Напротив, он использовал все свое влияние, чтобы предотвратить его появление. Но его офицеры и команда настаивали на этом, намереваясь захватить лорда Селкирка, за выкуп которого они надеялись получить крупную сумму денег.

В подтверждение своей невиновности в этом деле Пол Джонс добавил, что постарается выкупить у своих сообщников добычу, которую они привезли, и даже если не сможет вернуть все, что сможет, то отправит обратно все, что сможет. Не стоит задумываться, действительно ли леди Селкирк поверила такому заявлению; но правда в том, что примерно через пять лет все пластины вернулись обратно, оплатив карету, в точно таком же состоянии, в каком они покинули замок. Судя по всему, ее так и не распаковали, потому что чайные листья все еще лежали в заварочном чайнике, точно в таком же виде, в каком их доставили в то волнующее утро.

Но вернемся к кораблю. Оставив за кормой Солуэй-Ферт, Джонс направился к ирландскому побережью и вошел в Белфаст-Лаф, по пути развлекаясь тем, что сжег или захватил несколько рыбацких судов. Но случилось так, что его заметил капитан Бердон со шлюпа *H.M.S. Drake*. Увидев приближающийся корабль Джонса, он принял его за торговое судно и решил, что с него можно захватить несколько моряков. Поэтому офицер спустил шлюпку и отправил ее в путь. Но когда команда шлюпки поднялась на борт судна Джонса, их ждал сюрприз всей жизни: вместо того чтобы арестовать, они сами были арестованы. После этого Джонсу показалось более благоразумным оставить Белфаст в покое и скрыться от поимки. Тем временем капитан Бердон начал беспокоиться за своих людей, ведь лодка не возвращалась. Более того, он заметил, что предполагаемый торговец сейчас наваливается на все возможные паруса, поэтому сразу же приготовил свой шлюп к погоне, приготовился к бою и, подойдя к каперу, начал резкий обстрел.

Однако наступила ночь, и стрельбу пришлось прекратить, но с рассветом бой возобновился и продолжался в течение часа. С обеих сторон завязалась ожесточенная схватка, и в конце концов капитан Бердон и его первый лейтенант были убиты, а двадцать человек из команды выведены из строя. Топовая мачта "*Дрейка*" была отстрелена, а сам корабль получил значительные повреждения, так что у капера не оставалось другого выхода, кроме как сдаться.

Но поскольку оба берега Ирландского канала были теперь разъярены против Джонса, он решил покинуть эти места и, взяв с собой приз, направился в Брест, куда прибыл в целости и сохранности. В следующем году вместо *"Рейнджера"* он получил под командование фрегат *"Бон Хом" "Ричард"*, 40-пушечный корабль с 370 членами экипажа. Кроме него, в его распоряжении были фрегат *"Альянс"* с 36 пушками и 300 человек команды; бриг *"Месть"* с 14 пушками и 70 людьми; куттер в восемнадцать тонн; французский фрегат *"Паллас"*. Все они, кроме последнего, находились на службе у Американского конгресса. Немного дальше Бреста по побережью Бискайского залива находится Л'Ориент, и из этого порта Джонс отплыл с вышеупомянутым флотом летом 1779 года, прибыв к побережью Керри, где он отправил команду шлюпки на берег, чтобы привезти овец. Но туземцы схватили команду лодки и посадили их в тюрьму Трали.

После этого Джонс отправился на восток Шотландии и захватил несколько призов, все из которых он отправил во Францию. В конце концов он решил предпринять не менее грандиозный план, чем сжечь суда в гавани Лейта и собрать дань с необороняемых городов побережья Файфшира. Он вошел в Ферт-оф-Форт, но поскольку и ветер, и прилив были плохими, он отпустил судно под островом Инчкейт. На следующий день он поднял якорь и снова попытался пройти Лейт, но бриз усилился до штормового, и он повалил одну из своих топмачт, в результате чего его отнесло вверх и он покинул Ферт. Теперь он вновь присоединился к своей эскадре и крейсировал вдоль восточного побережья Англии. В конце сентября он столкнулся с британским конвоем, шедшим из Балтики, который сопровождали два военных корабля, а именно *H.M.S. Serapis* (44 орудия) и *H.M.S. Countess of Scarborough* (20 орудий). Затем последовало самое запоминающееся сражение. Чтобы читатель имел возможность понять, насколько сильным противником был этот Пол Джонс и как этот корсар смог заставить корабль Королевского флота задраить флаги, я прилагаю следующую депешу, написанную капитаном Пирсоном, командовавшим *"Сераписом"*. *Графиня Скарборо* находилась под командованием капитана Томаса Пирси, и этот офицер также подтвердил рассказ о катастрофе. Рассказ настолько краток и ясен, что не нуждается в дополнительных пояснениях. Письмо было написано с острова Тексель, куда Пирсон был доставлен впоследствии: - "Фрегат *"Паллас"* в составе команды капитана Томаса Пирси.

"Фрегат *"Паллас"* на службе Конгресса,
Тексель, 6 октября 1779 года.

"23-го числа, когда мы были близки к Скарборо около двенадцати часов, на борт поднялась шлюпка с письмом от судебных приставов этой корпорации, в котором сообщалось, что на побережье находится летучая эскадра неприятельских кораблей, причем часть этой эскадры была замечена отсюда накануне, когда она стояла к югу. Как только я получил эти сведения, я дал сигнал конвою спуститься под мое лее и повторил его из двух орудий; несмотря на это, корабли конвоя держали ветер со всеми парусами, вытянутыми на юг из-под Фламборо, пока между двенадцатью и часом ночи самые головные из них не увидели корабли противника, которые тогда преследовали их. Тогда они взяли галсы и направились под берегом к Скарборо, распуская листы своего топгаланта и стреляя из пушек; тогда я поставил все паруса на ветер, чтобы оказаться между вражеским кораблем и конвоем, что мне вскоре и удалось. В час дня мы увидели неприятельский корабль с верхушки мачты, а около четырех часов с палубы стало ясно, что это три больших корабля и бриг! Я подал сигнал *графине Скарборо*, чтобы она присоединилась ко мне, так как она была на берегу с конвоем; в то же время я подал сигнал конвою, чтобы он лучше держался своего пути, и повторил этот сигнал

из двух пушек. Затем я дал сигнал, чтобы *графиня Скарборо* подошла, и привел корабль в порядок.

"В половине пятого *графиня Скарборо* присоединилась ко мне, корабли противника шли на нас с легким бризом на S.S.W.; в шесть мы взяли галс и легли головой на берег, чтобы лучше держаться между кораблями противника и конвоем; вскоре после этого мы увидели, что корабли, идущие на нас, - это двухпалубный корабль и два фрегата, но из-за того, что они держались к нам концом, когда шли на нас, мы не могли различить, какого они цвета. В двадцать минут седьмого самый большой из этих двух кораблей подошел к нам с подветренной стороны на расстояние мушкетного выстрела. Я окликнул его и спросил, что это за корабль? Они ответили по-английски: "*Принцесса Ройал*". Тогда я спросил, кому они принадлежат? Они ответили уклончиво; тогда я сказал им, что если они не ответят прямо, то я выстрелю в них. Тогда они ответили выстрелом, на который тут же ответили выстрелом в борт; после двух или трех выстрелов в борт он спустил паруса и упал на нашей четверти, в пределах пистолетного выстрела; затем снова наполнился, положил руль на ветер, подвел нас к борту на нашей погодной четверти и попытался взять нас на абордаж, но, получив отпор, отвалил: После чего я задрал наши паруса, чтобы снова стать с ним вровень; как только он заметил это, он наполнился, положил руль на погоду и положил нас на галс; его мичманские шпангоуты взяли наш стаксель-бум, который висел некоторое время, пока наконец не поддался, и мы опустились рядом друг с другом головой и кормой, когда флюк нашего запасного якоря зацепил его четверть, мы стали так близко к носу и корме, что дула наших пушек касались бортов друг друга.

"В таком положении мы находились с половины восьмого до половины десятого; за это время от большого количества и разнообразия горючих веществ, которые они бросали на наши палубы, цепи и, короче говоря, во все части корабля, мы горели не менее десяти или двенадцати раз в разных частях корабля, и нам с величайшим трудом и напряжением, какое только можно себе представить, удавалось иногда их потушить. В то же время самый крупный из двух фрегатов в течение всего боя обходил нас с парусами, загребая то носом, то кормой, и таким образом убил или ранил почти всех людей на квартердеке и главной палубе. В половине девятого, то ли от ручной гранаты, брошенной в один из наших портов на нижней палубе, то ли от какой-то другой случайности, загорелся патрон с порохом, пламя которого, перебегая от патрона к патрону по всей корме, взорвало всех людей и офицеров, которые были расквартированы на корме грот-мачты; от этого прискорбного обстоятельства все эти пушки стали бесполезными до конца боя, и я боюсь, что большая часть людей потеряет свои жизни.

"В десять часов с корабля, стоящего рядом, позвали в каюту и сказали, что нанесли удар. Услышав это, я обратился к капитану, чтобы он сказал, ударили ли они, или он просит четверть; но, не получив ответа, повторив свои слова два или три раза, я позвал абордажников и приказал им высадиться, что они и сделали; но как только они оказались на борту, они обнаружили, что большее число людей лежит под прикрытием, с пиками в руках, готовые принять их; После чего наши люди мгновенно отступили на свой корабль и снова вернулись к своим пушкам до половины десятого, когда фрегат, пройдя через нашу корму, снова стал поливать нас широким бортом, и мы не смогли поднять на него ни одного орудия, я счел тщетным и, короче говоря, нецелесообразным, исходя из ситуации, в которой мы находились, стоять дольше с какой-либо перспективой на успех; поэтому я нанес удар. Наш грот-мачта в то же время ушла за борт.

Первый лейтенант и я были немедленно препровождены на корабль, стоящий рядом, и мы обнаружили, что это американский военный корабль "*Бон Хом Ричард*", сорок пушек и 375

человек, под командованием капитана Пола Джонса; другой фрегат, который нас атаковал, - "Альянс", сорок пушек и 300 человек; а третий фрегат, который после двухчасового боя захватил *графиню Скарборо*, - французский фрегат "Паллас", тридцать пушек и 275 человек; вооруженный бриг "Месть", двенадцать пушек и 70 человек; все на службе Конгресса, под командованием Пола Джонса. Они отплыли из Порт-л'Ориента в конце июля и пришли примерно на север. У них на борту 300 английских пленных, которых они захватили на разных судах по пути из Франции и выкупили некоторых других. Поднявшись на борт "Бон Хом Ричарда", я обнаружил, что он находится в самом бедственном положении: его каюты и стойка на нижней палубе были полностью разрушены, а все орудия на нижней палубе демонтированы; кроме того, он горел в двух местах, а в его трюме было шесть или семь футов воды, которая продолжала прибывать к ним всю ночь и следующий день, пока они не были вынуждены покинуть его. В этом бою было убито и ранено 300 человек. Наши потери на "Сераписе" также были очень велики.

"Мои офицеры и люди в целом вели себя хорошо; и я был бы очень небрежен в своем внимании к их заслугам, если бы не порекомендовал их на благосклонность их светлости.

В то же время я должен просить разрешения сообщить их светлостям, что капитан Пирси на "Графине Скарборо" не проявил ни малейшей небрежности в исполнении своего долга, оказав мне всю возможную помощь; и, насколько можно было ожидать от такого корабля, он привлекал внимание "Палласа", фрегата из тридцати двух орудий, в течение всего боя.

"Я крайне сожалею о случившемся несчастье - потере корабля Его Величества, которым я имел честь командовать; но в то же время я льщу себя надеждой, что их светлости убедятся, что она не была отдана, а, напротив, что все усилия были использованы для ее защиты, и что из этого вытекают две важные услуги для нашей страны: одна - в том, что мы полностью сорвали крейсерство и намерения этой летучей эскадры; другая - в том, что мы спасли весь ценный конвой от попадания в руки врага, что должно было произойти, если бы я действовал иначе, чем я действовал. С тех пор как мы действовали, мы разъезжали по Северному морю, стараясь попасть в любой порт, в который только могли; но нам не удавалось попасть ни в одно место, пока сегодня мы не прибыли в Тексель. При сем прилагаю вам самый точный список убитых и раненых, который мне удалось получить, так как мои люди были рассеяны по разным кораблям, и мне не разрешили составить их.

"Р. Пирсон.

"P.S. Мне отказано в разрешении дожидаться сэра Джозефа Йорка^[3] и даже сойти на берег".

"Убитыми были: 1 боцман, 1 помощник капитана, 2 мичмана, 1 квартирмейстер, 29 матросов, 15 морских пехотинцев - 49.

"Ранены: второй лейтенант Майкл Стэнхоуп, лейтенант Уайтмен, морские пехотинцы, 2 помощника хирурга, 6 старшин, 46 матросов, 12 морских пехотинцев - всего 68 человек".

Очевидно, что британские офицеры сражались на своих кораблях очень галантно, и король выразил свою признательность, наградив капитана Пирсона рыцарским званием, а вскоре после этого Пирси был повышен в звании до капитан-капитана, также повышения получили и другие офицеры. Но признание было выражено не только государством, но и городом: директора Королевской биржевой страховой компании подарили Пирсону кусок пластины стоимостью в сто гиней, а Пирси - аналогичный подарок стоимостью в пятьдесят гиней. Они

также выразили благодарность офицерам за защиту богатых флотов, находящихся под их опекой.

Британскому послу, сэру Джозефу Йорку, с большим трудом удалось добиться освобождения пленников, которых Пол Джонс взял с кораблей Его Величества, и хотя он настойчиво убеждал Генеральные штаты задержать Джонса и его корабли как мятежного подданного с незаконными судами, эскадре, после тщательной блокады, удалось темной ночью бежать в Дюнкерк. В результате боя Джонс потерял свой корабль "*Бон Хом Ричард*" и теперь сделал "*Альянс*" своим флагманом.

С этого момента история Пола Джонса не может быть завершена. В течение нескольких лет его передвижения были несколько загадочными, хотя известно, что однажды он переплыл Атлантику за удивительное время - три недели - с депешами от американского конгресса. Затем слава этого замечательного человека начала угасать. После заключения мира деятельный ум и пылкий дух этого Пола Джонса оказались невостребованными, и он стал бороться с оковами безработицы. Правда, в 1788 году он предложил свои услуги императрице России, но, похоже, очень скоро уехал в Париж, где и провел остаток своей жизни. Во французском флоте для него не нашлось работы, и в конце концов он дошел до крайней нищеты и окончил свои дни в 1792 году. Читатель, несомненно, помнит, что менее десяти лет назад Соединенные Штаты переправили тело Пола Джонса через Атлантику и перезахоронили в Северной Америке.

Оценить характер столь противоречивого человека, как Пол Джонс, не совсем просто. Если бы он родился в другую эпоху и оказался в других обстоятельствах, неизвестно, насколько прославленным он мог бы стать. Он, безусловно, был великолепным моряком и бойцом, но прежде всего он был авантюристом. Его боготворили как героя в Америке и Франции, он наводил ужас на Британию. Его последний биограф утверждает, что череп и скрещенные кости никогда не развевались на его мачте и что он никогда не ходил под парусами с марковой грамотой. Но это всего лишь мелочь, которая может спасти его от причисления к самым известным пиратам в истории. Пират - это человек, совершающий пиратские действия. Мне кажется, нет никакой разницы в том, поднимает ли он условный черный пиратский флаг или нет. Не флаг делает пирата пиратом, а поступки и намерения, за которые он отвечает. И если его биограф прав, утверждая, что Джонс никогда не был капером, это еще одно доказательство того, что, совершая набеги на Уайтхейвен, побережье Шотландии, Ирландии, Англии, захватывая и сжигая в морях торговые и рыболовецкие суда, забирая их экипажи в рабство, он действовал без малейшей доли законности, а значит, был пиратом в чистом виде.

Пиратом - и очень дерзким пиратом - он, безусловно, был, хотя в первую очередь он был моряком удачи. Как видно из его жизни, преданность приключениям была гораздо выше преданности национальности - шотландской, английской, французской, американской или русской. Он был готов и стремился отправиться туда, где шли бои, где можно было добиться славы. Он был человеком, который презирал тех, кто не держал своего слова, и случай, когда он выполнил обещание, данное леди Селкирк в отношении семейной тарелки, во всяком случае, в жизни Пола Джонса, доказывает, что иногда честь есть и среди воров. Но его смерть в нищете - лишь еще одна иллюстрация трагического финала, который был характерен для жизни многих известных пиратов.

ГЛАВА XVIII

ПЕЧАЛЬНО ИЗВЕСТНЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ ПИРАТ

Пресловутый морской разбойник, о котором пойдет речь в следующей главе, представляет особый интерес для английского и американского читателя, поскольку он был членом экипажа "*Чесапики*" во время его исторической дуэли с "*Шенноном*". Этот Чарльз Гиббс родился в штате Род-Айленд в 1794 году. По угрюмому, несговорчивому характеру, который он проявлял в детстве, любой знаток человеческой природы мог бы догадаться, что его карьера обещает быть не слишком удачной, а когда все его силы были развиты, он окончательно превратился в необычайно жестокого морского разбойника. От одной жестокости к другой он опускался все ниже и ниже, пока неизбежная виселица не была готова положить конец его злодеяниям.

Обладая бродячим духом, который всегда был характерен для тех, кому суждено было стать пиратами, в пятнадцать лет он бросил работу фермера, сбежал из дома и записался в команду американского шлюпа "*Хорнет*". У побережья Пернамбуко этот корабль участвовал в бою и захватил шлюп "*Пикок*". Командиром первого был капитан Лоуренс, по возвращении его назначили командиром "*Чесапики*", и Гиббс сопровождал его на этом корабле. Когда "*Шеннон*" вышел из боя победителем, выжившие были взяты в плен и заключены в Дартмуре, среди них был и Чарльз Гиббс. Когда пленных обменяли, он вернулся в Бостон - капитан Лоуренс пал во время боя.

На некоторое время Гиббс оставил море и занялся бизнесом, но вести респектабельную жизнь на берегу ему не удалось, и он снова вышел в море, на этот раз на борту капера, принадлежащего Буэнос-Айресу; но из-за ссоры, возникшей между офицерами одной части и командой по поводу раздела призовых денег, произошел мятеж. Мятежники одержали победу и завладели кораблем. Они отправились к побережью Флориды, высадили часть команды корабля, а затем отплыли в Вест-Индию для совершения своих пиратских подвигов, и за короткое время захватили более двадцати кораблей и убили около четырехсот человек, а Гаванну использовали как порт, где можно было удобно распорядиться награбленным. О таком человеке, как Чарльз Гиббс, трудно говорить хладнокровно. Он был не просто пиратом, а самым отъявленным негодяем и убийцей. О нем можно сказать совершенно искренне, что с его смертью мир ничего не потерял, а только выиграл. Пират, который в горячке, когда ему яростно противостоит другой, убивает своего обидчика, - преступник, которого мы можем понять, но не оправдать. Но человеческий изверг, который без особой причины проливает кровь и лишает женщин мужей, а детей - отцов, - это воплощенный дьявол. Таким был Гиббс.

В 1819 году он покинул Гаванну и вернулся в Соединенные Штаты. Его состояние, накопленное в результате многочисленных пиратств, составляло около 6000 фунтов стерлингов. Проведя некоторое время в Нью-Йорке и Бостоне, он отплыл в Англию на корабле "*Эмеральд*", но в 1826 году снова вернулся в США. Услышав о войне между Бразилией и республикой Буэнос-Айрес, он отплыл из Бостона, чтобы сражаться, если возможно, на стороне республики. Он обратился к адмиралу Брауну и вскоре получил звание лейтенанта, получив назначение на 34-пушечный корабль. В течение четырех месяцев он служил на этом корабле, а затем, в результате его удовлетворительного поведения, получил в командование каперскую шхуну с двумя 24-фунтовыми орудиями и сорока шестью людьми. Отплыв из Буэнос-Айреса, он совершил несколько успешных каперских рейсов, а затем смог приобрести половину акций балтиморской шхуны. Но после выхода в море он был схвачен

через семь дней пути и доставлен в Рио-де-Жанейро, где оставался до объявления мира и в конце концов вернулся в Нью-Йорк.

Еще год он скитался с места на место, а затем французская кампания против Алжира привлекла его, но не для того, чтобы сражаться за французов, а для пиратов. Он сел на корабль, который высадил его в Барселоне, откуда он переправился в Порт-Маон и попытался пробиться в Алжир; но бдительность французского флота не позволила ему приблизиться к Тунису, и в конце концов он вернулся из Марселя в Бостон. Через несколько дней он отправился в Новый Орлеан, где записался в команду брига *"Винъярд"*. До сих пор он вел беспокойную, бродячую, порочную жизнь, предаваясь самообольщению. Он грабил и убивал. Но теперь мы подошли к кульминации и закату его карьеры. Последующие подробности важны для истории, они лучше всяких слов указывают на тип характера, к которому принадлежал Гиббс.

Шкипером этого брига был Уильям Торнби. Он отплыл из Нового Орлеана в Филадельфию с ценным грузом хлопка, сахара, патоки, а также более 10 000 фунтов стерлингов в долларах. Когда судно находилось в пяти днях от порта, команда заговорила о деньгах на борту, и некоторые из них, включая Чарльза Гиббса, решили захватить корабль. Но прежде чем достичь этой цели, они поняли, что им придется убить капитана и помощника. В ночь на 23 ноября, вскоре после полуночи, представилась возможность привести это подлое дело в действие. Один из членов экипажа по имени Доус стоял у руля. Когда бриг бороздил просторы одинокого моря, раскачивая мачты по усыпанному звездами небу, рулевой вдруг увидел, как снизу появился стюард с фонарем в одной руке и ножом в другой. Он опустил фонарь, а затем, взяв верхнюю часть помпы, ударил капитана по голове. Тот закричал "Убийство!", но Гиббс и повар крепко схватили его за голову и за пятки и без дальнейших проволочек перебросили за борт.

Разбуженный неожиданным шумом на палубе, помощник поднялся в люк, но, когда он подошел, двое других членов команды по имени Атвелл и Черч уже ждали его и ударили его по голове как раз в тот момент, когда он спрашивал о причине шума. После этого помощник бросился обратно в каюту, за ним последовал Гиббс, который из-за темноты не смог его найти. Тогда убийца побежал на палубу, взял бинакль, с помощью которого рулевой управлял судном, и вернулся вниз. На этот раз он нашел свою жертву, и двое других членов экипажа сбили его с ног, а затем вытащили на палубу. Доус, поскольку теперь он не мог видеть свой компас, чтобы рулить, оставил штурвал, чтобы посмотреть, что происходит. И пока остальные мужчины тащили помощника, они позвали Доуса на помощь. Через несколько мгновений помощник был перекинут через борт живым, и даже было слышно, как он дважды кричал из воды. Его так и не подняли, и он, должно быть, утонул.

Доус был до крайности напуган этими двумя происшествиями, так что едва ли знал, что делать. Тогда конфедераты приказали ему позвать человека по имени Джеймс Тэлбот, который отказался участвовать в заговоре. Тэлбот находился на фордевиле и читал молитву. Он поднялся, и конфедераты не стали тут же предавать его смерти, как он ожидал, а, наоборот, дали ему немного грога. Капитан и помощник убрались восвояси, а конфедераты достали бочонок с долларами. Затем они разделили одежду капитана, сумму в восемь фунтов, которой он владел, и золотые часы. Доусу было приказано вернуться к штурвалу и направиться к Лонг-Айленду, а Талбот был вынужден сделать то, что ему было сказано. На следующий день было разделено еще несколько бочонков со специями на сумму 1000

фунтов стерлингов каждый, а сами специи помещены в мешки и зашиты. После этого деньги разделили, не пересчитывая.

Гиббс исполнял обязанности капитана с момента двух убийств, и когда они прибыли примерно в пятнадцать милях к юго-юго-востоку от Саутгемптона, было приказано снять шлюпки, положить в каждую по половине денег, а оставшимся в живых сесть в них. Однако прежде чем это произошло, судно было спущено на воду и подожжено в каюте, так что в скором времени оно должно было стать основателем и не существовать в качестве возможной улики против убийц. Но после того как лодки отплыли к берегу, вскоре после рассвета они уперлись в бар. Одну из них удалось спасти, выбросив за борт около 1000 фунтов стерлингов в долларах, но было видно, как вторая наполняется и основывается, пока находившиеся в ней люди тщетно пытались уцепиться за мачты судна. Однако тем, кто находился на другом судне, повезло больше: они высадились на острове Баррон, закопали деньги в песок и вскоре после этого встретили человека, который отвел их в единственный дом на острове.

Но правосудие, если и задерживалось, то продвигалось вперед уверенными и четкими шагами. В феврале 1831 года Чарльз Гиббс и человек по имени Уэнсли, который был одним из конфедератов, предстали перед судом в Нью-Йорке по обвинению в убийстве капитана Торнби. Уэнсли был негром, его признали виновным и приговорили к смертной казни. Гиббс в свою защиту заявил, что, когда корабль отплыл из Нового Орлеана, он был незнаком со всеми на борту, кроме Доуса и еще одного человека. Он утверждал, что не он сам первым предложил взять деньги, но после того, как эта тема обсуждалась в течение нескольких дней, он согласился присоединиться к заговору. Он даже протестовал, утверждая, что лучше отказаться от плана, поскольку лишать человека жизни и заниматься пиратством - дело серьезное. Это, напомним, была версия Гиббса, но, учитывая его прошлый послужной список, есть все основания полагать, что теперь он добавил ложь к другим своим винам. Через три дня, утверждал он, произошло убийство, и все, что он сделал, - это помог выбросить тело капитана за борт после того, как его ударили, когда он предположил, что его убили. Далее он утверждал, что невиновен в убийстве помощника капитана.

Но судья указал, что даже если Гиббс не совершал убийства, он был рядом и подстрекал убийц, не протягивая руку для их спасения. "Стоять в стороне и подстрекать к совершению преступления - это убийство в той же мере, что и наносить удары ножом, тесаком или стрелять из пистолета. Это убийство не только по закону, но и по вашим собственным чувствам и по вашей совести". Так говорил судья, и тот, кто провел жизнь в разврате и пиратстве, отмеченную убийствами и лишь изредка законными драками, был приговорен к эшафоту. До конца Гиббс, признавая свою вину в пиратстве, все же настаивал на том, что он невиновен в обвинении в убийстве капитана, хотя "это правда, что я стоял рядом и видел, как совершается роковое деяние, и не протянул руку, чтобы спасти его". Уэнсли, однако, чистосердечно признал справедливость приговора и умер с покаянием. Нам нет нужды говорить больше, но если сегодня есть те, кто все еще испытывает тайную привязанность к вчерашним пиратам, мы можем лишь предположить, что хотя немногие из этих пиратов были трусами, нет ни одного, кто показал бы себя не более чем стервятником в человеческом обличье. Очень редко можно встретить случаи, когда эти грубияны проявляли милосердие. Время от времени такие случаи бывают, но они подобны бродячей травинке в пустыне. Личное тщеславие - стремление разбогатеть любой ценой - влечет за собой множество преступлений, и если люди по-прежнему бесчестны в других отношениях, мы можем быть благодарны за то, что массовые убийства времен пиратов давно закончились.

ГЛАВА XIX

ПОСЛЕДНИЕ АЛЖИРСКИЕ КОРСАРЫ

А теперь давайте в последний раз взглянем на это ядовитое место, Алжир. Мы видели, как в течение XVI и XVII веков он постоянно подвергался нападениям и завоеваниям, но вскоре алжирцы снова занялись пиратством. Как только захватчики отозвали свои войска, корсары отстроили свои стены, оснастили их новыми кораблями и отправились бороздить моря и преследовать ни в чем не повинные суда. Они разграбили побережье Французской Ривьеры, сжигая, убивая и разрушая в своей безжалостной манере. И тогда французы были вынуждены послать против них адмирала Дю Кесне, который некоторое время обстреливал это место, пока плохая погода не заставила его отвести корабли из Алжира.

Пиратские разборки начались с новой силой, и дей отправил Людовику дерзкое послание, что если французский монарх даст ему половину денег, в которые обошлась последняя французская экспедиция, то дей с удовольствием сожжет его город! Тогда снова был послан Дю Кесне, который обстрелял Алжир и произвел массовые разрушения. Затем он согласился прекратить обстрел и обсудить условия, но тем временем дей был убит своими же сторонниками, которые теперь избрали нового и приказали вновь водрузить алжирский флаг на стенах. Военные действия возобновились с еще большим рвением, и через несколько дней город был превращен в пепел, а большое количество алжирцев погибло. Это так разгневало нового дея, что он приказал жестоко расправиться со всеми пленными французами, а также с особой жестокостью приказал связать отца Вашера по рукам и ногам, привязать его к мортире и выстрелить, как бомбу, по французскому флоту снаружи.

После этого Дю Кесне подвел свои корабли как можно ближе, уничтожил все их суда, укрепления и здания и, сделав все, что мог, уплыл, оставив алжирцам множество тем для размышлений. Но прошло совсем немного времени, и эти пираты вернули себе хорошее настроение и снова занялись пиратством. Разве это не их профессия и призвание? Разве не такими методами они поддерживали свою жизнь? Они прекрасно понимали, что являются разбойниками, но как другие люди были торговцами, так и они были пиратами. Поэтому дипломатические меры были явно бессильны, и единственным способом справиться с ними было продолжать отправлять экспедицию за экспедицией. В 1700 году капитан Бич напал на семь их судов, загнал их на берег и сжег. Менее чем через сто лет десять американских кораблей были захвачены этими корсарами, а 150 человек из их экипажей взяты в плен. Чтобы вернуть этих людей, американцам пришлось заплатить большой выкуп и построить для Дея 36-пушечный фрегат, но тем самым они получили защиту американских кораблей и право свободной торговли с Алжиром.

На одном из предыдущих этапов этой книги, обсуждая мусульманских корсаров, я уже имел случай упомянуть порт Бона, расположенный немного восточнее Алжира. В 1816 году здесь было открыто предприятие по ловле кораллов под защитой британского флага. Сюда прибыло множество корсиканских, неаполитанских и других итальянских рыболовецких судов. День Вознесения в том году выпал на 23 мая, и когда рыбаки собирались на мессу, из замка раздался выстрел, и одновременно с ним на берег выскочило 2000 пехотинцев и кавалерии, состоящей из мавров, турок и левантийцев. По бедным рыбакам был открыт огонь, и практически все они были истреблены. Английские флаги были разорваны на куски

и растоптаны, дом британского вице-консула разграблен, как и запасы кораллов, добытые рыбаками.

Как только новости об этом инциденте достигли Англии, страна воспряла духом, была собрана и отправлена карательная экспедиция под командованием адмирала лорда Эксмута. Он задержался из-за встречных ветров, но в последнюю неделю июля отправился в путь. Его флагманским кораблем была 120-пушечная *"Королева Шарлотта"*, вторым по рангу был контр-адмирал сэр Дэвид Милн на 90-пушечном *"Неприступном"*. Кроме того, в составе флота было три 74-пушечных корабля, а также множество фрегатов, бригов, бомбард, брандеров и несколько небольших судов, хорошо снабженных шрапнелью и обычными средствами ведения войны того времени. К 9 августа флот прибыл и встал на якорь в Гибралтаре, где к нему присоединился голландский флот из пяти фрегатов и корвета под командованием адмирала Ван Каппиллена. Тем временем H.M.S. *Prometheus* был отправлен вперед в Алжир, чтобы вывезти британского консула и его семью, но не преуспел в этом деле. Переодевшись в форму мичманов, жена и дочь консула смогли бежать, но консул был схвачен деєм и брошен в кандалы. Так как алжирец узнал из французских газет о готовящейся британской экспедиции, а также услышав о побеге миссис и мисс Макдонелл, он немедленно приказал задержать две лодки с корабля *"Прометей"*, которые случайно оказались на берегу. Экипажи были брошены в рабство, но когда эта информация достигла ушей лорда Эксмута, это, если бы чего-то и не хватало, завершило его стремление уничтожить чумное пятно европейской цивилизации.

Итак, флот покинул Гибралтар и 27 августа прибыл в Алжир. Вместе с лейтенантом Берджессом (флаг-лейтенантом адмирала) на берег был отправлен переводчик под флагом перемирия с письмом к дею, требующим репараций, и пока это делалось, флот, пользуясь легким бризом, вошел в бухту и остановился в миле от Алжира. Но, прождав положенное время, так как ответа не последовало, мистер Берджесс и переводчик вернулись на флагманский корабль, где все были готовы и ждали приказа открыть огонь по врагу. Адмирал подал сигнал, чтобы узнать, все ли корабли готовы, и, получив утвердительный ответ, *"Королева Шарлотта"* повела линию к берегу и, к изумлению противника, прошла через все батареи, не сделав ни одного выстрела. Затем она приблизилась на восемьдесят ярдов к тому молу, который, как помнит читатель, был построен много лет назад пленными христианами. В выбранном адмиралом месте был замечен алжирский бриг. Остальные части флота, включая голландские корабли, заняли свои позиции в обычном порядке.

Бомбардировка Алжира

Когда лорд Эксмут атаковал это логово пиратства и жестокости, даже британские женщины служили у тех же орудий, что и их мужья, и ни разу не дрогнули.

Позиция "*Королевы Шарлотты*" была выбрана с большой предусмотрительностью, ведь здесь она подвергалась обстрелу всего трех или четырех фланговых орудий, в то время как ее собственная широкая сторона охватывала все батареи противника. Но до сих пор не прозвучало ни одного выстрела, а на береговых батареях собрались зрители, которые с изумлением смотрели на спокойный порядок, с которым корабли подходили к своей стоянке в такой близости от оборонительных сооружений. Некоторое время лорд Эксмут надеялся, что Дей уступит требованиям его светлости, но эта задержка была вызвана не намерениями противника, а тем, что алжирцы оказались совершенно не готовы к такому внезапному приближению, и их пушки даже не выстрелили. Только когда флот встал на якорь, стало видно, что артиллеристы на берегу заняты делом. До последней минуты британский адмирал был намерен щадить человеческие жизни и даже был замечен на квартердеке неоднократно размахивающим своей шляпой в качестве предупреждения толпе об отходе от мола.

Итак, в 14.45 противник открыл огонь по "*Куин Шарлотт*". Прежде чем звук выстрела достиг его ушей, и пока был виден первый дым, лорд Эксмут отдал приказ стрелять, и затем три широких борта были выпущены примерно за шесть минут, остальная часть флота последовала его примеру. Это вызвало ужасные разрушения на берегу: до 500 человек были убиты или ранены. Затем началась смертельная атака. Это было повторение истории шестнадцатого века. С одной стороны - христианские силы Европы, с другой - неверные корсары и враги рода человеческого. Обе стороны сражались с тем же ожесточением, которое отличало их поединки во многих предыдущих поколениях. Под жарким, всепоглощающим солнцем, когда исчезли последние остатки бриза, артиллеристы стреляли в отличном стиле. Алжирские корабли, оказавшиеся в непосредственной близости от английского флота, вспыхивали и на некоторое время ставили под угрозу деревянные стены Англии. С обеих сторон происходила страшная бойня. У Дей было установлено 500 орудий, и они делали свою работу к нашему большому ущербу, но наши люди и пушки несли смерть в гнездо пиратов, чем очень удивляли алжирцев. В груди захватчиков жила не только ненависть к алжирцам как к неверным и пиратам, но и тот факт, что эти люди были ответственны за захват стольких христианских кораблей и жестокое обращение со многими европейскими моряками, усиливал решимость и энтузиазм, с которым они уничтожали этих ядовитых ос.

Но если враг явно нес большие потери, то и атакующие не обошлись без тяжелых потерь. Около заката контр-адмирал Милн подал сигнал лорду Эксмуту, сообщив, что потери только на "*Неприступном*" составляют 150 человек убитыми и ранеными, и попросил, если возможно, прислать фрегат, чтобы отвести часть огня противника. *Глазго* было приказано идти, и он действительно встал на якорь, но ветер был настолько слабым, что он был вынужден снова отпустить якорь, хотя и в более выгодном положении. Тем временем на берегу полыхало пламя, и дело шло к концу. Один из вражеских фрегатов был доблестно взят на абордаж и подожжен, но теперь все алжирские корабли в порту были охвачены пламенем, а затем огонь со всепожирающей силой перекинулся на арсенал и склады, представляя собой удивительное зрелище на фоне темноты. Наши снаряды были великолепно нацелены, и хотя в некоторых случаях их приходилось выпускать прямо по нашим военным кораблям, с ними не произошло ни одного несчастного случая, пока они шли на поиски своего места в доме алжирских пиратов. И тут, словно для того, чтобы приблизить кульминацию этого жаркого сражения, атакующий флот подвел к батарее противника специальное судно, которое было специально заряжено взрывчаткой. И когда она взорвалась, еще богатый урон был нанесен защитникам. И вот к полуночи батареи противника замолчали, а утром Дей был вынужден капитулировать.

Итог прекрасной атаки лорда Эксмута был таков. Двенадцать сотен христиан были освобождены из ужасного рабства, все требования были выполнены, британский консул получил компенсацию за свои потери, а сам дей в присутствии всех своих офицеров принес извинения за нанесенные оскорбления. И хотя через несколько лет у французов возникли новые проблемы с алжирцами, экспедиция Эксмута нанесла смертельный удар по чудовищу, которое беспокоило Европу на протяжении трех столетий. Бич безбрежного Средиземноморья был уничтожен: убийства и порабощение многих тысяч и тысяч европейских христиан прошлых веков были отомщены, а всеобщий враг, которого не смогли истребить ни Карл V, ни Андреа Дориа, ни многие другие, теперь был низложен. Объединенные эскадры этих двух исторических морских наций - Великобритании и Голландии - показали, что даже такая давно привыкшая к морю раса, как алжирские пираты, не может устоять навеки. За всю историю мира лишь немногие народы сделали так много для развития кораблей и морской мощи, как эти два северных народа, и случай, позволивший им объединить усилия против общего зла такой древности, был необычайно счастливым.

ГЛАВА XX ПИРАТЫ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

На протяжении всего этого тома мы видели, что всегда существовали определенные географические области, которые пираты предпочитали в качестве подходящей сферы для своих странствий. Мадагаскар, Малабар, северное побережье Африки, Вест-Индия - эти и другие районы были местом не одного пиратского инцидента, а десятков.

Персидский залив и по сей день остается не совсем мирным уголком земного шара, которым, несомненно, когда-нибудь станет. Он до сих пор патрулируется Королевским флотом по разным причинам, в том числе и для того, чтобы предотвратить побег пушек. Сколько лет Персидский залив был судоходным, сказать невозможно, но есть все основания полагать, что если первое плавучее судно было замечено на Тигре или Евфрате, то первое мореходное судно было замечено в Персидском заливе. Во всяком случае, несомненно, что аравийцы, населяющие полуостров, отделяющий Красное море от Персидского залива, на ранних этапах истории были величайшими мореплавателями и мореходами. Даже в Средние века для научной навигации, с помощью тех морских приборов, которые были предшественниками нашего современного секстанта, не было мореплавателей, которые могли бы так искусно находить путь через безбрежные моря, как эти жители Аравии.

С незапамятных времен на западной стороне Персидского залива жило арабское племя под названием иоасамаи, занимавшееся морским делом - либо торговлей, либо ловлей жемчуга, либо лоцманами для чужих кораблей, заходящих в залив, либо пиратами. Ведь для них было очевидно, что последнее занятие таит в себе много заманчивого. Поэтому Иоасамаи начали с малого, грабя прибрежные суда в Заливе, и, обнаружив, что их усилия в этом отношении столь успешны, они устремились к большему. Мы говорим сейчас о том захватывающем периоде парусного корабля, который относится к концу восемнадцатого и началу девятнадцатого веков.

Читатель сразу же вспомнит о прекрасных кораблях Ост-Индской компании, так похожих на корабли Королевского флота по внешнему виду, так похожих по дисциплине и фактическому строению. Незадолго до конца XVIII века "*Вайпер*", 10-пушечный ост-индский корабль, стоял на якоре в Буширском рейде. (Бушир - порт на восточной, или персидской, стороне Персидского залива.) В той же гавани стояло на якоре несколько доу. До сих пор эти пираты никогда не приставали к английским кораблям: их внимание было приковано только к местным судам, поэтому с ними не пытались бороться.

Теперь же шкиперы этих доу обратились к персидскому агенту Ост-Индской компании с просьбой о поставке пороха и пушечной дроби на время плавания, и, поскольку у агента не возникло никаких подозрений, он отдал приказ командиру корабля выдать им необходимое количество. Так получилось, что капитан "*Гадюки*" был на берегу, поэтому приказ был предъявлен старшему офицеру, указанное количество было передано, и доу начали отчаливать. Команда "*Вайпера*" завтракала на палубе, а офицеры - внизу, когда без всякого предупреждения пара этих доу начала канонаду "*Вайпера*", а экипажи попытались подняться на борт. Однако "*Индиаман*" не терял времени: офицеры поспешили на палубу, созвали команду в каюты, перерезали пеньковый трос, поставили парус, чтобы быть готовым к маневрированию, и между "*Вайпером*" и четырьмя дау, имевшими много людей и большие пушки, началось упорное сражение. Это был решительный натиск, и лейтенант Каррутерс, командир корабля, был ранен в нижнюю часть тела, но храбро держался, пока не был убит попаданием шара в лоб.

Командование перешло к мичману мистеру Солтеру, который продолжал сражаться не менее мужественно и, после острой схватки, отбросил пиратов и прогнал их в море. Это послужило им суровым уроком, так что прошло несколько лет, прежде чем на британский флаг было совершено еще одно подобное покушение. Но в 1804 году попытка была возобновлена, и следующая история, хотя и немного запутанная, представляет настоящий интерес. Она начинается с крейсера Ост-Индской компании под названием *Fly*, а местом действия является Персидский залив. В то время, о котором мы говорим, корабль находился у острова Кенн, когда на него имел несчастье напасть французский капер. Чтобы не дать врагу взять его на бордаж, судно было намеренно выброшено на отмель, а правительственные депеши, которые оно перевозило, вместе с сокровищами, были выброшены за борт на глубину 2½ сажени, причем сначала были сделаны поперечные крепления, чтобы в будущем их можно было найти. Пассажиры и команда были доставлены в Бушир и отпущены на свободу.

Затем они купили по подписке доу, оборудовали его и отправились по Персидскому заливу в Бомбей. По пути они остановились у острова Кенн, чтобы забрать депеши и сокровища. Первое им удалось снова, и, поскольку времени терять было нельзя, они оставили сокровища и поспешили к своей цели. Но когда они добрались до южной части залива, им повезло еще больше: на них напала флотилия пиратов Джоассами и завела в порт Рас-эль-Хима, который был для этих арабских разбойников тем же, чем Алжир был для корсаров Средиземноморья. Здесь англичане оставались в надежде на выкуп, но такой возможности не представилось. Шли месяцы, и наконец они решили сделать все, что в их силах. Они сообщили пиратскому вождю о сокровищах, затонувших в заливе, и заверили его, что, хорошо засекая место по меткам на берегу, можно извлечь богатство, если кто-нибудь из аравийцев, так привыкших к нырянию за жемчугом, поможет им. Было решено, что если сокровища будут найдены, англичане вернут себе свободу.

Англичане и арабы приплыли на место и бросили якорь там, где указывали крестообразные опоры. Первые водолазы, спустившиеся на дно, были настолько успешны, что вся команда

поочередно погрузилась на дно на пятнадцать футов. И тут появился великолепный шанс на спасение. В то время как практически все эти люди находились под водой на дне моря, казалось, что после стольких месяцев появилась реальная возможность сбежать. Картина не лишена юмора - пленники наверху, на судне, а похитители остаются позади, и им остается только доплыть до берега. Но лучшие планы мышей и людей часто оказываются не такими, как в теории. Трос был перерезан, и то ли плеск веревки в воде, то ли какой-то подозрительный инстинкт в этих примитивных людях выдал заговор, поэтому ныряльщики снова поднялись на поверхность и помешали исполнению желаний пленников.

Но, несмотря на все это, пираты сдержали свое слово. Сокровища были найдены, и пленники получили свободу. Обещание было выполнено *буквально* и не более. Ведь оказавшись на острове Кенн, они не имели возможности вырваться из этой ограниченной свободы, а кроме того, им практически нечего было есть. Пираты сошли на берег в то же самое время и предали смерти всех жителей, а англичане, думая, что наступит их черед, стали прятаться в скалах, как могли, выходя под покровом ночи, чтобы украсть козу или любую еду, которая могла попасться им в руки. Но когда пираты, наконец, завершили свое кровавое дело, они ушли, оставив англичан единственными жителями.

Последним было ясно, что если они хотят сохранить жизнь, то должны покинуть остров, но что им делать с лодкой? И здесь снова происходит один из тех случаев, которые в художественной литературе были бы надуманными. Когда они были в самом отчаянии, им посчастливилось найти на берегу потерпевшую крушение лодку, которую можно было починить. По безмолвному, пустынному городу мореплаватели рыскали, пока не смогли доставить на берег достаточное количество древесины для починки лодки и изготовления плота. Через несколько дней все это было готово, и партия в составе двух отрядов начала пытаться переправиться на персидский берег. Но один из отрядов затонул, и больше их не видели, а другой достиг материка и, следуя вдоль береговой линии, добывая пищу и воду в деревнях, через которые они проходили, после ужасных лишений прибыл в Бушир, сохранив правительственные депеши. Затем они направились в Бомбей, но из всей компании в живых остались только двое, хотя пакет с депешами был наконец доставлен в целости и сохранности.

В следующем году два английских брига также были захвачены этими пиратами, когда первые шли из Бомбея в Буссору, а их команда была доставлена в один из аравийских портов, откуда им удалось бежать, хотя пиратство продолжалось и теперь. К 1808 году эти джоасамаи стали очень сильными и дерзкими. Многочисленные успехи сделали их еще более отчаянными, чем когда-либо, и к проверенной временем практике выкидывания сопротивляющегося капитана за борт, конечно же, прибегли. Одним из самых дерзких нападений стало нападение на "*Сильф*", крейсер Ост-Индской компании водоизмещением 60 тонн с 8 орудиями. Он направлялся из Бомбея в Персию, а когда вошел в залив, был атакован целым флотом арабских доу. Командиром "*Сильфа*" был лейтенант Грэм. Он, конечно, заметил приближающиеся к нему суда, но правительство Бомбея заранее предупредило его не стрелять ни по одному из этих дхоу, пока по нему самому не откроют огонь.

В сложившихся обстоятельствах можно было подумать, что это явный случай неподчинения приказу: не успел он поднять флаги, чтобы обозначить свою национальность, как доу бросились на "*Сильфу*", осыпали ее камнями, ранили многих членов команды, а затем вскочили на борт и захватили судно, не успев сделать ни одного выстрела. Те, кого не успели

убить, были убиты мечом, а враги, оставшись в полном распоряжении, подняли парус и с триумфом повели корабль за собой, а их доу составили им компанию. Но вскоре в поле зрения появился командующий эскадрой, плывущий на фрегате "*Нереида*". Увидев "*Сильфиду*" с таким количеством лодок рядом, он правильно предположил, что ост-индиец пал жертвой пиратов. Устроив погоню за этим многочисленным флотом, он вскоре подошел к "Ост-Индиаману", и арабы снова погрузились в свои доу, коммодору удалось вернуть "*Сильфу*", хотя он не смог захватить ни доу, ни арабов.

И тогда правительство Ост-Индии начало понимать, что необходимо что-то предпринять, чтобы положить конец этим постоянным нападениям: из Бомбея была отправлена экспедиция в составе фрегата и 38-пушечного корабля, а также восьми крейсеров Ост-Индской компании, четырех больших транспортов и бомбардирского катера. Вскоре они прибыли в Рас-эль-Химу, бросили якорь перед городом и высадили войска. Арабы собрались толпой, чтобы напасть на захватчиков, но обученные войска оказались им не по зубам. Регулярные залпы и атака на острие штыка нанесли врагу очень большие потери. Место было сожжено, шестьдесят доу и лодок, а также английский корабль, захваченный ранее, сгорели в огне, а войскам было позволено разграбить все, что они нашли. С очень небольшими потерями для захватчиков вся местность была уничтожена, хотя считалось, что сокровища были вывезены пиратами вглубь острова.

После этого экспедиция отправилась в Лингу, еще один из пиратских портов, и сожгла его дотла. И после захватывающего поединка еще один порт, названный Луфт, также был побежден. Произошло это следующим образом. Поскольку канал был очень сложным и узким, корабли пришлось отвести на якорную стоянку. Затем были высажены войска, и можно было надеяться, что удастся взорвать ворота крепости с помощью специально привезенной для этой цели гаубицы. Толщина крепостных стен составляла четырнадцать футов, так что сровнять их с землей было бы делом нелегким. Но англичане так губительно отстреливались от врага из бойниц крепости, что наши люди обратились в бегство, а гаубица осталась позади. Войска пролежали в укрытии до наступления темноты и смогли добраться до берега, где высадились без дальнейших нападений со стороны противника. Но когда наступил рассвет, представьте себе удивление захватчиков, когда они увидели на вершине крепостной стены человека, размахивающего "Юнион Джеком"! Вся эскадра изумилась и в изумлении протерла глаза. Кто это был, как ему удалось остаться в живых, и что делали враги? Ответ вскоре был найден. Этим доблестным джентльменом оказался лейтенант Холл, командовавший "*Яростью*", одним из ближайших к берегу кораблей. В темноте он сошел с корабля, высадился один с "Юнион Джеком" и двинулся к воротам замка. Здесь он обнаружил, что крепость по большей части покинута, но несколько врагов еще оставались. Увидев британского офицера, они предположили, что на подходе еще несколько его последователей, и поспешно бежали. Теперь офицеру оставалось только в одиночку овладеть крепостью. Это был смелый, хладнокровный поступок, достойный памяти.

Флот снова двинулся в путь и несколько дней обстреливал другую пиратскую крепость под названием Шеназ. В стенах крепости была пробита брешь, и даже теперь арабы оказывали упорное сопротивление, сражаясь до последнего, но город был взят и превратился в руины. И таков был эффект этой затянувшейся экспедиции, что в течение нескольких последующих лет пираты были вынуждены почитать британский флаг всякий раз, когда у них возникало искушение напасть на наши корабли в море. Но как это было с Алжиром, так и с этими арабскими пиратами. Передышка длилась недолго, и к 1815 году арабские доу заполонили вход в Красное море. В следующем году под командованием их адмирала, амира Ибрагима,

их флот захватил у Бабельмандебского пролива четыре британских судна, богато нагруженных грузом из Сурата.

Поэтому против них снова пришлось отправить британскую эскадру. Она состояла из H.M.S. *Challenger* и крейсеров Ост-Индской компании *Mercury*, *Ariel* и *Vestal*, которые были направлены в порт Рас-эль-Хима, где было предъявлено требование вернуть четыре суратских корабля или, в случае отказа, выплатить четыре недостатка рупий, а также выдать Амира Ибрагима. Этот город стоит на узком песчаном участке земли, направленном на северо-восток, северо-западный край которого выходит в открытое море, а юго-восточный - в ручей, впадающий на юго-западе и представляющий собой безопасную гавань для небольших судов. Были видны круглые башни и отдельные стены, но сплошной стены не было. В городе проживало около 10 000 человек, а в порту насчитывалось 60 доу, на которых трудились команды от 80 до 300 человек. В данном случае им помогали еще 40 доу из других портов. Короче говоря, концентрированные силы составляли около 100 доу и 8000 бойцов.

После бесплодных переговоров британской эскадре был дан сигнал подняться на якорь и встать вплотную к берегу. За этим последовал другой сигнал вступить в бой с противником, и эскадра спустилась почти в линию против ветра под легким парусом, пока не подошла к месту, где на якоре стояли четыре доу, причем глубина воды постепенно уменьшалась, пока они не оказались в 2½ саженьях. По этому сигналу эскадра встала на якорь с помощью шпрингов на тросах, так что каждое судно легло широкой стороной к берегу. Теперь был открыт огонь по этим четырем судам противника, которые кипели людьми, размахивая оружием в воздухе. Сначала некоторые из наших снарядов достигли берега и зарылись в песок, другие упали на носы арабских судов. На всех фортах развевались аравийские флаги, а на берегу виднелись толпы вооруженных людей. Но, к несчастью, вся эта бомбардировка ничего не дала, и бескровная битва была завершена.

Атака на пиратский оплот

Англичане пробили брешь в стене, но арабы оказали упорное сопротивление, сражаясь до последнего, но город был разрушен и превратился в руины.

В 1818 году, когда эти пираты обрели такую силу и смелость, что стали представлять большую угрозу для торгового судоходства, против них пришлось отправить еще один флот. Ведь арабские доу не только грабили корабли в море, но и разоряли прибрежные города на островах и материке. Но посланные британские корабли перехватили их и загнали обратно в залив. За один день один из наших кораблей преследовал до семнадцати доу, но ветер благоприятствовал арабским судам, и им удалось уйти. И так мы можем продолжать. На протяжении многих лет эти пираты доставляли серьезные неприятности, и с ними приходилось бороться. Возможно, придет время, когда Персидский залив станет таким же безопасным для судоходства, как сегодня Ла-Манш, с точки зрения уничтожения пиратских судов. Благодаря патрулированию Королевского флота ситуация значительно улучшилась, но то, что опасность все еще существует, хорошо известно, и было бы глупо игнорировать ее. Ведь мы должны помнить, что истребить такую древнюю профессию, как пиратство, - задача не из легких, особенно если этим занимается такая историческая раса моряков, как арабы. Когда какое-либо сообщество на протяжении веков привыкло добывать средства к существованию морским разбоем в Персидском заливе, Красном море, Аравийском море или Индийском океане; когда они так тщательно изучили местную навигацию и привычки своих потенциальных жертв, - этим людям нелегко вдруг отказаться от своих прежних привычек и отказаться от своих с таким трудом приобретенных знаний. Для рыбака из Брикхема или Лоустофта было бы так же легко бросить свое занятие и заняться фермерством или производством, как для арабского раба и пирата стать законопослушным моряком. Но как в прошлом многие из печально известных пиратских морей были очищены сверх всяких ожиданий, так, несомненно, придет время, когда последний морской разбойник исчезнет с обоих полушарий, а пират вымрет, как дронт. Но будет ли при этом морская история такой же интересной и захватывающей, как в предыдущие эпохи, - совсем другой вопрос.

ГЛАВА XXI

ИСТОРИЯ ААРОНА СМИТА

Если бы это выражение не было использовано уже столько тысяч раз, можно было бы сказать о следующей истории, что правда действительно страннее вымысла. Если бы вы прочитали историю, о которой пойдет речь, то в конце ее отметили бы, что она, конечно, очень интересная и захватывающая, но слишком преувеличена, слишком полна совпадений, слишком полна узких побегов, чтобы произойти в реальной жизни. Но с самого начала хочу заверить читателя, что события Смита были реальными, а не вымышленными, и что его история была тщательно изучена в свое время Высшим адмиралтейским судом. Прелюдия, кульминация и развязка этой драмы с ее захватывающими происшествиями, любовным интересом и счастливым концом; романтическая атмосфера, колоритные персонажи, краски и симметрия повествования настолько соответствуют определенным образцам, которые читали в простых сборниках рассказов в детстве, что читатель должен быть полностью уверен в том, что все, о чем здесь рассказывается, действительно имело место. В некоторых отношениях повествование напоминает страницы одного из романов Роберта Луиса Стивенсона, и хотя в силу ограниченности имеющегося в моем распоряжении пространства я был вынужден опустить многие происшествия, которые сосредоточены вокруг Смита и его пиратских соратников, тем не менее факты, изложенные на сайте, взяты из современных данных, и на них можно положиться с полной уверенностью.

Действие романа происходит в 1821 году, а его героем является английский моряк Аарон Смит. В июне Смит отплыл из Англии и сел на торговое судно "*Харрингтон*", которое благополучно переправило его через Атлантику в Вест-Индию. Последующие события заставили его отказаться от работы на этом судне, а поскольку вест-индский климат подрывал его здоровье, он принял решение вернуться домой в Англию. Находясь в Кингстоне на острове Ямайка, он встретился с капитаном британского торгового судна *Zephyr* и был назначен первым помощником. *Zephyr*, как и многие другие суда XVIII и начала XIX веков, был оснащен бригом, то есть квадратными парусами на каждой из двух мачт, треугольным гротом и четырехугольным парусом на второй мачте, подобно гроту судна с рубкой. В наши дни бриги практически устарели, но в то время, о котором мы говорим, они были очень популярны в торговом флоте и для перевозки угля из Ньюкасла-на-Тайне в Лондон.

Приняв на борт вест-индский груз и нескольких пассажиров, "*Зефир*" бросил якорь в июне 1822 года - всего через год после того, как Смит покинул Европу, - и отправился в Англию. С самого начала Смит увидел, что все не так, как должно быть. Лоцман, который вывел корабль в открытое море, был очень неспособным человеком, но вскоре его обязанности закончились, и он покинул судно. Капитана "*Зефира*" звали Ламсден, и даже он был далеко не тем способным мореплавателем, которого можно было ожидать от человека, чьим долгом было провести корабль через широкую Атлантику. Вскоре, не успели они отойти от Кингстона далеко за корму, как с северо-востока поднялся сильный бриз, и поднялась сильная восточная волна, которая несколько оживила бриг. Большинству людей известно, что плавание среди островов и в запутанных каналах Вест-Индии требует большой осторожности и знаний, которыми должен был обладать человек в положении Ламсдена. Судите по удивлению Смита, когда тот обнаружил, что его капитан спрашивает у него совета, какой путь ему выбрать.

Что бы еще ни было в характере Смита, он, несомненно, был чрезвычайно проницательным и осторожным, и он ответил неопределенно, сказав, что "наветренный" переход может продлить плавание, но "подветренный" подвергнет корабль риску быть разграбленным пиратами, которые в те дни были далеко не редкостью. Ламсден взвесил в уме все "за" и "против" и в конце концов решил выбрать "подветренный" путь. Около двух часов дня Смит расхаживал по палубе, как вдруг заметил шхуну весьма подозрительного вида, стоящую в стороне от суши. Не будучи уверенным в ее характере, он поднялся на крышу с подозрительной трубой и внимательно осмотрел ее. Для человека с его морским опытом не потребовалось много времени, чтобы понять, что шхуна - пиратское судно. Ламсден в это время находился внизу, поэтому Смит позвал его на палубу и, указав на странное судно, посоветовал капитану изменить курс брига, чтобы избежать его. Но Ламсден, как и большинство невежественных людей, был крайне упрям и решительно отказался от предложенного совета. С характерной британской сентиментальностью он заявил, что "поскольку он несет английский флаг, никто не посмеет пристать к нему". Шкипер шхуны, как мы увидим в дальнейшем, рассуждал иначе.

Прошло полчаса, бриг продолжал идти прежним курсом, и оба корабля сблизились, когда стало заметно, что на палубе шхуны полно людей. Очевидно, она тоже собиралась спускать шлюпки. Это вызвало тревогу даже в упрямой груди Ламсдена, и теперь он отдал приказ изменить курс на пару пунктов. Но решение было принято слишком поспешно, так как чужак был уже на расстоянии пушечного выстрела. Не успело пройти много времени, как со шхуны послышался шум голосов, и по вздыбленному морю пронеслись короткие, резкие приказы, предписывающие "*Зефиру*" спустить кормовую шлюпку и отправить капитана на борт шхуны.

Ламсден сделал вид, что ничего не понял, но резкий залп мушкета с чужого судна мгновенно ускорил понимание шкипера, и он быстро отдал приказ спустить грот и отчалить.

Шлюпку, спущенную со шхуны, быстро подвели к бригу, и девять или десять человек, свирепые на вид и хорошо вооруженные ножами, тесаками и мушкетами, вскочили на борт. Еще до того, как они покинули палубу шхуны, стало ясно, что это отчаянные пираты, на совести которых немало темных и жестоких дел. Не тратя времени на формальности, они сразу же взяли на себя командование бригом и приказали Ламсдену, Смиту, судовому плотнику, а также капитану Кауперу, ехавшему в качестве пассажира, без промедления отправиться на борт шхуны. Чтобы поторопить их, пираты нанесли им несколько ударов по спине плоской частью своих тесаков, сопровождая эти удары угрозами застрелить их. Компания села в шлюпку шхуны и отчалила; Ламсден вспомнил, что оставил на столе в каюте "*Зефира*" судовые книги, в которых были записаны все деньги, находившиеся на борту брига.

Прибыв на шхуну, пленникам приказали подняться на палубу. Команды отдавал капитан пиратов, человек отталкивающей внешности с диким выражением лица и невысоким ростом. Его возраст не превышал тридцати двух лет, а внешность говорила о том, что в его жилах течет индейская кровь. Ростом он не превышал пяти с половиной футов, у него был аквилинный нос, высокие скулы, большой рот, большие полные глаза, смуглая кожа и черные волосы. Сын испанского отца и юкатанской скво, в нем не было ничего, что могло бы навести на мысль о морском разбойнике.

Но при всем этом дикарском темпераменте в нем не было ничего от дурака, и его ум и глаза всегда были начеку. Уже заметив вдалеке скопление судов, он спросил Ламсдена, что это могут быть за корабли. Получив ответ, что, скорее всего, это французские суда, пиратский капитан отдал приказ готовить шхуну к погоне. Тем временем "*Зефир*" с частью пиратской команды на борту поднял парус и направился к суше в сторону мыса Роман, расположенного примерно в восемнадцати милях. А пока шхуна продвигалась вперед, прокладывая себе путь в теплом море, пират занялся расспросами шкипера брига. Какой у него груз? Ламсден ответил, что он состоит из сахара, рома, кофе, маранты и так далее. Но какие деньги были у него на борту? Ламсден ответил, что денег нет. Такой ответ только раззадорил пирата. "Не считайте меня дураком, сэр, - прорычал он. "Я знаю, что все суда, идущие в Европу, имеют на борту деньги, и, - добавил он, - если вы отдадите все, что у вас есть, то продолжите свое плавание без дальнейших приставаний". Но Ламсден продолжал твердить, что денег нет, на что пират заметил, что если деньги не поступят, он выбросит груз "*Зефира*" за борт.

Ночь быстро приближалась, а бриз, конечно же, стихал, так что, хотя шхуна довольно успешно продвигалась по воде, пират отчаялся когда-либо настигнуть французов. Разочарованный отсутствием успеха, он был вынужден отказаться от погони и изменил курс в сторону "*Зефира*". С наступлением ночи пираты начали готовить ужин и предложили своим пленникам спиртные напитки, от которых те отказались. Теперь капитан пиратов обратил внимание на Смита и заметил, что, поскольку у него плохое здоровье и никто из команды шхуны не разбирается в навигации, он намерен задержать Смита, чтобы тот управлял ею. Не стоит пытаться описать чувства ужаса, с которыми Смит воспринял эту информацию. О силовом сопротивлении не могло быть и речи, хотя он делал все возможное, чтобы ему позволили отказаться от сомнительной чести быть назначенным штурманским офицером на пиратский корабль. Ламсден, которого тоже тревожила мысль о том, что он лишился человека, необходимого для безопасности его брига, выражал нервную надежду, что Смита не задержат. Но ответ пирата на последнюю просьбу был быстрым и ясным. "Если я не

задержу его, - прорычал он на Ламсдена, - я задержу тебя". Это достаточно встревожило хозяина брига, чтобы заставить его замолчать.

Пленники сели ужинать вместе со своим пиратским капитаном и шестью офицерами последнего. Еда состояла из чеснока и лука, нарезанных мелкими кусочками и смешанных с хлебом в миске. Каждый угощался, как хотел, пальцами, и грубые манеры шхуны соответствовали жестокости их профессии. Тем временем поднялся ветерок, и они стали быстро приближаться к *"Зефиру"*. Когда оба судна оказались на небольшом расстоянии друг от друга, пират приказал выстрелить из мушкета, а затем взял курс на берег. На этот сигнал пираты, находившиеся на борту брига, немедленно ответили, и *"Зефир"* продолжил преследование шхуны. Одному из членов команды брига, который был доставлен на борт шхуны в то время, когда были захвачены Ламсен и Смит, теперь было приказано навалиться на борт и дать сигнал, как только шхуна выйдет на зондирование. Важно, что какими бы еще ни были эти пираты, в первую очередь они были разбойниками, а во вторую - моряками, которые пустились в странствия не столько из-за морского энтузиазма, сколько из-за жадности к наживе и возможности потакать своим дикарским вкусам. Поэтому, хотя при нападении на торговое судно их первой целью был грабеж, они также стремились увести с собой всех полезных членов команды торговца, которые были сведущи в мореходстве или навигации.

Как только лидман нащупал дно на глубине четырнадцати саженей, пират приказал спустить шлюпку, и в нее поместили Ламсдена и некоторых членов команды, принадлежавшей *"Зефиру"*. Смит, а вместе с ним и плотник брига были задержаны на шхуне. Сам пиратский капитан, сопровождавший Ламсдена, оставил последнего на борту брига и вернул экипаж пирата, который в первую очередь был оставлен для управления *"Зефиром"*. Они также привезли на шхуну несколько предметов, в том числе часы Каупера, подзорную трубу брига, телескоп самого Смита, одежду последнего и козу. О том, с какими жестокими негодями Смит оказался на корабле, можно судить по тому, что как только животное было поднято на борт, один из членов пиратской команды тут же перерезал козе горло своим ножом, заживо истязая бедное существо, и пообещал такое же обращение своим друзьям, если на *"Зефире"* не будет найдено денег. Даже самый стойкий британский моряк не мог сдержать учащенного сердцебиения при виде такого трусливого и издевательского обращения.

К этому времени шхуна подошла к берегу настолько близко, что находилась в четырех саженях, и якорь был отпущен. *Зефир* тоже отпустил якорь и подошел примерно на пятьдесят ярдов. Освободившись от работы, пираты принялись ликовать и поздравлять друг друга с удачным захватом. Снова наступила ночь, и была назначена вахта. Смит и Кауперу, все еще находившимся на шхуне, было приказано спать в отсеке, но из-за страшной тревоги и возможности никогда больше не проснуться они так и не погрузились в бессознательное состояние. Между ними незаметно завязался разговор, и Каупер, зная, что на *"Зефире"* находится большое количество специй и что Ламсен обманул пиратского капитана, боялся, что об этом станет известно. С уверенностью в том, что его ждет смерть, оба моряка провели ужасную ночь в напряжении и страхе.

Когда рассвело, на палубе брига появились пираты, избивавшие команду *"Зефира"* своими тесаками. На английском корабле развернулась бурная деятельность, поднимали шлюпки, на палубу наматывали канат - в те времена еще использовали пеньку, - снимали люки и готовили все для вывоза груза *"Зефира"*. Пират приказал Смиту подняться на борт брига и принести все, что может понадобиться для навигации, поскольку тот был твердо намерен оставить у себя бывшего помощника английского торговца. Чтобы подчеркнуть свою решимость, полукровка поднял руку в воздух и, занеся над головой бедняги Смита тесак,

пригрозил ему мгновенной смертью, если тот проявит хоть малейшее нежелание. "Послушайте меня, - дразнил он, - или я сниму с вас кожу".

Нам нет нужды описывать чувства Смита и рассказывать, с каким ужасом он обнаружил, что вынужден подчиняться велениям грубого, невежественного вольного разбойника. Для человека, который служил под красным прапорщиком, было униительно до последней степени подчиниться такому отвратительному обращению. Но выбора между покорностью и смертью не было, хотя из того, что в итоге последовало, было очевидно, что Смит не был трусом и не настолько гордился своей шкурой, чтобы бояться смерти. Он поднялся на борт брига, обнаружил, что тот хорошо разграблен, и с тяжелым сердцем принялся собирать свои вещи. Он снял свои золотые часы и секстант, собрал одежду и вернулся на шхуну. Но перед этим он вел себя как человек, собирающийся покинуть этот мир и желающий избавиться от оставшихся вещей. С почти юмористическим пафосом, можно сказать, он приступил к выполнению этого последнего долга. "Мои книги, попугая и другие вещи я отдал на хранение мистеру Ламсдену, который обязался передать их в руки моих друзей, если он доберется до Англии", - и не нужно обладать особо одаренным воображением, чтобы увидеть, как сентиментальный моряк эпохи великих парусников с болью смотрит в последний раз на эти заветные вещи.

Перегрузив груз на шхуну, пираты предались спиртному и опьянели. Но тем временем экипаж брига не мог бездействовать. Капитан пиратов собирался извлечь из своего захвата все, что только можно, и приказал спустить с "*Зефира*" фор-мачту и ярд, а их, вместе с другими лонжеронами, которые могли бы пригодиться, отправить на борт шхуны. Торговое судно было выпотрошено из всего, что только могли вообразить пираты. Не осталось даже постели или одеяла: у детей-пассажиров были украдены даже серьги на ушах. Кроме того, на шхуну перевезли всю живность, которую в те времена, до изобретения холодильных камер и консервов, перевозили на океанских судах, а также некоторое количество питьевой воды.

Но пираты еще не завершили свое подлое дело. Ламсдена и Коупера предупредили, что если они не принесут деньги, которые, по убеждению пирата, еще остались, то "*Зефир*" со всеми находившимися на нем людьми будет сожжен дотла. Надо отдать должное этим двум людям, они упорно отказывались угождать пирату. Это лишь подогрело его пыл, и он отправил их на дно и начал серию бессердечных пыток, которые больше соответствовали худшим чертам Средневековья, чем XIX веку. Решив добиться своего, чего бы ему это ни стоило, он привязал обоих к корабельным насосам и приступил к выполнению угрозы, которую только что обещал. Были сделаны все приготовления для разжигания костра, вокруг несчастных навалены горючие материалы, и вот-вот должны были зажечь свет, когда Ламсден, не в силах больше выносить пытку, признался, что у него есть деньги. Его отпустили, и он, порывшись в кармане, нашел небольшую коробочку с дублонами.

Однако это не только не утолило жажду пирата, но лишь усилило его желание получить еще больше. Ламсден запротестовал, что это все. И снова шкипера привязали к насосам, снова приказали поджечь топливо, и снова жертву собирались сжечь. И снова, в последний момент, Ламсден уступил и предложил сдать все, что у него было. После этого его во второй раз отпустили, и, выдав еще девять дублонов, он заявил, что эти деньги были вверены его попечению от имени бедной женщины. Однако такие человеческие чувства редко попадали в более несимпатичные уши. "Не говори со мной о бедных людях", - зарычал пират. "Я беден, и сделали меня таким ваши соотечественники и американцы. Я знаю, что есть еще деньги, и я либо получу их, либо сожгу тебя и судно".

Подкрепляя свои угрозы делами, он снова приказал Ламсдену спуститься под воду и снова разложил вокруг горючие материалы. Но англичанин стойко переносил пытки: его существо привыкло к такому обращению, и некоторое время он не дрожал. Затем чудовища беззакония поднесли к огню светильник, и красно-желтое пламя вырвалось вперед и уже начало лизать тело шкипера. Некоторое время он терпел мучительную боль, пока огонь вгрызлся в его плоть. С мучительными криками и душераздирающими воплями он умолял избавить его от мучений, посадить в лодку и оставить в одиночестве в открытом океане - все, что угодно, только не это. Денег у него не было: он уже отдал все, чем владел. И после того как это медленное убийство продолжалось некоторое время, упрямый притупленный интеллект пиратского капитана начал работать, и, видя, что даже огонь не может вымолить у страдальца больше денег, он был склонен считать, что последняя монета уже отдана. Тогда, обратившись к кому-то из своей команды, он приказал им плеснуть воды в пламя, и многострадальный Ламсден, скорее мертвый, чем живой, измученный физическими и душевными пытками, был освобожден и получил возможность вновь обрести свободу. Как бы подчеркивая свою зверскую сущность, пираты снова принялись за веселье и ликование по поводу своих незаконно добытых сокровищ.

Но даже в самом отъявленном преступнике всегда остается хотя бы одна маленькая черта человеческой природы, и часто бывает удивительно, как она проявляется, когда обстоятельства, казалось бы, отрицают ее существование. Так было и в случае с этим пиратским капитаном. Все говорило о том, что это самый отъявленный хулиган и убийца без единой положительной черты. И все же, несмотря на все тщетные мольбы Ламсдена о пощаде, пират показал, что последняя искра человеческой доброты еще не погасла. Читатель помнит, что среди вещей, которые Смит унес с брига, были его золотые часы. Пират взял их в руки, осмотрел и, вместо того чтобы немедленно отдать, намекнул, что хотел бы оставить их себе. Такая сдержанность со стороны того, кто без колебаний сжег человека на костре, сама по себе была любопытна. Но на этом его непоследовательность не закончилась. Смит заметил, что часы - подарок его престарелой матери, которую он теперь уже никогда не увидит, и добавил, что хотел бы получить разрешение отправить их ей через Ламсдена, но боится, что пираты отберут их у английского капитана, если они будут ему доверены. Именно тогда пират проявил необычайную противоречивость, которой обладал его характер. "Ваши люди, - начал он, - очень плохого мнения о нас, но я убежу вас, что мы не так плохи, как нас представляют; пойдите со мной, и ваши часы благополучно вернутся домой". С этими словами он еще раз проводил Смита на борт "*Зефира*", передал часы на хранение Ламсдену и дал строгий приказ, чтобы никто и ни за что не забирал их у английского капитана.

Смит окончательно распрощался со своими старыми товарищами, но чтобы он не воспользовался только что оказанной ему поблажкой, капитан пиратов тут же приказал ему вернуться на шхуну и даже подтолкнул его вперед острием своего убийственного ножа. Все это время оба судна лежали рядом, связанные между собой канатами. Удовлетворившись, наконец, тем большим грузом, который он снял с "*Зефира*", и убедившись, что на борту больше нет ничего ценного, пират приказал освободить канаты и сообщил Ламсдену, что тот может считать себя свободным и возобновить плавание. Но он настаивал на том, что ни в коем случае не должен брать курс на Гаванну. Если он это сделает, шхуна будет преследовать его, а когда настигнет, Ламсден и его корабль будут уничтожены без дальнейших раздумий.

И вот, наконец, бриг *"Зефир"*, лишенный большей части ценностей, без некоторых снастей, без помощника и с измученным шкипером, бросил якорь, спустил парусину и вышел в открытое море.

ПЯТНАДЦАТЬ

[1] См. книгу *"Морские волки Средиземноморья"* командера Э. Гамильтона Керри, R.N., которой я обязан за некоторые сведения об этих корсарах и их христианских врагах.

[2] Я хочу признать, что некоторыми фактами я обязан интересной статье г-на Уинфилда М. Томпсона в *"Руле"* за 1909 год.

[3] Британский посол.

Отпечатано компанией "Моррисон и Гибб Лимитед", Эдинбург, 1917 г.